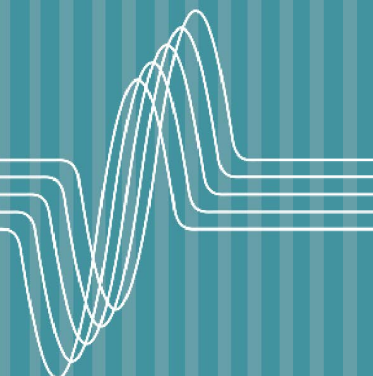

ISSN 2313-5646

1' 2025

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2025. № 1.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)

Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)

Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Шаповал О.И.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 22.02.2025

Подписано к печати 26.02.2025

Дата выхода в свет 28.02.2025

Формат 60x84/8

Объем 12,4 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 14.

Цена: бесплатно. Тираж: 43.

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2025. № 1.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
Registration number: Series PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Andrey V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yury N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko
Editor: Olga I. Shapoval
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 22.02.2025
It is passed for the press 26.02.2025
Date of publishing 28.02.2025

Format 60x84/8
Volume 12,4 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 14. Price: free of charge.
Printed copies: 43.
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.
Contact phone: (4722) 51-71-35; fax: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ДИЗЕР О.А., ШАРУТЕНКО В.Н.
НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ,
ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ
И РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА (К 40-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ)

4 DIZER O.A., SHARUTENKO V.N.
REGULATORY LEGAL PRINCIPLES, ORGANIZATION
AND RESULTS OF SCIENTIFIC, EDITORIAL AND
PUBLISHING ACTIVITIES IN THE PUTILIN BELGOROD
LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR
OF RUSSIA (TO THE 40TH ANNIVERSARY OF ITS
ESTABLISHMENT)

Публично-Правовые (государственно-Правовые) науки

Public Law (State Law) Sciences

БУЧАКОВА М.А., БАТАЛОВ Д.Е.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СИСТЕМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

11 BUCHAKOVA M.A., BATALOV D.E.
NATIONAL INTERESTS IN THE SYSTEM
OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE
RUSSIAN FEDERATION

САВОТЧЕНКО С.Е., АКАПЬЕВ В.Л.
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ
ИНФОРМАЦИИ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

17 SAVOTCHENKO S.E., AKAPEV V.L.
SOME ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL
INFORMATION VISUALIZATION TECHNOLOGIES
IN MODELING ROAD ACCIDENTS

ПРОЛЕТЕНКОВА С.Е.
РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ
СИТУАЦИЯМ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

25 PROLETENKOVA S.E.
THE RUSSIAN EMERGENCY RESPONSE
SYSTEM: PROBLEMS AND MECHANISMS
FOR IMPROVEMENT

ЩЕПАЛОВ С.В.
СУДЕБНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-
ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА
В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРОЦЕССА

34 SHCHEPALOV S.V.
JUDICIAL ADMINISTRATIVE AND
JURISDICTIONAL PROCEEDINGS IN THE
ADMINISTRATIVE PROCESS SYSTEM

БРЕХОВ А.В.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО И ПАРЛАМЕНТСКОГО
ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

44 BREKHOV A.V.
THE LEGAL FRAMEWORK AND THE TOPICAL
ISSUES OF THE REALIZATION'S PRACTICE
OF PUBLIC AND PARLIAMENTARY FINANCIAL
CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

ШУМСКИЙ В.В., ЛАЩЕНКО Р.А.
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЕГО
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

49 SHUMSKY V.V., LASHCHENKO R.A.
PUBLIC OPINION AND ITS IMPORTANCE FOR THE
ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

уголовно-Правовые науки

Criminal Law Sciences

КОБЕЦ П.Н.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АКТАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ХИМИЧЕСКОГО
ТЕРРОРИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И
ПУТИ РЕШЕНИЯ

54 KOBETS P.N.
IMPROVING COUNTERACTION MEASURES
TO ACTS OF INTERNATIONAL CHEMICAL
TERRORISM: CURRENT PROBLEMS
AND SOLUTIONS

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СИНЯЕВА М.И., БАЛАШОВ К.Г. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДРОПОВОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ	62	SINYAEVA M.I., BALASHOV K.G. CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF DROP GUIDES IN MODERN CYBERCRIME
ГАЙКИН М.С. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЗРЫВОТЕХНИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ	70	GAIKIN M.S. ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS OF THE ACTIVITIES OF EXPLOSIVE ENGINEERING UNITS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
МОРОЗОВ Д.В. ОТДЕЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ-НАРКОПРЕСТУПНИЦЫ	77	MOROZOV D.V. SELECTED CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF FEMALE DRUG OFFENDERS
Трибуна Молодого ученого		tribunE of tHE young SciEntiSt
ДОЛЖНИКОВА Е.В. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 6.1.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	82	DOLZHNIKOVA E.V. FEATURES OF QUALIFICATION OF OBJECTIVE SIGNS OF ADMINISTRATIVE OFFENSE PROVIDED FOR IN ART. 6.1.1 CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION
КАПУСТИН М.А. РЕЙТИНГИ ГУБЕРНАТОРОВ, ИЛИ ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	90	KAPUSTIN M.A. RATINGS OF GOVERNORS, OR THE LEGAL ASPECT OF EVALUATING THE ACTIVITIES OF THE SUPREME EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
СЛЮСАРЕВА Е.А. ОБМАН КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА	96	SLYUSAREVA E.A. DECEPTION AS THE ONLY WAY TO COMMIT FRAUD
ХОВАНОВ И.С. ПРАКТИКА ПРИЗНАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	103	KHOVANOV I.S. THE PRACTICE OF RECOGNIZING INFORMATION MATERIALS AS EXTREMIST IN COURT: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PROBLEMS AND WAYS OF SOLVING THEM

**НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ
И РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ И РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА
(К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ)**

**REGULATORY LEGAL PRINCIPLES, ORGANIZATION AND RESULTS
OF SCIENTIFIC, EDITORIAL AND PUBLISHING ACTIVITIES
IN THE PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY
OF THE INTERIOR OF RUSSIA (TO THE 40TH ANNIVERSARY
OF ITS ESTABLISHMENT)**

О.А. ДИЗЕР,

доктор юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
dizer77@mail.ru

OLEG A. DIZER,

Doctor of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

В.Н. ШАРУТЕНКО

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
sharutenko.v@mail.ru

VADIM N. SHARUTENKO

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье освещаются особенности организации и результаты научной и редакционно-издательской деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина за последнее десятилетие.

Ключевые слова: научная деятельность, научно-исследовательская работа, научное общество, институт, научный форум.

Abstract: the article highlights the features of the organization and the results of scientific, editorial and publishing activities of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia over the past decade.

Keywords: scientific activity, scientific research, scientific society, institute, scientific forum.

Результативность работы правоохранительных органов в целом зависит от компетентности, грамотности, опыта каждого сотрудника. Именно это обуславливает то, что Белгородским юридическим институтом МВД России имени И.Д. Путилина на протяжении 40 лет осуществляется подготовка высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации, постоянно ведется поиск новых форм и методов повышения качества обучения.

В современном мире образование является одним из основных механизмов научно-технического и социального прогресса.

Еще в далеком 2007 году, выступая на заседании Совета по реализации приоритетных нацио-

нальных проектов и демографической политике, проходившем в городе Белгороде, Владимир Владимирович Путин отметил, что «... в системе профобразования закладывается будущее нашей страны. Именно здесь формируются основы ее благополучия и безопасности. Поэтому к модернизации образования – как к стратегической задаче – мы обязаны подойти со всей ответственностью»¹.

Эти слова сохраняют свою актуальность и в наши дни. Важная роль при этом отводится научной (научно-исследовательской) деятельности как составной части образовательного процесса.

---

¹ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24534> (дата обращения: 08.02.2025).

Рисунок 1. Количество выполненных НИР

«Эффективность научной деятельности определяется комплексом факторов. Важнейшими из них являются: оптимизация организаций государственного сектора науки и придание им системного характера, концентрация научной деятельности на приоритетных направлениях, действенный механизм реализации этих направлений, развитие кадрового потенциала науки и его материально-технической базы, система передачи полученных научных результатов в практику. Все они зависят от принимаемых государством управленческих решений, призванных оказывать положительное воздействие на усиление их роли. Такой подход складывался на основе проводимой государственной политики в периоды истории всем известных эпох развития нашего государства» [1].

«В МВД России, осознавая важную роль ведомственной науки в борьбе с преступностью, на протяжении длительного времени предпринимаются шаги по совершенствованию ведомственной научно-исследовательской деятельности» [2, с. 12].

Из 40 лет своего существования 10 лет, в соответствии с приказом МВД России от 7 апреля 2015 года № 415, Белгородский юридический институт МВД России носит почетное наименование «имени И.Д. Путилина», в связи с чем возможно подвести определенный итог результатов научной деятельности, достигнутых коллективом института за прошедшее десятилетие.

На протяжении всего периода Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (далее – институт) организовывал и осуществлял научно-исследовательскую и редакционно-издательскую деятельность в соответствии с федеральными законами «О науке

и государственной научно-технической политике»², «Об образовании в Российской Федерации»³, приказом МВД России «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России»⁴, приказом МВД России «О подготовке учебных и научных изданий в системе МВД России»⁵ и др.

Эта деятельность была направлена на получение знаний по фундаментальным разработкам в области юриспруденции, педагогики и психологии, а также на проведение прикладных исследований по наиболее актуальным проблемам деятельности правоохранительных органов.

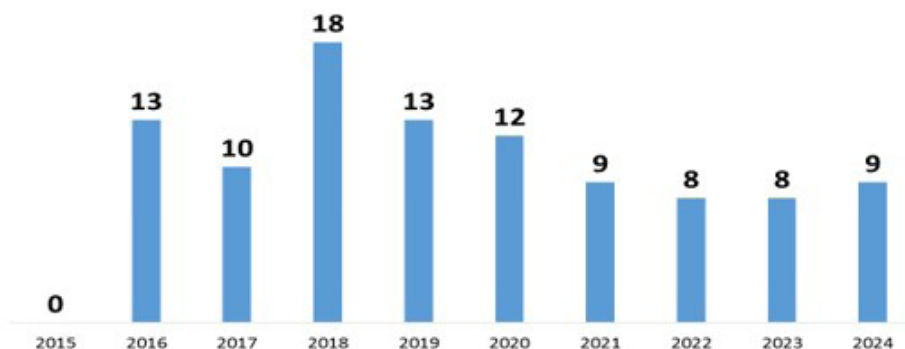
Основные направления научной деятельности прикладного характера, осуществляемые институтом, выбраны с учетом профилей и направлений подготовки специалистов: деятельность подразделений на объектах транспорта, подразделений по контролю за оборотом наркотиков, подразделений дознания.

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2025).

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2025).

⁴ Приказ МВД России от 28.04.2023 № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России» (ред. 18.06.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2025).

⁵ Приказ МВД России от 20.07.2015 № 780 «О подготовке учебных и научных изданий в системе МВД России» (ред. 10.10.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2025).

Рисунок 2. Количество НИР, выполненных в соответствии с профилем подготовки специалистов

За 10 лет научно-педагогическим составом института выполнено 668 научно-исследовательских работ (далее – НИР), из них 132 заказных, в том числе в соответствии с Планом научного обеспечения деятельности ОВД РФ 19 НИР.

Заказчиками в разные годы выступали ГУТ МВД России (43 НИР), ГУРЛС (ДГСК) МВД России (15 НИР), ГУООП МВД России (4 НИР), ГУВМ МВД России (2 НИР), ГУНК МВД России (1 НИР), ГУПЭ МВД России (1 НИР), СД МВД России (1 НИР), УОД МВД России (1 НИР), УМВД России по Белгородской области (51 НИР), УТ по ЦФО (2 НИР), УТ МВД России по ЮФО (1 НИР), УТ МВД России по СКФО (1 НИР), МВД России по Республике Коми (1 НИР), ГУ МВД России по Пермскому краю (6 НИР), МВД России по Республике Бурятия (1 НИР), УМВД России по Курской области (1 НИР). Инициативно научно-педагогическим составом выполнено 536 НИР.

Учитывая, что с 2013 года институт наделен функциями учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений по обеспечению безопасности на транспорте»⁶, ежегодно более 10% НИР от их общего количества выполняется по темам, соответствующим профилю подготовки, что значительно превышает предъявляемые МВД России требования⁷.

В рамках реализации международного сотрудничества, а также в соответствии с положениями Концепции научного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации

⁶ Приказ МВД России от 29.08.2012 № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» (ред. 14.07.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2025).

⁷ Требования в соответствии с показателями и их значениями, применяемыми для оценки направлений деятельности образовательной организации, находящейся в ведении МВД России, утвержденными распоряжением МВД России от 31.03.2022 № 1/3312, не менее 5%.

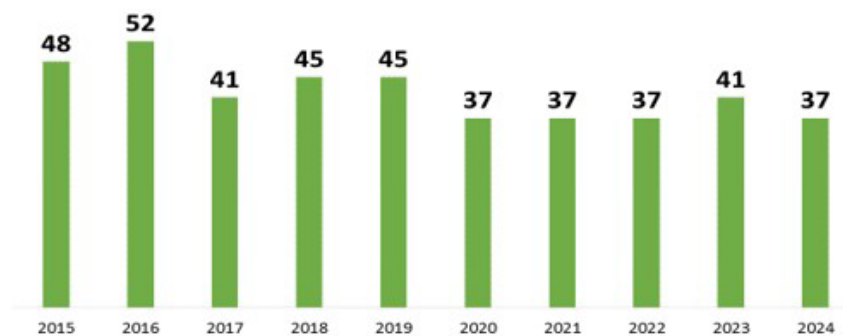
до 2030 года⁸ в институте на постоянной основе проводятся научные исследования совместно с зарубежными партнерами. За 10 лет выполнено (и запланировано к проведению в 2025 году) 7 совместных научных исследований, преимущественно с представителями Могилевского института МВД Республики Беларусь.

За анализируемый период 9 280 публикаций научно-педагогического состава института включены в РИНЦ; в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, опубликовано 2 965 статей; в изданиях, входящих в международные базы Wef of Science и Scopus, 489 статей.

Особое внимание в институте всегда уделялось и продолжает уделяться повышению остротенности профессорско-преподавательского состава. Одним из способов ее повышения является подготовка собственных научно-педагогических кадров.

За 10 лет диссертационные исследования на соискание ученой степени доктора наук в институте защитили 5 человек (Зайцева И.В., Кравцова Е.А., Кузнецов А.В., Римский А.В., Старикова М.С.), на соискание ученой степени кандидата наук – 39 сотрудников и работников (Антонов А.Е., Апальков А.В., Баринов А.С., Белимова А.А., Белоненко Е.О., Беляева Е.Г., Боталова М.Е., Воротник А.Н., Глушков Е.Л., Дергилева С.Ю., Дмитраков А.М., Дорофеева Ж.П., Дубровский В.Ю., Зейналбдыева А.В., Квасова О.А., Клименко Б.А., Клименко С.С., Корнюшкина А.Ю., Кулиничев А.Н., Лыков Э.Н., Малахов А.Г., Муханов Ю.В., Недоступен-

⁸ Приказ МВД России от 13.11.2020 № 767 «Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2025).

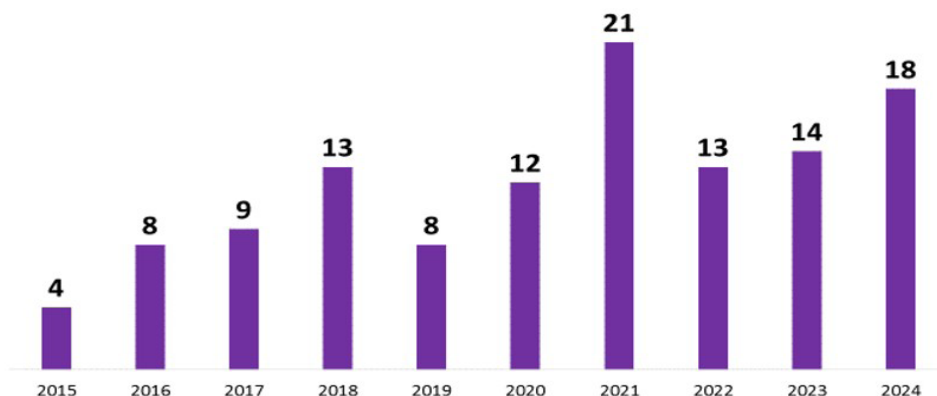
Рисунок 3. Количество научно-представительских мероприятий, проведенных в институте

ко Т.А., Николаенко Е.А., Паршин Н.М., Петрыкин Н.Н., Потетин В.А., Решетникова А.И., Свиридов Р.В., Сергеева Д.А., Сергеев В.В., Струков В.Н., Тарасов В.А., Тарасова Л.В., Усачева Е.А., Федосеев А.Э., Черняков С.А., Чиненов А.В., Чистюхина М.В.).

Институт является постоянным участником и организатором научно-представительских мероприятий различного уровня. Ежегодно в институте проводится более 30 научно-представитель-

244 работы, из которых 120 стали победителями и призерами конкурсов различного уровня.

При организации научной деятельности в последние годы в институте особое внимание уделяется тематике, связанной с действиями органов внутренних дел в особых условиях, в том числе при проведении специальной военной операции. По этому направлению подготовлено (подготавливается) 28 НИР, проведено 6 научно-представительских мероприятий.

Рисунок 4. Результаты участия научно-педагогического состава в конкурсах научных работ (призовые места)

ских мероприятий по актуальным проблемам правоохранительной деятельности, в работе которых принимают участие не только научно-педагогический состав и обучающиеся института, но и представители иных правоохранительных органов, органов государственной власти и управления, ведущие ученые образовательных и научных организаций, в том числе зарубежных партнеров.

Научно-педагогический состав института на постоянной основе принимает участие в конкурсах научных работ различного уровня. За рассматриваемый период в 76 конкурсах приняло участие

Наиболее значимой, актуальной и интересной, по признанию самих участников мероприятия, стала проведенная 25 апреля 2024 года кафедрой тактико-специальной подготовки и научно-исследовательским отделом Всероссийской научно-практической конференции «Особенности деятельности органов публичной власти в кризисных ситуациях: на примере приграничных регионов в период проведения специальной военной операции». В конференции приняли участие представители Министерства обороны Российской Федерации, Главного

управления МЧС России по Белгородской области, сотрудники УМВД России по Белгородской области, Управления Росгвардии по Белгородской области, Сервисного центра беспилотных воздушных судов группы компаний «Гаскар», Центра развития военно-спортивной подготовки и патриотического воспитания молодежи «ВОИН» в Белгородской области, а также, в режиме видео-конференц-связи, представители Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, Нижегородской академии МВД России, Волгоградской академии МВД России, Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Уральского юридического института МВД России.

Также 11 сентября 2024 года, в рамках Первого Белгородского юридического форума, институт стал площадкой для проведения Всероссийской научно-практической конференции «Правоприменение в кризисных ситуациях: эффективность управленческих решений». Научный форум объединил ведущих ученых, практиков и обучающихся более чем 20 образовательных и научных организаций, правоохранительных органов Российской Федерации.

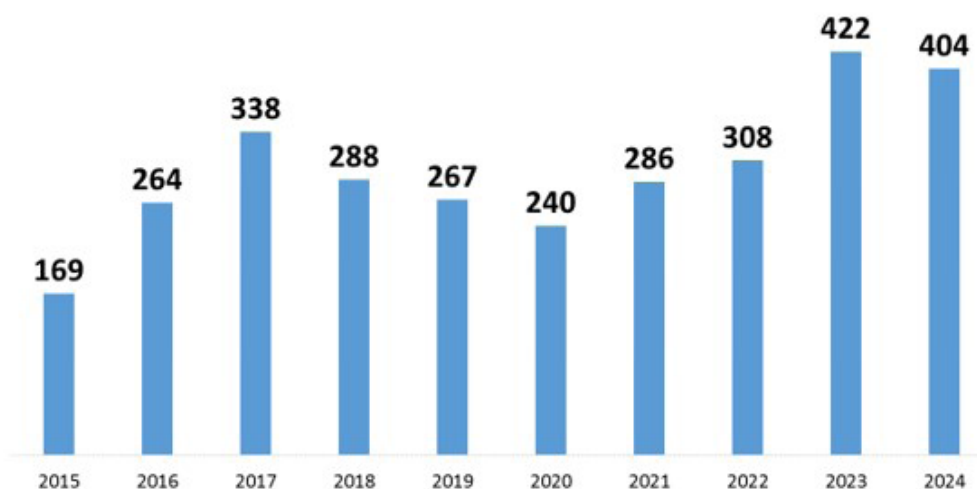
5 ноября 2024 года в рамках XXII Иоасафовских Международных образовательных чтений «80-летие Великой Победы: память и духовный опыт поколений» в институте состоялось заседание секции «Специальная военная операция как продолжение подвига наших прадедов и отцов в противостоянии России современному фашизму». В мероприятии приняли участие представители Белгородской областной Думы, правоохранительных органов и образовательных организаций области.

В институте на постоянной основе проводится работа по выявлению положительного опы-

та в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В 2024 году второй год подряд выявленная информация о наиболее эффективных (в том числе новых) формах и методах работы признана решением научно-практической секции ГУРЛС МВД России положительным опытом. Положительным признан опыт использования симуляционной учебной программы работы с автоматизированными информационными базами данных и сервисами, разработанной сотрудниками кафедры оперативно-разыскной деятельности (в 2023 году признан положительным опыт использования институтом в служебной деятельности учебных фильмов при подготовке к несению службы в суточном наряде (Решение научно-практической секции ГУРЛС МВД России от 28.06.2024, протокол № 2)).

Современные реалии, обусловленные динамичностью экономических и социальных процессов, происходящих в обществе, определяют необходимость конструктивного преобразования всей инфраструктуры социума. Общее направление вектора развития страны, модернизации ее основных институтов определено высшим руководством России и включает в себя и изменение подходов к оценке качественной совокупности требований, предъявляемых к специалистам органов внутренних дел. В этом аспекте следует отметить, что одним из критериев оценки профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, безусловно, является уровень полученного ими образования, являющегося базисом дальнейшего профессионального развития. Общегосударственное значение имеет и проблема повышения качества юридического образования, требующая уделения ей пристального внимания.

В этой связи важным направлением подготовки будущих специалистов является научно-исследовательская работа обучающихся.

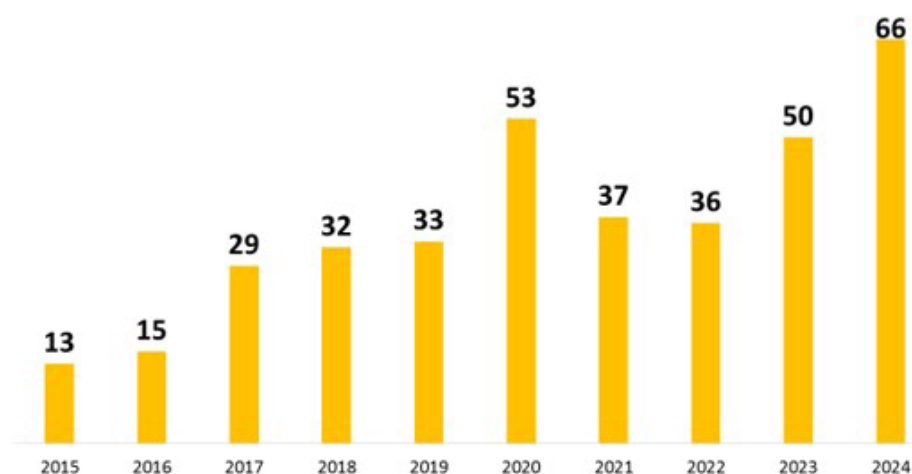

Рисунок 5. Количество публикаций обучающихся

«Научное творчество курсантов, слушателей и студентов является важным средством повышения качества подготовки высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел, способных творчески применять в практической деятельности новейшие достижения научно-технического прогресса, адаптироваться к современным условиям развития общества. Оно входит в число основных задач любой образовательной организации, которые решаются на базе единства учебного процесса, воспитательной работы и научно-исследовательской деятельности» [3, с. 198].

слушатели факультетов заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации, профессиональной подготовки.

За последние 10 лет в институте проведено 69 конкурсов научных работ обучающихся. Курсантами, слушателями и адъюнктами подготовлено свыше 3 000 научно-исследовательских работ различных видов. В сборниках материалов конференций, сборниках научных трудов, научно-теоретических журналах и прочих изданиях опубликовано 2 986 научных статей. Непосредственно в институте издано 44 сборника научных статей обучающихся.

Рисунок 6. Участие обучающихся в конкурсах научных работ (призовые места)

Основными организационными формами научно-исследовательской деятельности курсантов, слушателей и студентов в институте являются:

- участие в работе научных кружков;
- участие в конкурсах научных работ различного уровня;
- выполнение научных работ по планам-графикам научной деятельности института в составе авторских коллективов с участием профессорско-преподавательского состава;
- участие в научно-представительских мероприятиях.

В институте функционирует научное общество курсантов, слушателей и адъюнктов, в рамках которого по направлениям деятельности кафедр под руководством наиболее опытных преподавателей на постоянной основе работают 16 научных кружков, в состав которых входит более 200 обучающихся.

К участию в научно-исследовательской деятельности привлекаются все категории обучающихся, в том числе и иностранные слушатели,

За анализируемый период в институте проведено 77 международных, всероссийских и вузовских конкурсов научных работ среди обучающихся.

Для участия в проводимых за пределами института конкурсах международного, всероссийского, регионального и межвузовского уровней были направлены 1 047 работ; 364 работы стали победителями и призерами конкурсов.

Подытоживая, следует отметить, что научно-исследовательская и редакционно-издательская деятельность в институте находится на достаточно высоком уровне и осуществляется с учетом наиболее приоритетных проблем в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения. Кроме того, высокая степень вовлеченности в научную деятельность обучающихся связана с необходимостью формирования исследовательских компетенций, необходимых для получения полноценного завершения высшего образования.

Литература

---

1. **Овчинников О.А.** Научное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/62934-nauchnoe-obespechenie-pravookhranitelnoj-deyatelnosti-organov-vnutrennikh-rossijskoj> (дата обращения: 08.02.2025).
2. **Дизер О.А., Шарутенко В.Н.** Совершенствование Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года / Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России: сборник статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. С. 12–17.
3. **Шарутенко В.Н.** Вопросы организации научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях МВД России / Развитие ведомственной науки в XXI веке: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград, 2013. С. 198–204.

References

---

1. **Ovchinnikov O.A.** Nauchnoe obespechenie pravookhranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/62934-nauchnoe-obespechenie-pravookhranitelnoj-deyatelnosti-organov-vnutrennikh-rossijskoj> (data obrashcheniya: 08.02.2025).
2. **Dizer O.A., Sharutenko V.N.** Sovershenstvovanie Konceptii nauchnogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda / Aktual'nye problemy i tendencii razvitiya nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii: sbornik statej po itogam vnutrivedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Sankt-Peterburg, 2022. S. 12–17.
3. **Sharutenko V.N.** Voprosy organizacii nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti obuchayushchihsya v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii / Razvitie vedomstvennoj nauki v XXI veke: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Volgograd, 2013. S. 198–204.

(статья сдана в редакцию 08.02.2025)

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****NATIONAL INTERESTS IN THE SYSTEM OF ENSURING
THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 342.3

М.А. БУЧАКОВА,
доктор юридических наук, профессор
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
mb290163@mail.ru

MARINA A. BUCHAKOVA,
Doctor of Law, Professor
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Д.Е. БАТАЛОВ
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
BaDa4815@yandex.ru

DANILO E. BATALOV
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: национальная безопасность является комплексным правовым явлением, в систему которой входят совокупность взаимосвязанных элементов. В свою очередь, деятельность по обеспечению национальной безопасности характеризуется многофункциональностью, поскольку она направлена на предотвращение и нейтрализацию как внутренних, так и внешних угроз. В современной геополитической реальности актуальные вызовы ставят перед государством новые задачи в сфере обеспечения национальной безопасности. В целях противодействия деструктивному влиянию на Российскую Федерацию органы публичной власти формируют государственную политику, которая должна учитывать наиболее значимые потребности личности, общества и государства, которые определяются как национальные интересы. В данной статье авторы исследуют сущностные характеристики национальных интересов как правового явления, их место и значение в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Отдельно подчеркивается диалектическая связь национальных интересов и права, которое выступает инструментом их признания, закрепления и обеспечения со стороны государства, выступая тем самым одной из гарантий. Результатом научного осмысления природы национальных интересов является их авторская классификация, а также анализ особенностей процесса формирования наиболее значимых потребностей триады объектов обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, суверенитет, потребности, приоритеты, вызовы, внешние и внутренние угрозы.

Для цитирования: Бучакова М.А., Баталов Д.Е. Национальные интересы в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 11–16.

Abstract: national security is a complex legal phenomenon, the system of which includes a set of interrelated elements. In turn, national security activities are characterized by versatility, as they are aimed at preventing and neutralizing both internal and external threats. In the modern geopolitical reality, current challenges pose new challenges for the state in the field of national security. In order to counteract the destructive influence on the Russian Federation, public authorities form a state policy that should take into account the most significant needs of the individual, society and the state, which are defined as national interests. In this article, the author examines the essential characteristics of national interests as a legal phenomenon, their place and importance in the system of ensuring national security of the Russian

Federation. The dialectical connection between national interests and law is emphasized separately, which acts as an instrument for their recognition, consolidation and provision by the state, thereby acting as one of the guarantees. The result of scientific understanding of the nature of national interests is their author's classification, as well as an analysis of the features of the formation of the most significant needs of the triad of national security facilities.

Keywords: national interests, national security, sovereignty, needs, priorities, challenges, external and internal threats.

For citation: Buchakova M.A., Batalov D.E. National interests in the system of ensuring national security of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 11–16.

В Российской Федерации вопросы обеспечения национальной безопасности входят в круг приоритетных направлений деятельности государства. Данная проблема особенно актуализировалась в условиях проведения специальной военной операции, а также в связи с нарастающими внутренними проблемами (демографией, экономикой, экологией и др.). Вследствие этого государству в лице органов публичной власти необходимо формировать систему приоритетов, в соответствии с которой будут реализовываться наиболее значимые потребности личности общества и государства, а именно национальные интересы.

Отметим, что национальные интересы и стратегические национальные приоритеты являются структурными элементами системы национальной безопасности, определение которой, в свою очередь, не нашло законодательного закрепления, что порождает различные подходы к ее толкованию [1; 2; 3]. На наш взгляд, под национальной безопасностью следует понимать гарантируемое государством посредством системы органов публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества состояние сбалансированной защиты национальных интересов от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается динамичное развитие личности, общества и государства на основе взаимной ответственности.

В теории национальной безопасности интересы, как правило, рассматриваются в качестве потребностей, осознаваемых субъектом, «которые обусловлены национально-культурными особенностями и сформировавшимися ценностями, социально-экономическим и политическим устройством общества на определенном этапе его исторического развития» [4]. Следовательно, такие потребности являются необходимостью для существования и развития субъектов в процессе жизнедеятельности. Они не являются статичными, а изменяются в зависимости от сложившейся объективной реальности и уровня развития, на котором находится

общество. При этом, как отмечают А.Х. Саидов и Л.Ф. Кашинская, интересы всегда первичны. Они определяют содержание и характер права. Национальное право любой страны призвано защищать национальные интересы [5, с. 119]. Следовательно, право одновременно выступает и выражением наиболее значимых потребностей, и средством их обеспечения. То есть, как отметил С.Ю. Чапчиков, они «опосредованы правом» [6, с. 163]. Так, Конституция Российской Федерации (ст. 2, 19 – приоритет прав и свобод человека; ст. 6, ч. 2 ст. 61 – гарантия устойчивой правовой связи человека и государства; ст. 7, ч. 3 ст. 37 – защита труда и здоровья; ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 35 – признание и охрана частной собственности; ч. 2 ст. 23, ч. 1 ст. 24, п. «м» ст. 71 – защита персональных данных в информационной среде) по своей природе выступает источником наиболее значимых национальных интересов. При этом факт закрепления в ней потребностей через права, свободы и гарантии¹ является своеобразной «системой координат», с учетом которой должны готовиться все законодательные инициативы в государстве.

Раскрывая сущностную характеристику национальных интересов, необходимо выделить их наиболее значимые признаки. В юридической науке данное явление, как правило, исследуется сквозь призму потребностей. В соответствии с подп. 2 п. 5 Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400², это «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Данное определение также апеллирует к такому термину, как по-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ребность, в которой нуждаются конкретные субъекты, – личность, общество и государство, одновременно являющиеся и объектами обеспечения безопасности. Такая потребность, с точки зрения юриспруденции, проявляется в обеспечении прав и свобод, а также соблюдении обязанностей со стороны отдельной личности, общества и государства.

Отдельные ученые выделяют ценностную характеристику национальных интересов. Так, И.Б. Кардашова отмечает, что «национальные интересы представляют собой предметную форму выражения национальных ценностей, в основе которого лежат объективные потребности развития личности, общества и государства» [7, с. 57]. Схожей точки зрения придерживается В.П. Назаров, который под национальными интересами понимает «осознанные потребности и сформированные государством, обществом, социальной группой, индивидом в целях достижения благоприятных условий стабильного существования и устойчивого развития» [8, с. 11]. С нашей точки зрения, ценности могут лишь определять потребности личности, общества и государства. Так, в соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации семья признается общественно значимой ценностью, которая формирует потребность в улучшении демографической ситуации через институт брака как союза мужчины и женщины в целях создания условий для достойного воспитания детей.

Национальным интересам свойственен системный и комплексный характер, что выражается в их иерархической подчиненности и взаимосвязи. Это проявляется в их целостности, т.е. охвате всех сфер жизни общества и их влиянии друг на друга. Приоритет одних потребностей по отношению к другим заключается в их иерархичности. Как верно отмечает С.А. Проскурин, ключевым признаком того, что национальные интересы выступают элементами системы, является строгая субординация [9, с. 53], предусматривающая достижение основной цели – обеспечения национальной безопасности. При этом, реагируя на изменения внешней среды, национальные интересы динамичны и должны развиваться, адаптируясь к новым вызовам и угрозам.

Немаловажным характерным признаком национальных интересов является баланс их обеспечения. Если рассматривать три аспекта безопасности – личную, общественную и государственную как единое целое, то можно заметить следующую закономерность: когда доминирующей становится безопасность государства, нация рискует оказаться под гнетом

деспотической власти. С другой стороны, когда приоритет отдается безопасности личности и общества, а роль государства уменьшается, возникает риск анархии и разрушения социального порядка. Отметим, что, на наш взгляд, данный признак должен получить статус принципа обеспечения национальной безопасности, как это ранее было указано в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»³. В действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ⁴ «О безопасности» данный принцип отсутствует, при том сохранилось триединство объектов обеспечения национальной безопасности.

Государство выступает основным объектом формирования национальных интересов, что, безусловно, является оправданным. Конституция Российской Федерации, в равной степени охраняя интересы всей триады объектов обеспечения национальной безопасности, предоставляет особую гарантию безопасности государству, что вполне логично, так как разложение государственных властных институтов может привести к глубокому общественному кризису. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы признаются высшей ценностью, но в той части, в которой необходимо для обеспечения безопасности государства, могут быть ограничены.

К сущностным характеристикам также следует отнести социальную справедливость, а также наличие экономического базиса для эффективного и справедливого обеспечения интересов всей триады объектов национальной безопасности. Л.И. Абалкин, рассуждая над проблемой многообразия национальных интересов, подчеркивает необходимость предоставления подходящих условий для экономического благополучия и обеспечения защиты внутреннего производителя; поддержания и повышения качества материального, культурно-нравственного состояния жизненных процессов конкретной социальной общности; реализации обязанностей и обязательств, продиктованных геополитическим положением государства, его роли в сфере внешнеэкономических отношений и связей [10, с. 7].

Таким образом, под сущностью национальных интересов следует понимать совокупность признаков, обусловленных конкретным истори-

³ Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ческим этапом развития государства и системой правовых норм, которые позволяют наиболее полно удовлетворить самые значимые потребности всей триады объектов в их диалектической взаимосвязи.

Проанализировав признаки национальных интересов и их диалектическую связь с угрозами, стоит отметить, что данное явление имеет сложный многоаспектный характер. В связи с чем не представляется возможным выделить какой-либо один наиболее важный национальный интерес – это всегда совокупность, которую необходимо классифицировать, используя для этого различные основания, чтобы привести их в систему.

Вопрос классификации национальных интересов в том или ином виде отражен как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Как правило, законодатель использует два подхода – простое декларирование наиболее важных национальных интересов (Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан⁵) и систематизацию сквозь призму сфер жизнедеятельности общества (Республика Беларусь, Азербайджанская Республика⁶).

Существуют различные теоретические подходы к классификации национальных интересов. Так, А.И. Овчинников выделяет следующие основания: по степени значимости для обеспечения национальной безопасности (первостепенной и второстепенной значимости); в зависимости от территории, с которой связаны интересы (глобальные, региональные и локальные); в зависимости от уровня нормативно-правовых механизмов реализации, на котором интересы могут и должны быть реализованы (международно-правовые, национально-государственные и региональные); с

⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 2012. – № 19–20 (26838-26839); Указ Президента Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года УП № 570 «О Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики» // Эркин-Тоо. – 2021. – № 154; Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 года № 721 «О безопасности» [Электронный ресурс]. – URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/721_ru.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

⁶ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 30.08.2024); Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 года № 712-III «О национальной безопасности» // Азербайджан. – 2004. – № 181.

учетом сферы общественной жизни, к которой относятся интересы (идеологические, культурные, экономические, политические, социальные и т.д.) [11, с. 8–9]. Данная классификация, на наш взгляд, характеризуется наибольшей универсальностью и в совокупности с иными подходами может являться основой для формулирования авторской позиции относительно классификации национальных интересов.

Стоит отметить позицию Р.Р. Улитина, который делит национальные интересы по сферам (политические, экономические, военные, идеологические, культурные, информационные); по уровню устойчивости во времени (непосредственные, до 1 года, кратковременные или краткосрочные, от 1 до 5 лет, среднесрочные, от 5 до 20 лет, долгосрочные или долгосрочно-будущие, от 20 до 50 лет, далекое будущее, более 50 лет); по степени важности для общества и государства (жизненно важные, важные, периферийные); по отношениям между участвующими сторонами (конфронтационные, расходящиеся, совместные); по географической направленности (глобальные, региональные, локальные) [12, с. 131]. Данная классификация вызывает интерес наличием высокой доли конкретики в формулировании оснований, что положительно влияет на выделение отдельных видов национальных интересов.

Приведенные выше подходы к классификации национальных интересов не учитывают ряд критериев, по которым можно выделить ту или иную потребность. В целях систематизации рассматриваемого явления, считаем целесообразным предложить авторскую классификацию:

- в зависимости от субъекта-носителя национальных интересов: интересы личности, интересы общества, интересы государства;
- по степени приоритетности: жизненно важные, важные, ситуативные (второстепенные);
- по территориальному распространению: глобальные, межгосударственные, государственные, региональные (или локальные);
- по степени долгосрочности: постоянные и временные, а также стратегические (более 5 лет), тактические (от 1 до 5 лет), оперативные (до 1 года);
- по уровню нормативного правового обеспечения: международно-правовые, государственные и региональные;
- по сферам жизнедеятельности общества: политические, экономические, правовые, социальные, военные, информационные, экологические, научные, духовно-нравственные.

Отметим, что данная классификация имеет не только научное, но и практическое значение. Благодаря использованию данных кри-

териев в ходе создания новых документов стратегического планирования авторы смогут предельно системно подойти к выделению наиболее приоритетных национальных интересов, что позволит оптимизировать процесс обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Как отмечалось ранее, национальные интересы – это сложное и многогранное явление, на процесс формирования которых оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы (геополитическое положение государства; уровень его социально-экономического развития; представления лиц, принимающих решения о национальных интересах; присущая данному обществу система ценностей и др.). В целях определения особенностей формирования национальных интересов предлагается выделить следующие этапы:

– определение обществом и государством объективных потребностей в конкретно-определенном историческом этапе;

– выявление совокупности условий, которые могут повлиять на определение потребностей. К таковым следует отнести уровень общественного сознания, господство в обществе той или иной социальной группы, мировоззрение общества, уровень материального благополучия населения, сложившаяся модель государственного устройства;

– согласование наиболее значимых потребностей общества и государства. Данный этап характеризуется активной работой институтов гражданского общества и органов публичной власти. Общество через некоммерческие организации (политические партии, ассоциации и союзы, фонды) доносит свое представление о значимых потребностях, которые государство анализирует;

– оценка потенциала государства. На данном этапе органы публичной власти, анализируя мнение общества, проводят аудит собственных возможностей по реализации общественных и собственных потребностей. Государство осуществляет постоянный мониторинг таких показателей, как уровень экономического развития, наличие необходимых ресурсов как политического, так и экономического характера. Одновременно с этим осуществляется критическая оценка реальных и потенциальных угроз национальной безопасности, сложившейся геополитической обстановки;

– официальное признание и реализация государством совместно с институтами гражданского общества наиболее значимых потребностей. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом

планировании в Российской Федерации»⁷ формируется и принимается в установленном порядке Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также иные документы стратегического планирования, в которых в систематизированном виде представлены наиболее значимые потребности общества и государства – национальные интересы, а также закреплен наиболее общий порядок деятельности государства по их обеспечению;

– последующая оценка реализации национальных интересов. Если те или иные национальные интересы были реализованы, то идет перераспределение ресурсов с целью реализации оставшихся потребностей или же формируется новая система национальных интересов. Если же обеспечить тот или иной национальный интерес не удалось, то в действующие документы стратегического планирования вносятся коррективы, чему способствует мониторинг реализации документов стратегического планирования.

Следовательно, процесс формирования национальных интересов носит комплексный и системный характер, который имеет свойство непрерывности. Связано это с тем, что общественные отношения постоянно меняются, причем скорость изменений растет в прогрессии. В связи с этим законодатель установил, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации корректируется каждые шесть лет. После принятия очередного документа стратегического планирования, сразу же заново начнется процедура формирования новых национальных интересов, которые лягут в основу уже перспективной стратегии.

Таким образом, в структуре национальной безопасности национальные интересы играют системообразующее значение. Выступая наиболее значимыми потребностями личности, общества и государства, они оказывают влияние на стратегические национальные приоритеты, которые определяют государственную политику. При этом национальные интересы детерминированы достаточно широким кругом факторов, которые носят политический, социальный, экономический, исторический характер. Возникая в недрах общества и государства, они должны быть официально признаны, т.е. облечены в правовую форму, которая одновременно с этим выступает средством их обеспечения.

Активно меняющаяся международная и внутригосударственная обстановка, несомненно,

⁷ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оказывает влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Декларируемые национальные интересы в действующей Стратегии национальной безопасности, принятой совершенно в другой геополитической реальности, уже утрачивают актуальность. В связи с

этим считаем, что в новой редакции основополагающего документа стратегического планирования государство сформулирует принципиально новую систему потребностей, направленных на сохранение суверенитета и безопасность общества.

Литература

---

1. **Вишняков В.Г.** О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. – 2005. – № 9 (105). – С. 27–39.
2. **Буркин И.А., Возжеников А.В., Синеок Н.В.** Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / под ред. А.В. Возженикова. – Москва: РАГС, 2008. – 478 с.
3. **Вербицкая Т.В.** Национальная безопасность как институт конституционного права. – Москва: Мир науки, 2015. – 94 с.
4. **Андреев Ю.Н.** Интересы в современном российском праве: теория и практика: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 491 с.
5. **Саидов А.Х., Кашинская Л.Ф.** Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 119–126.
6. **Чапчиков С.Ю.** Национальная безопасность и национальные интересы: соотношение в общетеоретическом подходе // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 1 (70). – С. 159–166.
7. **Кардашова И.Б.** Тенденции правового регулирования в сфере национальной безопасности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1 (81). – С. 51–59.
8. **Назаров В.П.** Национальные интересы во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – № 17 (1). – С. 7–21.
9. **Проскурин С.А.** Национальные интересы и внешнеполитические приоритеты России // Власть. – 1996. – № 8. – С. 52–55.
10. **Абалкин Л.И.** О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. – 1994. – № 2. – С. 4–16.
11. **Овчинников А.И.** Национальные интересы России: понятие и виды // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 2. – С. 7–10.
12. **Улитин Р.Р.** Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 129–137.

References

---

1. **Vishnyakov V.G.** O metodologicheskikh osnovakh pravovogo regulirovaniya problem bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2005. – № 9 (105). – S. 27–39.
2. **Burkin I.A., Vozzhenikov A.V., Sineok N.V.** Natsional'naya bezopasnost' Rossii v kontekste sovremennykh politicheskikh protsessov / pod red. A.V. Vozzhenikova. – Moskva: RAGS, 2008. – 478 s.
3. **Verbitskaya T.V.** Natsional'naya bezopasnost' kak institut konstitutsionnogo prava. – Moskva: Mir nauki, 2015. – 94 s.
4. **Andreev Yu.N.** Interesy v sovremennom rossiiskom prave: teoriya i praktika: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2023. – 491 s.
5. **Saidov A.Kh., Kashinskaya L.F.** Natsional'naya bezopasnost' i natsional'nye interesy: vzaimosvyaz' i vzaimodeistvie (opyt politiko-pravovogo analiza) // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2005. – № 12. – S. 119–126.
6. **Chapchikov S.Yu.** Natsional'naya bezopasnost' i natsional'nye interesy: sootnoshenie v obshcheteoreticheskom podkhode // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2024. – № 1 (70). – S. 159–166.
7. **Kardashova I.B.** Tendentsii pravovogo regulirovaniya v sfere natsional'noi bezopasnosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2021. – № 1 (81). – S. 51–59.
8. **Nazarov V.P.** Natsional'nye interesy vo vneshnei politike Rossii // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2024. – № 17(1). – S. 7–21.
9. **Proskurin S.A.** Natsional'nye interesy i vneshnepoliticheskie prioritety Rossii // Vlast'. – 1996. – № 8. – S. 52–55.
10. **Abalkin L.I.** O natsional'no-gosudarstvennykh interesakh Rossii // Voprosy ekonomiki. – 1994. – № 2. – S. 4–16.
11. **Ovchinnikov A.I.** Natsional'nye interesy Rossii: ponyatie i vidy // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2014. – № 2. – S. 7–10.
12. **Ulitin R.R.** Sootnoshenie ponyatii «natsional'nyi interes» i «natsional'naya bezopasnost'» v trudakh zapadnykh i otechestvennykh issledovatelei // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, Politologiya, Regionovedenie. – 2003. – № 1. – S. 129–137.

(статья сдана в редакцию 16.01.2025)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

SOME ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL INFORMATION VISUALIZATION TECHNOLOGIES IN MODELING ROAD ACCIDENTS

УДК 34

С.Е. САВОТЧЕНКО,

доктор физико-математических наук, доцент
(Российский государственный
геологоразведочный университет
имени Серго Орджоникидзе,
Россия, Москва)
savotchenkose@mgri.ru

SERGEY E. SAVOTCHENKO,

Doctor of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor
(Sergo Ordzhonikidze Russian State University
for Geological Prospecting,
Moscow, Russia)

В.Л. АКАПЬЕВ,

кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
akapevvl@yandex.ru

VICTOR L. AKAPEV,

Candidate of Pedagogical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются возможности цифровизации отдельных направлений деятельности экспертов-криминалистов и особенности аппаратно-программных средств визуализации дорожно-транспортных происшествий. Отмечается, что дорожно-транспортное происшествие по своей сути представляет собой многофакторное явление, восприятие отдельных элементов которого его участниками, свидетелями и экспертами может вызвать серьезные затруднения – частично их устранить помогут современные цифровые технологии визуализации и анимации, ориентированные на физиологическую специфику понимания человеком значительной части информации с помощью органов зрения. Выявлены причины необходимости цифровизации действий экспертно-криминалистической деятельности на основе формализации знаний, умений и навыков сотрудников правоохранительных органов. Отмечено, что в настоящее время сложились условия на основании применения сформировавшегося метода компьютерного моделирования и криминалистической реконструкции для перехода на интерактивные и мультимедийные технологии осуществления профессиональной деятельности экспертами-криминалистами, а наиболее эффективным методом проведения экспертиз дорожно-транспортных происшествий является построение цифровых моделей с элементами компьютерной анимации. Определены преимущества использования цифровой технологии компьютерной анимации и проанализированы ее конкретные инструменты. Обоснована перспективность использования криминалистической анимации для улучшения коммуникации в судебных процессах.

Ключевые слова: 3D-анимация, визуализация информации, дорожно-транспортное происшествие, компьютерная анимация, криминалистическая реконструкция дорожно-транспортного происшествия, цифровизация экспертной деятельности, цифровые технологии, экспертная деятельность.

Для цитирования: Савотченко С.Е., Акапьев В.Л. Цифровые технологии визуализации информации при моделировании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 17–24.

Abstract: the article discusses the possibilities of digitalization of certain areas of activity of forensic experts and the features of hardware and software visualization tools for road accidents. It is noted that a traffic accident is inherently a multifactorial phenomenon, the perception of individual elements of which by its participants, witnesses and experts can cause serious difficulties, which modern digital visualization and animation technologies, focused on the physiological specifics of human perception of a significant part of information with the help of visual organs, will partially eliminate. The reasons for the need to digitalize the actions of forensic expertise based on the formalization of knowledge, skills and abilities of law enforcement officers have been identified. It is noted

that conditions have now developed based on the use of the established method of computer modeling and forensic reconstruction for the transition to interactive and multimedia technologies for the professional activities of forensic experts. It is shown that the most effective method of conducting examinations of road accidents is the construction of digital models with elements of computer animation. The advantages of using digital computer animation technology are identified and its specific tools are analyzed. The prospects of using forensic animation to improve communication in court proceedings are noted.

Keywords: 3D-animation, information visualization, traffic accident, computer animation, forensic reconstruction of a traffic accident, digitalization of expert activity, digital technologies, expert activity.

For citation: Savotchenko S.E., Akapev V.L. Some aspects of the use of digital information visualization technologies in modeling road accidents // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 17–24.

Возникновение идеи представления картины дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) с помощью технологий компьютерной визуализации и анимации связано с низкой продуктивностью функционирования метода, осуществляемого с помощью бумажных носителей, то есть заключений экспертов. Эта особенность обусловлена тем, что работа сотрудников органов внутренних дел перегружена формулированием больших описательных предложений, сложных речевых оборотов, которые трудно воспринимаются обычными гражданами и могут ввести в заблуждение участников дорожно-транспортного происшествия или субъектов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹. На практике выясняется, что при чтении текста, распечатанного на десятке или более страниц формата А4, человек со временем все хуже представляет картину произошедшего, что непосредственно связано с запутанностью текста вследствие его большого объема и трудностью восприятия.

Стоит этот момент выделить как особо важный, потому что согласно ст. 20 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»² недостаточная ясность и полнота заключения эксперта может оказать непосредственное влияние на принимаемое решение или стать основанием для назначения повторной экспертизы, что вызовет новые трудности на пути исследования механизма и причин ДТП [1].

Одним из решений указанной проблемы видится переход на безбумажную основу с использованием современных информационных технологий.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

² Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

К сожалению, цифровизация, компьютеризация и автоматизация процессов правоохранительной деятельности в России еще не достигла требуемого уровня. К тому же такой «бумажный» метод сформировался исторически и традиционно, поэтому возможно возникновение трудностей в связи с переходом на более эффективные и современные технологии [2]. Тому есть как объективные, так и субъективные причины, среди которых в контексте статьи можно выделить фрагментарную интеллектуальную лабильность сотрудников органов внутренних дел и низкий уровень сформированности их информационно-технологической компетентности [3].

Добиться повышения объективности результатов экспертизы, уменьшения времени на ее проведение и расширения возможностей экспертной деятельности можно на основе применения цифровых технологий [4].

Существует несколько вариантов внедрения современных технологий в экспертную деятельность – от творческого использования естественно-математических механизмов и адаптации цифровых технологий для нужд судебно-экспертной деятельности, формализации криминалистических и судебно-экспертных знаний [5] до комплексной цифровизации предметной области судебных экспертиз с созданием автоматизированных информационных и экспертных систем, применения элементов искусственного интеллекта и робототехники [6].

В настоящее время представляется возможным, применяя сформировавшийся метод моделирования и криминалистической реконструкции и используя базис компьютерного моделирования, осуществить переход на интерактивные и мультимедийные технологии осуществления профессиональной деятельности экспертами-криминалистами, облегчающие визуализацию информации для построения мысленных образов с целью познания объективной действительности на базе использования средств компьютерной анимации.

В частности, сервис дополненной реальности (AR) позволяет экспертам взаимодействовать с участниками и свидетелями ДТП совершенно по-новому, так как дополненная реальность не только расширяет, но и улучшает восприятие реального мира. Изображения, видео, звуки и 3D-модели могут быть преобразованы в цифровую форму с помощью камеры и сенсоров различных гаджетов (компьютера, смартфона, планшета или другого носимого устройства) для повышения объективности исследования ДТП и открывают возможности для разработки новых тактических приемов.

Сервис виртуальной реальности (VR) способен создать ощущение полного погружения для конечного пользователя. Использование всех преимуществ новейших и самых совершенных дисплеев, устанавливаемых непосредственно на голову человека, таких как Oculus Rift, в средах виртуальной реальности – цифровых 3D-моделей, а также ультрасовременных 360-градусных видеосъемок 3D-рендеринга и анимации позволяют создавать цифровые макеты реальных объектов или событий, а также улучшать объекты реального мира. Системы автоматического проектирования (САПР) предлагают широкий спектр возможностей компьютерного моделирования, позволяют повысить точность и улучшить визуализацию рельефа и объектов. Во внешнем программном обеспечении САД-пользователи могут импортировать файл DXF, визуализировать подробные слои и добавлять ортофотографические подложки в нужном месте, завершая рабочий процесс исследования ДТП.

Способность реконструировать аварию с разных точек зрения всегда является ключом к пониманию восприятия участников происшествия и тех, кто был свидетелем события. Для улучшения осмысления события с помощью современных средств визуализации видеоряд может демонстрироваться как в режиме реального времени, так и в замедленной съемке. С целью улучшения коммуникации эксперта и участников ДТП можно использовать широкий спектр инструментов визуализации, включая построение места происшествия в плане, вид в перспективе, вид с точки свидетеля, вид с камеры наблюдения и т.д. Используя разные ракурсы, можно менять восприятие события зрителем. Кроме того, общепризнанно, что самым результативным способом для формирования понятного и последовательного анализа, учитывающего все обстоятельства, факторы и связи причинности, которые показывают процесс развития событий, приведших к дорожно-транспортному происшествию, является создание динамической модели «водитель – автомобиль – дорога – среда» [7].

Необходимо отметить, что существует множество программ цифрового моделирования ДТП. Для реконструкции ДТП возможно использование таких материалов, как видео с камер наружного наблюдения, циклограмм светофоров, схем перекрестка, гуглкарт и викимапии³. Таймкод на анимации можно синхронизировать с камерой «Велтон» в программе Adobe Premiere Pro и Sony Vegas.

Adobe Premiere Pro предоставляет мощные инструменты редактирования видео, включая коррекцию цвета, улучшение качества изображения, изменение скорости воспроизведения и интеграцию с другими продуктами Adobe. Программа идеально подходит для экспертов, которым нужны продвинутые инструменты редактирования и гибкость в работе с видеоматериалом. Она требует определенного уровня профессиональных навыков и подписки⁴.

ООО «ЭКЦ «Вектор» предлагает компьютерную программу Cybid V-SIM для моделирования и реконструкции ДТП. Программа дает возможность моделировать движение автомобилей, прицепов и полуприцепов в различной транспортной среде, обладает графическим редактором, позволяющим пользователю создать транспортную среду, соответствующую месту и времени ДТП. Произведенные анализ, реконструкцию и моделирование возможно представить как 2D- или 3D-визуализацию (анимацию). Программа позволяет также моделировать в кинематике (анимация) движение других объектов, например пешеходов, велосипедистов, мотоциклистов и т.п. Программа V-SIM имеет графический редактор, который дает возможность построения фрагментов дороги и перекрестков с различными коэффициентами сцепления, уклоном или действием бокового ветра. Имеется обширная база макетов дорожной разметки и дорожных знаков в соответствии со стандартами Российской Федерации, неподвижных моделей автомобилей и других участников движения, силуэтов человеческого тела, измерительных линий и выносок. В программе Cybid PLAN можно создать практически готовые транспортные среды для программы V-SIM.

Еще одна знаковая программа от компании Autodesk – мощнейший редактор 3D-графики, который широко используется в профессиональных кругах, Maya 2024. Данный продукт отличается

³ Викимапия – международный бесплатный проект, географическая онлайн-энциклопедия, цель которой заключается в том, чтобы отметить и описать все географические объекты на Земле.

⁴ Программы для видеотехнической экспертизы с целью определения скорости автомобилей в момент ДТП [Электронный ресурс]. – URL: <https://stexp.ru/programmy-dlya-opredeleniya-skorosti-avtomobilej-v-moment-sovsheniya-dtp/> (дата обращения: 11.01.2025).

широким набором инструментов для 3D-моделирования, анимации, визуализации и текстурирования. В программе удачно реализована функция визуализации готовых моделей.

Другим примером программы для 3D-моделирования и анимации может выступать Houdini, главной особенностью которой является упор на процедурную генерацию. Как правило, Houdini используют для наиболее дорогих и сложных видов 3D-анимации. Данный продукт ориентирован на профессионального пользователя, владеющего программированием.

Программа DaVinci Resolve обеспечивает высококачественную цветокоррекцию, видеомонтаж и возможность работы с аудио, предоставляет передовые инструменты для восстановления изображения. Подходит для экспертов, которым важна цветокоррекция и детализация изображения. DaVinci Resolve предлагает и бесплатную версию с ограниченным набором функций, что делает его доступным вариантом.

Осуществление анализа видеозаписей, изменение скорости воспроизведения, улучшение качества изображения, извлечение ключевых кадров возможно с помощью Forevid. Эта программа подойдет для криминалистов и специалистов по видеофореузике, которым нужен специализированный инструмент для детального анализа видеоматериалов.

Широкий спектр инструментов для криминалистического анализа видео, включая улучшение изображения, анализ и презентацию доказательств, предоставляет Ampred FIVE, которая неплохо подходит для правоохранительных органов и специалистов по видеоанализу, которым требуется комплексное решение для работы с доказательствами.

Бесплатным вариантом программного обеспечения для улучшения видео, коррекции освещения, устранения шума и повышения четкости изображения является VideoCleaner. С учетом перманентной нехватки финансирования для закупки программного обеспечения указанный продукт подходит для пользователей с ограниченным бюджетом и может выступать в качестве дополнительного инструмента в арсенале специалиста по видеофореузике.

Скорость движения, причина столкновения и максимально достоверная реконструкция дорожно-транспортного происшествия – все это с визуализацией в 3D позволяет реализовать программа моделирования ДТП PC-CRASH. При вводе данных из полицейского протокола с указанием повреждений транспортных средств и загрузкой фото с места происшествия можно получить более-менее достоверную картину ДТП. PC-CRASH основана на физико-математическом алгоритме,

а главное, апробирована на большом количестве реальных краш-тестов и экспериментальных столкновений. В большинстве европейских стран для анализа ДТП уже давно используют PC-CRASH. Компьютерная программа PC-CRASH – одна из самых распространенных и функциональных на сегодняшний день компьютерных программ для анализа и моделирования механизма ДТП, созданная австрийской фирмой Dr. Steffan Datentechnik Ges.m.b.H (DSD). В программе PC-CRASH используются различные модели для расчета столкновений, включая классическую модель удара, а также более сложные силовую и сетчатую модели. Одним из ключевых достоинств этой программы является способность осуществлять расчет параметров движения автотранспортных средств и прочих объектов в динамике, принимая во внимание их реальные характеристики, а также влияние окружающей среды и управляющих факторов. Также в программе представлены кинематические модули для расчетов. Результаты моделирования в PC-CRASH могут быть экспортированы в текстовые файлы, которые включают как исходные, так и расчетные данные, а также визуализированы в виде диаграмм и таблиц. Для иллюстрации проведенного моделирования доступны 2D-анимации (с планом на рабочем столе) и 3D-анимации (объемный вид). Моделирование, выполненное с помощью данной программы, можно прикрепить к экспертному заключению в форме проектного файла⁵.

Стоит упомянуть продукты многопрофильной фирмы Ellis Digital Solutions Inc., которая предоставляет компьютерные изображения (C.G.I.). Ее услуги делятся на две разные категории – дополненную/виртуальную реальность (AR/VR) и 3D-визуализацию⁶.

Мультимедийная студия Ripple CG в настоящее время предлагает широкий спектр медиауслуг судебной экспертизы и судебных разбирательств, включая физическую и медицинскую анимацию, дорожно-транспортные происшествия и линейку дорожно-транспортных происшествий, расширенную анимацию повреждений транспортных средств, стихийных бедствий и многое другое. В Ripple Creative Group (Ripple CG) возможно воссоздать анимацию ДТП с разных точек обзора. Кроме того, можно показать местоположение

⁵ PC-CRASH: компьютерная программа для анализа и моделирования дорожно-транспортных происшествий. Version 14. Dr. Steffan Datentechnik [Электронный ресурс]. – URL: <http://impulsana.com/wp-content/uploads/2022/05/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-PC-Crash-14.0.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

⁶ Ellis Digital Solutions Incp [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ellisdigitalsolutions.com/about.html> (дата обращения: 11.01.2025).

свидетелей и подробную информацию о каждом свидетеле, участвующем в деле⁷. В любой анимации судебной экспертизы или судебного разбирательства Ripple CG может использовать любую анимацию, изображения и подробную информацию, чтобы точно описать проблему или происшествие. Анимация может служить для воссоздания сцены ДТП или действовать как информационный инструмент, который использует большой набор видов и ракурсов, чтобы в реальном масштабе времени продемонстрировать ситуацию непосредственно перед ДТП с различных локаций.

Стоит отметить компанию FARO Technologies Inc., которая предлагает превосходный комплекс программного и аппаратного обеспечения. Этот комплекс включает лазерный 3D-сканер модели Faro Focus, предназначенный для документирования дорожно-транспортных происшествий, а также специализированное программное обеспечение линии DTP-360-3D. Это программное обеспечение используется в области автотехнической экспертизы для восстановления событий ДТП и создания точной трехмерной модели происшествия. Благодаря этому подходу анализ причин и последствий инцидента можно осуществлять в виртуальной среде, что значительно повышает точность исследований и позволяет детально рассмотреть все аспекты случившегося⁸.

Помимо всего прочего, сотрудникам ГИБДД, дознавателям и экспертам на местах ДТП необходимо безопасно, быстро и точно документировать места аварий или столкновений, чтобы как можно скорее освободить для проезда транспортные магистрали без потери какой-либо значимой информации. Так, геопространственные технологии Leica Geosystem позволяют осуществлять цифровую съемку, визуализацию в реальном времени и создавать Forensic Digital Twin – полную и точную копию всех мест аварий или столкновений, таких как автомобильные аварии, массовые столкновения, столкновения поездов и т.д. Указанные решения дают возможность создавать и обмениваться 2D-диаграммами и всеобъемлющими облаками точек для 3D-моделей и анимаций. С помощью специализированного программного обеспечения для криминалистического картирования можно анализировать столкновения, определять углы транспортных средств, участвующих в столкновении, подтверждать или опровергать показания свидетелей и многое другое. Благодаря нескольким целевым решениям есть возмож-

ность соответствовать любому рабочему процессу и бюджету.

В России также разрабатываются аналогичные описанным технологии. Так, компания «КРИМ-МЕДТЕХ» предлагает программное обеспечение под названием «ЗБ-Свидетель», которое позволяет воспроизводить и визуализировать место и условия совершения различных правонарушений с использованием анимации и технологий ЗБ-моделирования. С помощью «ЗБ-Свидетеля» можно увидеть место преступления в трехмерном формате и стать «очевидцем» событий, например дорожно-транспортного происшествия, наблюдая его в режиме реального времени с любой выбранной точки, в том числе с высоты птичьего полета. Кроме того, пользователь может принять на себя роль водителя одного из автомобилей, участвующего в инциденте, и увидеть ситуацию глазами свидетеля. Эта инновационная система открывает новые горизонты для анализа происшествий и исследования обстоятельств, сопутствующих правонарушениям [8].

Одним из примеров экспертных систем может служить разработанная в НИУ «БелГУ» программа для криминалистов, которая выполняет различные расчеты, использует формулы, связанные с физикой движения, и помогает определить виновность участника ДТП [9].

Выбор программ для визуализации ДТП и проведения видеотехнической экспертизы зависит от множества факторов, включая специфику дела, доступные ресурсы и уровень информационно-технологической компетентности эксперта. Важно также учитывать тот факт, что для эффективного использования некоторых программных продуктов может потребоваться длительное и дорогостоящее специальное обучение пользователей.

Описываемые средства так или иначе связаны между собой. Эта связь проявляется, в частности, в том, что визуализированное анимационное видео составляется на основе письменного заключения эксперта. Именно поэтому не стоит говорить о том, что существует объективная необходимость в ликвидации метода письменных экспертных заключений. Специалист, который непосредственно занимается созданием цифровых моделей и компьютерной анимации, должен опираться на какую-либо информацию, причем эта информация должна быть объективной, соответствующей действительности. Эти задачи и предстоит решать экспертам.

Таким образом, в процесс исследования причин и механизма ДТП внедряются инновации в виде компьютерной анимации, которые не вытесняют старые методы, а лишь дополняют их, делая функционирование системы расследования ДТП

⁷ Ripple Creative Group [Электронный ресурс]. – URL: <https://ripplecg.com/about-us> (дата обращения: 13.01.2025).

⁸ Geo SLAM [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании. – URL: <http://geoslam.ru> (дата обращения: 10.01.2025).

более эффективным. Можно утверждать, что при наличии значительного количества инструментов и способов, с помощью которых возможно более точно установить те или иные факты произошедшего, одним из наиболее эффективных методов восстановления картины дорожно-транспортного происшествия является создание цифровой модели с использованием средств компьютерной анимации.

Необходимо выделить основные преимущества использования цифровой технологии компьютерной анимации:

1. Тщательному анализу подвергаются объекты экспертизы, которые не обладают процессуальным статусом. Речь идет о немобильных объектах, таких как участки местности, здания, сооружения и другие, на которые невозможно распространить режим вещественного доказательства.

2. Полное и четкое понимание информации, касающейся объектов, рассматриваемых в исследовании.

3. Возможность визуализировать осмотр автомобилей-участников ДТП в виде видеосъемки, что имеет явное преимущество перед статическими изображениями. Осуществляется объяснение принципов экспертного осмотра для людей, к этому не подготовленных, что позволяет устранить вопросы о достоверности и неполноте использованных в ходе исследования исходных данных.

4. Изображение позволяет увидеть, что нарисованная по текстовому описанию дорожно-транспортного происшествия схема не учитывает реальных условий, которые могли стать ключевыми причинами столкновения автотранспортных средств или иных дорожно-транспортных происшествий.

5. Представляется возможность избежать субъективизма при составлении картины ДТП путем выявления ошибок и недочетов на стадии моделирования участков местности, которые возникают из-за избытка абстракции исходных данных, то есть излишнего упрощения картины событий.

Данный процесс помогает с помощью детализированной визуализации событий донести до участников производства информацию по делу о ДТП в логической последовательности произошедших событий, а также доступно и понятно продемонстрировать переход от анализа свойств рассматриваемых объектов к обстоятельствам, непосредственно приведшим к случившемуся. В данном случае говорится об анализе трасологической классификации – необходимом аспекте, восприятие которого влияет на корректное понимание принципов экспертного исследования, лежащих в основу выводов о первоначальном направлении движения авто-

мобилей и взаимном расположении автомобилей в момент удара.

Используя цифровое моделирование на основе реального изображения локации, можно определить вероятность возникновения дорожно-транспортного происшествия. Это обусловлено тем, что события моделируются в действительном пространственно-временном масштабе, когда легко могут быть выявлены различные факты. Например, установление ложности суждения о том, что автомобиль двигался по определенной, заранее предполагавшейся траектории, так как на пересечении этой траектории находится препятствие, которое автотранспортное средство объективно не могло объехать.

Использование цифровой технологии позволяет устранить грань между специальным понятием категориальным аппаратом эксперта и пониманием происходящего со стороны рядовых граждан, к которым обращена данная экспертиза. Необходимость в устранении этой грани обусловлена тем, что непосредственно оценку заключению эксперта дают люди, не являющиеся специалистами в этой области знания, а данный метод с помощью доступности представленной картины восстановленного ДТП позволяет уравнивать понимание между гражданами и экспертами.

Важными факторами, подтверждающими обоснованность заключения для суда, являются его теоретическая обоснованность и надежная аргументация тезисов. В ряде случаев заключение может быть признано необоснованным, например если сомнительна применяемая экспертом методика или выводы не соответствуют положениям заключения. Следовательно, с этой проблемой помогает разобраться визуализация, в частности путем наглядного представления объективно произошедшей ситуации, которую трудно смоделировать некорректно в компьютерной программе.

С помощью компьютерной анимации можно добиться наглядного представления научной обоснованности и убедительности заключения эксперта. Соответственно, такая цифровая технология, обеспечивая визуальное представление словесно сформулированных положений, позволяет рядовым гражданам, участвующим в производстве, разобраться и оценить ситуацию, а также дать оценку самому заключению, не прибегая к специализированной терминологии. Стоит сказать, что трудно доказать научную обоснованность на простом языке, но визуализация отдельных научных положений позволяет ввести в курс дела участников производства и обеспечить им более легкое восприятие незнакомой и сложной информации.

Нельзя не принимать во внимание тот факт, что цифровые анимационные изображения способствуют более наглядному представлению совокупности действий, приведшим к дорожно-транспортному происшествию. То есть, составляя компьютерную анимацию в соответствии с показаниями свидетелей, показаниями самих водителей, транспортные средства которых являются участниками ДТП, ее создатели моделируют изображение, повторяющее произошедшие события и позволяющее более точно определить ход действий водителей во время столкновения.

На основе письменных заключений экспертов цифровая технология с анимацией учитывает и вплетает в целостную картину следующие аспекты ДТП. Во-первых, это физические характеристики местности, такие как искривление дороги, наличие или отсутствие асфальтированного покрытия дороги или резких и опасных естественных уклонов и поворотов дороги, глубина обочины и расстояние от дороги до нее, приблизительное соотношение скоростей движущихся автотранспортных средств или пешеходов до момента столкновения, размеры автотранспортных средств и примерное соотношение их масс. Во-вторых, функционал компьютерных программ дает возможность останавливать видеозапись анимации и добавлять в определенных местах комментарии экспертов в текстовом варианте, что позволяет досконально понять сложившуюся ситуацию и мысленно оценить ее с субъективной точки зрения, которая с помощью такого метода будет наиболее приближена к объективности. В-третьих, такой способ позволяет наиболее точно установить причины ДТП, выяснить вероятные варианты, с помощью которых создавалась возможность избежать происшествия, что в дальнейшем по-

может создать определенные рекомендации для водителей, попавших в аналогичные ситуации, или в общем смысле разработать способы для устранения подобных ситуаций.

Таким образом, восстанавливать картину произошедшего ДТП можно несколькими способами, но наиболее эффективным следует признать цифровую технологию восстановления картины ДТП с помощью компьютерных программ для создания анимации. Это объясняется тем, что использование цифровой технологии позволяет провести наиболее тщательный анализ и представление физических характеристик местности, на которой произошло ДТП. Кроме того, цифровое моделирование способствует модернизации системы дорожного движения путем осуществления мероприятий по устранению найденных причин уже произошедших ДТП.

Резюмируя все вышесказанное, стоит отметить, что для реализации процесса создания модели «водитель – автомобиль – дорога – среда» наиболее целесообразно и рационально использовать технологию восстановления картины дорожно-транспортного происшествия с помощью компьютерных программ создания графических анимаций. Использование современных цифровых технологий обеспечит наиболее наглядное представление механизма ДТП, что позволит более объективно оценивать причины происшествия, устанавливать виновность тех или иных лиц или их невиновность в связи с независимой от участников дорожного движения ситуацией, а также на основе выводов из письменных заключений и заключений в виде графических анимаций осуществлять ряд мероприятий, направленных на модернизацию процесса дорожного движения и его регулирования.

Литература

---

1. **Короткий А.А.** Дорожно-транспортные происшествия: основные причины, анализ аварийности, методы снижения // Научный вестник. – 2019. – № 1. – С. 5–10.
2. **Скирковский С.В.** Экспертиза ДТП. – Гомель: БелГУТ, 2018. – 80 с.
3. **Акапьев В.Л.** Формирование информационно-технологической компетентности сотрудников ОВД: монография. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2015. – 132 с.
4. **Купин А.Ф., Дончук А.И.** Применение программных средств для моделирования механизма слеодообразования // Российский следователь. – 2023. – № 9. – С. 8–11.
5. **Камалова Г.Г.** Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2019. – № 2. – С. 180–186.
6. **Смушкин А.Б.** Криминалистическая робототехника: основы концепции // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 11. – С. 146–152.
7. **Тарасов Е.А.** О необходимости использования комплекса технических средств при судебной автотехнической экспертизе обстоятельств ДТП // Адвокатская практика. – 2022. – № 3. – С. 46–52.
8. **Чистилина А.С.** Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 6. – С. 156–166.
9. **Жукова Н.А., Ярошук И.А., Яковенко Е.А.** Современные технологии в экспертной деятельности: учебное пособие. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2021. – 52 с.

References

1. **Korotkii A.A.** Dorozhno-transportnye proisshestviya: osnovnye prichiny, analiz avariinosti, metody snizheniya // Nauchnyi vestnik. – 2019. – № 1. – S. 5–10.
2. **Skirkovskii S.V.** Ekspertiza DTP. – Gomel': BelGUT, 2018. – 80 s.
3. **Akap'ev V.L.** Formirovanie informatsionno-tehnologicheskoi kompetentnosti sotrudnikov OVD: monografiya. – Belgorod: Bel Yul MVD Rossii, 2015. – 132 s.
4. **Kupin A.F., Donchuk A.I.** Primenenie programmnykh sredstv dlya modelirovaniya mekhanizma sledoobrazovaniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2023. – № 9. – S. 8–11.
5. **Kamalova G.G.** Tsifrovye tekhnologii v sudebnoi ekspertize: problemy pravovogo regulirovaniya i organizatsii primeneniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2019. – № 2. – S. 180–186.
6. **Smushkin A.B.** Kriminalisticheskaya robototekhnika: osnovy kontseptsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2023. – № 11. – S. 146–152.
7. **Tarasov E.A.** O neobkhodimosti ispol'zovaniya kompleksa tekhnicheskikh sredstv pri sudebnoi avtotekhnicheskoi ekspertize obstoyatel'stv DTP // Advokatskaya praktika. – 2022. – № 3. – S. 46–52.
8. **Chistilina A.S.** Genezis i sovremennoe sostoyanie teorii sudebno-ekspertnogo prognozirovaniya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2024. – № 6. – S. 156–166.
9. **Zhukova N.A., Yaroshchuk I.A., Yakovenko E.A.** Sovremennyye tekhnologii v ekspertnoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie. – Belgorod: NIU «BelGU», 2021. – 52 s.

(статья сдана в редакцию 16.01.2025)

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

THE RUSSIAN EMERGENCY RESPONSE SYSTEM: PROBLEMS AND MECHANISMS FOR IMPROVEMENT

УДК 342.5

С.Е. ПРОЛЕТЕНКОВА,
доктор юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России,
Россия, Москва)
proletenkova@mail.ru

SVETLANA E. PROLETENKOVA,
Doctor of Law, Associate Professor
(NRI of the Ministry of Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются нормативные правовые и функциональные основы построения Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС). Представлены статистические сведения о количестве произошедших чрезвычайных ситуаций в последние годы и их последствиях. Сделан вывод о том, что на современном этапе являются такие проблемные вопросы организации функционирования РСЧС, как слабость нормативно-правовой базы в сфере общественной безопасности и определения концептуальных подходов к чрезвычайным ситуациям, межведомственная разобщенность, наличие «корпоративных» интересов, отсутствие единых требований, связанных с техническим оснащением и использованием средств связи, специальных средств, вооружения и др. Представлены проблемные вопросы участия отдельных федеральных органов исполнительной власти в РСЧС. В целях преодоления указанных явлений делается вывод о необходимости научного обоснования выработки единых подходов к деятельности федеральных органов исполнительной власти в рамках совершенствования РСЧС.

Целью настоящей статьи является исследование правовых и организационных основ построения и функционирования российской системы противодействия чрезвычайным ситуациям (далее – ЧС), выявление основных проблемных моментов в данной сфере, а также предложение отдельных рекомендаций, направленных на совершенствование государственного управления в противодействии чрезвычайным ситуациям различной этимологии.

Авторская методология настоящей работы включает использование формально-юридического и сравнительно-правового методов исследования нормативных правовых актов, отдельных методов общенаучного познания, таких как анализ, синтез и т.д., метода сравнительного анализа правоприменительной практики, статистического метода и в целом системного подхода к изучению взаимосвязей в рамках системы управления в чрезвычайных ситуациях.

Ключевые слова: система, чрезвычайная ситуация, природный, техногенный, МВД России, Росгвардия, функционирование, подсистема, взаимодействие, режим.

Для цитирования: Пролетенкова С.Е. Российская система противодействия чрезвычайным ситуациям: проблемы и механизмы совершенствования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 25–33.

Abstract: the article discusses the regulatory legal and functional foundations for building a Unified State Emergency Prevention and Response System (hereinafter referred to as the Emergency Response System). Statistical data on the number of emergencies that have occurred in recent years and their consequences are presented. It is concluded that at the present stage there are such problematic issues of the organization of the functioning of emergency situations as the weakness of the regulatory framework in the field of public safety and the definition of conceptual approaches to emergency situations, interdepartmental disunity, the presence of «corporate» interests, the lack of uniform requirements related to technical equipment and the use of communications, special means, armaments, etc. Problematic issues of the participation of individual federal executive authorities in the emergency management system are presented. In order to overcome these phenomena, it is concluded that it is necessary to scientifically substantiate the development of unified approaches to the activities of federal executive authorities in the framework of improving the emergency management system.

The purpose of this article is to study the legal and organizational foundations of the construction and functioning of the Russian emergency response system, identify the main problematic issues in this

area, and propose individual recommendations aimed at improving public administration in countering emergencies of various etymologies.

The author's methodology of this work includes the use of formal legal and comparative legal methods for the study of normative legal acts, individual methods of general scientific knowledge, such as analysis, synthesis, etc., the method of comparative analysis of law enforcement practice, the statistical method and, in general, a systematic approach to the study of relationships within the management system in emergency situations.

Key words: system, emergency situation, natural, man-made, Ministry of Interior Affairs of Russia, Russian national guard, functioning, subsystem, interaction, regime.

For citation: Proletenkova S.E. The russian emergency response system: problems and mechanisms for improvement // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 25–33.

Современный уровень правового, общественно-политического, экономического, культурного развития России выявляет в качестве первоочередной задачи деятельности органов государственного управления охрану прав человека и гражданина, обеспечение безопасности государства, общества, населения от угроз различного происхождения. Одно из значимых мест в перечне таких угроз занимают опасные явления, возникающие, как правило, неожиданно, имеющие высокую интенсивность развития, происходящие ввиду влияния негативных факторов природной, техногенной социальной среды или их совокупности. От степени готовности органов государственного управления к отражению, нейтрализации таких угроз, ликвидации их негативных последствий зависит уровень благополучия населения, а также стабильность поступательного развития российских регионов, территорий, а иногда и государства в целом.

Можно говорить о том, что особенное значение при организации данной деятельности имеет перенос управляющего воздействия на опасные факторы максимально ранней стадии их развития, создание адекватной превентивной модели государственного реагирования на любые угрожающие события. В этом отношении выявление и исследование особенностей построения российской системы противодействия чрезвычайным ситуациям, объединяющей механизмы их предупреждения и ликвидации последствий, определение проблемных моментов ее функционирования является актуальнейшей научной задачей в рамках различных отраслей научного знания. При этом исследования правовой и управленческой деятельности на рассматриваемом направлении должны задавать основной вектор государственного совершенствования действующих организационно-правовых основ безопасности в чрезвычайных ситуациях.

Отметим, что, несмотря на очевидную актуальность обозначенной проблематики, научно-исследовательских работ в данной области немного. Большая часть из них решает узкоспеци-

ализированные задачи, в основном технического, технологического, информационного спектра. Поэтому представленные на страницах настоящего исследования теоретические размышления, анализ правоохранительной практики внесут свой научный вклад в нормативное, структурное, управленческое обеспечение деятельности в сфере чрезвычайных ситуаций, будут использованы при решении вопросов межведомственного взаимодействия, ведомственного и территориального функционирования. Кроме того, изложенная информация может быть применена при проведении иных научных исследований по сходной проблематике, а также в учебном процессе для обучающихся юридического профиля.

Следует отметить, что построение действующей государственно-правовой модели реагирования на чрезвычайные ситуации явилось результатом осознания государственной важности в решении данных вопросов, а также постепенного совершенствования совокупности привлекаемых для этого сил и средств. Не углубляясь в историческую периодизацию трансформации государственного управления в рассматриваемой сфере, ограничимся лишь разбором основных явлений на интересующем нас направлении, развивающихся в условиях новейшего конституционного порядка и непосредственно предшествующего ему периода.

Сложная общественно-политическая обстановка начала 1990-х годов, связанная с коренной перестройкой государственно-правового механизма, повлияла на пересмотр всех вопросов, связанных с обеспечением общественной безопасности и обеспечением безопасности жизнедеятельности граждан в стране. К достаточно привычным техногенным авариям и опасным природным явлениям добавились неблагоприятные факторы социальной среды, имевшие в некоторых случаях характер чрезвычайных событий. Следует согласиться с Ю.Н. Андреевым, который утверждает, что «после распада СССР получили широкое распространение чрезвычайные ситуации социального харак-

тера: падение воспроизводства населения, повсеместные алкоголизм и наркомания, массовые беспорядки, террористические акты и иные формы проявления терроризма и экстремизма» [1, с. 113].

В начале 2000-х годов, по мнению признанного специалиста по управлению в рассматриваемой сфере доктора юридических наук С.А. Старостина, «возникновение и усиление чрезвычайных ситуаций, их угроза для национальной безопасности были связаны с устойчивостью в современной России таких общественно опасных преступлений, как бандитизм, заказные убийства, похищения людей, захваты заложников и криминальные взрывы... терроризм, в том числе международный» [2, с. 3].

Дальнейшее стремительное развитие новых технологий и производств, объективно повышавшее концентрацию возможных опасностей для жителей страны, расширение транспортной инфраструктуры и энергетических возможностей заставили органы государственной власти практически полностью реформатировать систему обеспечения безопасности населения страны в мирное время. Для этого был принят ряд организационно-распорядительных документов, обеспечивших расширение функций и полномочий отдельных служб, действовавших в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности населения.

Е.А. Серебренников указывал на тенденции, которые свидетельствовали о том, что «совокупные масштабы прямых и косвенных потерь (людских, экономических, интеллектуальных) от поражающих факторов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера с каждым годом возрастали» [3, с. 3].

Особой характерной чертой реформирования стало введение системных мер по организации комплексной государственной системы противодействия опасным явлениям, предполагающей создание единого координационного органа, а впоследствии и ведомства, ответственного за решение подобных вопросов, и широкое вовлечение в данную деятельность иных органов исполнительной власти в пределах их компетенции. Принципиальным отличием от ранее действовавших подходов, связанных с ликвидацией чрезвычайных ситуаций, стала акцентуализация деятельности по созданию условий для их раннего предупреждения и минимизации возможного нанесения ущерба, что предопределило развитие правовых, организационных, технических, информационных и иных мер охраны и защиты.

На момент раннего формирования комплексной системы, как верно определил С.П. Алексеев, ее принципами развития стали «...учет всех возможных видов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, всех стадий их развития, всего разнообразия последствий... признание

«ненулевого» риска... базирование на принципе превентивной безопасности...» [4, с. 367].

Первоначальное решение о создании комплексной системы противодействия чрезвычайным ситуациям было закреплено постановлением Правительства Российской Федерации от 18 апреля 1992 г. № 261 «О создании Российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях», в котором первой из задач указанной системы называлось «проведение единой государственной политики в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, защиты жизни и здоровья людей, материальных и культурных ценностей, окружающей среды при их возникновении в мирное и военное время» (п. 3 Положения о Российской системе предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 18 апреля 1992 г. № 261).

Полноценной законодательной основой системы противодействия чрезвычайным явлениям природного и техногенного характера стал Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Документ закрепил функциональные требования к системе, ее задачи, основы построения и иные принципиальные вопросы. В 1995 году в соответствии с вновь принятым Положением о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 1995 г. № 1113) система получила привычное название – Единая государственная система по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС). Действующая в настоящее время РСЧС базируется на постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». В указанном постановлении цель и задачи деятельности приобрели системный характер, были определены органы управления, структурирован субъектный состав, выделены уровни и категории опасностей, сформированы функциональные подсистемы. Кроме того, на федеральном уровне были предприняты все необходимые меры для дальнейшего регионального развития системы в рамках формирования территориальных подсистем. Региональные органы публичной власти реализовали собственные нормативные установки посредством принятия региональных законов и подзаконных актов в рассматриваемой сфере. Это позволило оптимизировать подход к перераспределению сил и средств территориальных подсистем в зависимости от уровня экономического развития, социальных и

географических особенностей регионов. Исследователь исторических аспектов становления и развития РСЧС С.П. Алексеев справедливо выделяет ряд принципиальных требований к современному реагированию на чрезвычайные ситуации, в основе которых лежит механизм «снижения рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций» [5, с. 9]. При этом основой такого механизма выступает взаимодействие сил и средств.

Сам масштаб чрезвычайных ситуаций и их последствий диктует необходимость постоянного совершенствования РСЧС. В 2023 году на территории Российской Федерации произошло 305 чрезвычайных ситуаций (3 – федерального характера, 1 – межрегионального, 33 – регионального, 9 – межмуниципального, 202 – муниципального и 57 – локального характера), в результате которых пострадало 287 595 человек, а общий материальный ущерб составил 64 318 297,92 тыс. рублей. Возникшие за последние два года чрезвычайные ситуации имеют тенденцию к увеличению. Так, в 2023 году их количество, по сравнению с предыдущим годом, увеличилось на 26,03% (в 2022 г. произошло 242 чрезвычайные ситуации). Количество погибших в них людей увеличилось на 55,78% (в 2022 г. – 199 человек), пострадавших – на 22,24% (в 2022 г. – 235 274 человек).

По состоянию на 2024 год предметным функционалом в сфере РСЧС обладает 21 федеральный орган исполнительной власти. Данными органами образуются и поддерживаются в необходимом состоянии готовности 40 функциональных подсистем. Масштаб организации работы на рассматриваемом направлении свидетельствует об особой важности защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций как основной составляющей обеспечения общественной безопасности.

Вместе с тем к настоящему времени нормативные идеи, положенные в основу формирования РСЧС, а самое главное, характер регулируемых общественных отношений существенно изменились. Если первоначальное восприятие чрезвычайных ситуаций сводилось к противодействию негативным факторам природного и техногенного характера, о чем прямо свидетельствуют положения профильного Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», то в настоящее время перечень угроз, способных привести к возникновению чрезвычайных ситуаций, имеет более широкий спектр. Нарастающими темпами проявляются чрезвычайные ситуации комплексного характера, сочетающие в себе совокупность опасных угрожающих факторов, в основе которых проявляется социальная, а в некоторых случаях военная, биологическая и террористическая со-

ставляющая. В этих условиях от эффективности решения вопросов комплексного взаимодействия органов исполнительной власти различного уровня, координации и межведомственного взаимодействия федеральных служб, в полномочия которых входит предупреждение всех возможных негативных явлений и снижение тяжести их последствий, зависит состояние защищенности и стабильности развития территории страны.

Практика показывает, что в этом отношении существующая система уже не в полной мере соответствует требованиям сегодняшнего уровня вызовов и угроз. В первую очередь это касается вопросов функционального взаимодействия территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, так называемого силового блока. В свете усложнения задач все более явно проявляют себя проблемы несогласованности выполняемых полномочий в зоне чрезвычайной ситуации и информационного обмена, отсутствия в нормативных документах, регламентирующих деятельность служб, полного комплекса обязанностей, связанных с выполнением необходимых работ, что размывает зону ответственности за конечный результат. Несмотря на особую важность рассматриваемой сферы правоотношений и длительность ее нормативного и организационного оформления, до настоящего времени в ней присутствуют даже терминологические разногласия, которые в рамках ведомственного нормотворчества преодолеть достаточно проблематично. Так, наряду с термином «чрезвычайная ситуация» используются термины «чрезвычайные обстоятельства», «особые условия», «чрезвычайные условия», «кризисные ситуации» и т.д., которые в ведомственном контексте содержат различный предмет воздействия. В большинстве из них в первую очередь идет речь о дестабилизирующих факторах социального характера, противодействию которым предопределяет набор полномочий федеральных органов исполнительной власти, выходящий за пределы обеспечения правового режима чрезвычайной ситуации. Например, А.В. Ваньков указывает, что «особыми условиями считаются чрезвычайные, выбивающиеся из повседневного уклада жизнедеятельности общества, события. Крупные аварии, катастрофы, стихийные бедствия, социальные потрясения» [6, с. 31]. Подобный термин используется в значительной степени в рамках деятельности МВД России и Федеральная служба войск национальной гвардии России (далее – Росгвардия).

Значительную степень неопределенности и фрагментарности отличаются практически все ведомственные нормативные документы об участии тех или иных федеральных органов исполнительной власти в РСЧС. Например, нормативные

документы, определяющие административно-правовой статус МВД России, не содержат подробного регулирования деятельности территориальных органов министерства в зоне чрезвычайных ситуаций, несмотря на то что МВД России в соответствии с приказом МВД России от 01.04.2021 № 191 «Об утверждении Положения о функциональной подсистеме охраны общественного порядка единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» создает самостоятельную функциональную подсистему.

Вместе с тем объективно доказано практикой и обосновано в научной литературе, что «личный состав ОВД является едва ли не главным звеном обеспечения правопорядка, а при возникновении ЧС природного или техногенного характера во взаимодействии с другими органами принимает активное участие в ликвидации их последствий» [7, с. 42].

Согласно действующим нормативным актам территориальные органы МВД России реализуют четыре основных направления деятельности в условиях чрезвычайной ситуации:

- принятие неотложных мер по спасению граждан;
- принятие мер по охране имущества, оставшегося без присмотра;
- содействие бесперебойной работе спасательных служб;
- обеспечение охраны общественного порядка при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и эпизоотий.

В то же время при реализации каждого из этих направлений возникают многочисленные вопросы, связанные с их фактическим выполнением. Экстренный характер принимаемых в период развития ЧС решений достаточно часто создает ситуации, когда необходимость применения сил и средств полиции выходит далеко за рамки обозначенных направлений деятельности, закрепленных на нормативном уровне, в том числе в ущерб выполнению основных «полицейских» задач.

Управленческие решения, принятые в отсутствие предварительной подготовки и комплексной оценки, создают дополнительные риски как для безопасности личного состава полиции, так и для эффективного выполнения задач в рамках взаимодействия сил и средств. Именно поэтому в научной литературе особо выделяется важность «заблаговременной подготовки сил и средств... поддержания высокой готовности подразделений терорганов... своевременного реагирования органов оперативного управления... взаимодействия органов управления различных ведомств» [8, с. 196].

Проведенный анализ правоохранительной практики на данном направлении позволил говорить о том, что, несмотря на указанные теоретические аспекты, во многих случаях взаимодействия в чрезвычайных ситуациях по отдельным вопросам

обеспечения правопорядка, задействования технических средств, а также по тыловым вопросам управленческие решения принимались «в рабочем порядке» на месте чрезвычайной ситуации и проявляли зависимость от ее характера и степени распространенности.

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, когда нормативное правовое регулирование не учитывает всех аспектов выполняемой деятельности и нуждается в научно обоснованной модернизации. Так, на основании изучения практики взаимодействия территориальных органов МВД России с группировкой сил и средств ликвидации ЧС нами было выделено 7 функциональных направлений деятельности подразделений МВД России в зоне чрезвычайной ситуации, в рамках которых решалось более 50 различных задач. Многие из них либо вообще не имеют своего нормативного закрепления, либо подразумеваются в качестве возможного механизма реализации более общих нормативных положений. Условно их можно структурировать следующим образом:

- обеспечение готовности к действиям в чрезвычайных ситуациях;
- принятие неотложных мер по спасению граждан;
- охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в зоне чрезвычайной ситуации;
- содействие работе спасательных служб;
- принятие мер по охране имущества, оставшегося без присмотра;
- организация дорожного движения в зоне чрезвычайной ситуации;
- участие в информационном и методическом обеспечении мероприятий в связи с угрозой или возникновением ЧС.

Представляется, что указанная ситуация требует уточнения административно-правового статуса органов внутренних дел при участии в обеспечении правового режима чрезвычайной ситуации и взаимодействии с иными органами публичной власти на данном направлении.

Еще одним «силовым» ведомством, выполняющим широкий спектр задач в рамках противодействия чрезвычайным ситуациям, является Росгвардия, традиционно привлекаемая для работы в зоне ЧС и образующая собственную функциональную подсистему на основании приказа Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 22 апреля 2021 г. № 140 «Об утверждении Положения о функциональной подсистеме предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций войск национальной гвардии Российской Федерации единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (далее – приказ ФСВНГ № 140).

Характерно, что в недрах нормативных предписаний самой Росгвардии в большей степени используется термин «особые условия», который более точно определяет специфику внешних функций службы. Так, например, И.И. Петунин и И.А. Синодов указывают, что под этим термином подразумевается выполнение задач «в специфических условиях функционирования их деятельности в период возникновения чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций), представляющих непосредственную реальную угрозу жизни, здоровью, безопасности граждан, функционированию органов государственной власти и местного самоуправления» [9, с. 81].

А.Ф. Майдыков и А.А. Майдыков совершенно справедливо подчеркивают, что «организация взаимодействия между подразделениями МВД России и Росгвардии является важнейшей управленческой функцией, обеспечивающей успешное решение поставленных оперативно-служебных (служебно-боевых) задач и достижение поставленных целей, особенно в режиме деятельности в особых условиях» [10, с. 60]. Такое взаимодействие может быть достигнуто путем формирования четкой нормативной правовой базы, распределяющей вопросы компетенции по основным направлениям совместной деятельности. Особенно остро в дополнительном нормативном правовом регулировании нуждаются в настоящее время вопросы совместного несения службы в рамках охраны правопорядка; участия в эвакуации населения и отдельных лиц, в отношении которых требуется применение дополнительных мер охраны; содействия работе спасательных служб и обеспечение их безопасности; принятия мер по охране объектов и имущества в зоне чрезвычайной ситуации и местах концентрации эвакуированных и т.д.

К сожалению, указанный приказ ФСВНГ № 140 не дает четких ответов на все обозначенные и иные проблемы совместной деятельности. Вместе с тем при изучении данного документа становится понятно, что его целью является «организация работы в области защиты личного состава, членов их семей и территорий войск национальной гвардии от чрезвычайных ситуаций в сферах деятельности Росгвардии». Представленная формулировка означает не что иное, как нормативную распространенность обязанностей в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации исключительно на обеспечение собственной безопасности и безопасности членов семей служащих и сотрудников Росгвардии, принадлежащего Росгвардии имущества и объектов. В соответствии с приказом ФСВНГ № 140 и иными нормативными документами место Росгвардии в системе РСЧС и ее взаимодействие с иными субъектами правоохраны достаточно туманно. При этом выполняемый

фактический блок задач Росгвардии довольно обширен и значительным образом пересекается с полномочиями МВД России, что также создает определенные сложности. Создает проблемы то обстоятельство, что при значительном количестве участвующих в рамках чрезвычайной ситуации сил и средств, обладающих силовым потенциалом и вооружением, спасательные подразделения МЧС России до настоящего времени остаются без силовой поддержки, не обеспечены необходимой защитой при выполнении основных задач, что особенно остро проявляется себя при чрезвычайной ситуации комплексного характера.

Еще одно силовое ведомство – Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России) в настоящее время не имеет функциональной подсистемы и не является участником РСЧС, хотя в задачи службы входит обязанность обеспечения прав и законных интересов как лиц, отбывающих уголовное наказание, так и собственных сотрудников. В ведении ФСИН России находится значительное количество территорий, зданий, сооружений, вооружения, документации, техники и иных объектов, требующих особого внимания в случае их нахождения в зоне чрезвычайной ситуации. Кроме того, служба обладает достаточным потенциалом для выполнения отдельных мероприятий в рамках РСЧС в случае необходимости оказания помощи населению, а также в отношении гражданских объектов, находящихся в непосредственной близости от инфраструктуры ФСИН России. Вместе с тем вопрос о включении ФСИН России в систему РСЧС пока находится в стадии проработки.

Сходные проблемы имеются в отношении Министерства обороны Российской Федерации, ФСБ России, Минцифры России, Роскомнадзора и иных министерств и ведомств, которые хотя и принимают значительное участие в РСЧС, но их полномочия на этом направлении нуждаются в нормативной правовой конкретизации.

Одной из причин подобной ситуации, на наш взгляд, является формулировка п. 4 Положения об РСЧС, который предписывает формирование функциональных подсистем РСЧС по ведомственному принципу. То есть каждое ведомство самостоятельно, исходя из действующей нормативной правовой базы, определяющей ее целевое предназначение и полномочия, наделяет себя функциями в сфере противодействия чрезвычайным ситуациям: «...функциональные подсистемы единой системы создаются федеральными органами исполнительной власти и государственными корпорациями согласно приложению для организации работы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в сфере деятельности этих органов и государственных

корпораций. Организация, состав сил и средств функциональных подсистем, а также порядок их деятельности определяются положениями о них, утверждаемыми руководителями федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций по согласованию с Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

Подобный подход породил внутриведомственную минимизацию требований к задействованию собственных сил и средств при участии в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, которые не входили напрямую в задачи всех, кроме МЧС России, федеральных органов исполнительной власти. При этом ведомственные подходы к организации функциональных подсистем были согласованы с МЧС России, которое в свое время не проявило должной требовательности и осмотрительности в согласовании порядка выполнения совместных задач в условиях чрезвычайной ситуации.

Такая ведомственная разобщенность привела к значительным расхождениям принимаемых нормативных документов. Сегодня отсутствует единый понятийный аппарат и единые требования, связанные с техническим оснащением и использованием средств связи, вооружения группировки сил в зоне ЧС. Проявляются проблемы управленческого и организационного характера, которые приводят к таким недопустимым явлениям, как запаздывание информации о возникновении ЧС, несвоевременное проведение отдельных мероприятий, необеспеченность необходимыми специальными средствами или доступом к ним. До настоящего времени не имеет нормативного определения время реагирования сил и средств РСЧС на возникновение ЧС. Достаточно слабо с нормативной точки зрения обеспечен перевод сил и средств в режимы повышенной готовности и чрезвычайной ситуации. Отдельным блоком следует выделить вопросы, связанные с необходимостью совершенствования оценки эффективности проводимых в отношении ЧС мероприятий, выявлением реального эффекта от принимаемых мер. Представляется, что применяемые ранее упрощенные схемы такой оценки, проявляющие соотношение затраченных на ликвидацию ЧС средств и возможных экономических потерь, уже в достаточной степени устарели, особенно в случае возникновения ЧС с явным социальным фактором. В этом отношении возможные потери достаточно сложно просчитать, поскольку они могут выражаться не только в экономическом эквиваленте, но и иметь серьезные социальные, политические, имиджевые и иные дестабилизирующие последствия. Здесь вспоминается совершенно справедливое утверждение

профессора С.А. Старостина о том, что эффективность противодействия чрезвычайной ситуации складывается из многих факторов, но так или иначе «решения должны быть заранее продуманы, максимально формализованы, в них должны быть заранее изложены возможные алгоритмы действий всех сил и средств... Рефлекторный подход в этом вреден. Нужна превенция, управленческие решения должны быть подготовлены заранее, задолго до наступления ЧС» [11, с. 46].

Все изложенное – лишь часть проблем. Это позволяет сделать вывод о необходимости комплексного совершенствования РСЧС с ориентацией системы не только на угрозы природного и техногенного характера, но и на любые угрозы, связанные с защитой населения и территорий от возможных поражающих факторов.

Для их решения требуется полномасштабный научный анализ комплексного применения сил и средств РСЧС, а также анализ ведомственного участия или возможного участия в данной деятельности. Особое внимание следует обратить также на функционирование дежурных служб территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, единых дежурно-диспетчерских служб муниципальных образований и системы вызова экстренных служб по единому номеру 112, в сопряжении которых наблюдаются определенные сложности. Технические системы комплексной безопасности и механизм их использования в деятельности правоохранительных органов должны быть подвергнуты пристальному анализу с оценкой эффективности их применения в условиях чрезвычайных ситуаций.

Отметим, что достаточно осторожные шаги на этом направлении уже предпринимаются. Так, заместителем Председателя Правительства Российской Федерации – Министром промышленности и торговли Российской Федерации Д.В. Мантуровым было дано Поручение МЧС России от 19.03.2024 № МД-П4-8077 «О подготовке предложений по выработке единых подходов в рамках совершенствования функционирования РСЧС», в рамках выполнения которого проведен первичный анализ нормативной правовой базы и практической деятельности 74 федеральных органов исполнительной власти на предмет возможности в пределах выполняемых ими задач включения их в обновляемую РСЧС. Представляется, что работа на данном направлении имеет несомненную актуальность и должна завершиться модернизацией основ РСЧС, а также обновлением ведомственной и межведомственной нормативной правовой базы на рассматриваемом направлении.

По нашему мнению, основными мероприятиями в сфере повышения эффективности РСЧС должны являться:

– принятие нового профильного федерального закона, формирующего современные подходы к восприятию чрезвычайных ситуаций без привязки к опасным природным и техногенным факторам, а также закрепляющего основные принципы комплексного реагирования сил и средств безопасности и обеспечения правопорядка на угрозы любого типа;

– нормативное усиление координирующей роли МЧС России в обеспечении согласованности функционирования ведомственного и территориального звена РСЧС;

– нормативно-организационные преобразования функциональных подсистем РСЧС, связанные с пересмотром ведомственных задач и порядка их выполнения, исключение дублирования полномочий;

– совершенствование нормативных и методических основ деятельности федеральных органов исполнительной власти по выполнению задач в условиях чрезвычайных ситуаций;

– обеспечение и совершенствование информационного и технического сопровождения деятельности органов публичной власти по решению задач в условиях чрезвычайных ситуаций и их предупреждения;

– ведомственное обеспечение материально-технических потребностей сил, участвующих в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций, повышение обеспеченности необходимыми специальными средствами.

Таким образом, в качестве общего вывода представленной статьи можно отметить следующее. На

текущий момент в России в результате длительного процесса формирования сферы государственной и общественной безопасности сложилось осознание того, что противодействие чрезвычайным ситуациям является одним из условий стабильности и дальнейшего развития общественных отношений. Указанная сфера имеет значительное ресурсное и организационно-правовое обеспечение, а сформированная РСЧС, дополняемая дискретным опытом реагирования, в целом обеспечивает достаточно эффективный ответ на возникающие вызовы, риски и угрозы в рассматриваемой сфере. Вместе с тем в нормативном правовом регулировании проявляются тенденции запаздывания, фрагментарности и несогласованности. Органы публичной власти на местах при таких обстоятельствах испытывают дополнительную функциональную нагрузку, влекущую общую управленческую дезорганизацию, негативные экономические эффекты, торможение правоохранительного воздействия и т.д. Все это в соотношении с постоянно нарастающей динамикой общественных отношений и научно-техническим прогрессом, усилением угроз техногенной безопасности, связанных с объективными временными факторами, усиливает риски ухудшения прогнозных показателей в части реагирования на чрезвычайные ситуации. В этой связи РСЧС нуждается в концептуальной модернизации на основе научно обоснованных подходов. Предложенный механизм совершенствования РСЧС, по нашему мнению, может являться общей конструктивной формой для реформирования рассматриваемых правоотношений.

Литература

1. **Андреев Ю.Н.** Становление и развитие системы органов противодействия чрезвычайным ситуациям в Российской Федерации // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2009. – № 1 (3). – С. 113–119.
2. **Старостин С.А.** Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях: (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: Академия управления МВД России, 2000. – 32 с.
3. **Серебренников Е.А.** О проблемах законодательного регулирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // О совершенствовании единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – 2013. – № 20 (504). – С. 3–6.
4. **Алексеев С.П.** Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Молодой ученый. – 2015. – № 6 (86). – С. 366–370.
5. **Алексеев С.П.** Из истории единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // European Research. Политологические науки. – 2015. – № 1 (2). – С. 19–21.
6. **Ваньков А.В.** Вопросы организации деятельности полиции в особых условиях // Agrarное и земельное право. – 2023. – № 5 (221). – С. 31–33.
7. **Коблов Ф.Ч.** Роль органов внутренних дел в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при возникновении чрезвычайных ситуаций // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 5 (107). – С. 42–45.
8. **Михайлов Б.П., Тузов Л.Л., Чварков М.А.** Некоторые особенности деятельности территориальных органов МВД России при чрезвычайных ситуациях // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 195–200.
9. **Петунин И.И., Синоподов И.А.** Об актуальности совершенствования деятельности подразделений Росгвардии в особых условиях // Академическая мысль. – 2023. – № 3. – С. 79–82.
10. **Майдыков А.Ф., Майдыков А.А.** Актуальные вопросы организации взаимодействия территориальных органов МВД России с подразделениями (органами) войск национальной гвардии Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 59–62.
11. **Старостин С.А.** Управленческие решения в чрезвычайных ситуациях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5. – С. 45–53.

References

---

1. **Andreev Yu.N.** Stanovlenie i razvitie sistemy organov protivodejstviya chrezvychajnym situacijam v Rossijskoj Federacii // Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta. – 2009. – № 1 (3). – S. 113–119.
2. **Starostin S.A.** Upravlenie organami vnutrennih del pri chrezvychajnyh situacijah: (pravovye i organizacionnye aspekty): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2000. – 32 s.
3. **Serebrennikov E.A.** O problemah zakonodatel'nogo regulirovaniya edinoj gosudarstvennoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij // O sovershenstvovanii edinoj gosudarstvennoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij. Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federal'nogo sobraniya Rossijskoj Federacii. – 2013. – № 20 (504). – S. 3–6.
4. **Alekseev S.P.** Edinaya gosudarstvennaya sistema preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 6 (86). – S. 366–370.
5. **Alekseev S.P.** Iz istorii edinoj gosudarstvennoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij // European Research. Politologicheskie nauki. – 2015. – № 1 (2). – S. 19–21.
6. **Van'kov A.V.** Voprosy organizacii deyatelnosti policii v osobyh usloviyah // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 5 (221). – S. 31–33.
7. **Koblov F.Ch.** Rol' organov vnutrennih del v ohrane obshchestvennogo poryadka i obespechenii obshchestvennoj bezopasnosti pri vozniknovenii chrezvychajnyh situacij // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 5 (107). – S. 42–45.
8. **Mihajlov B.P., Tuzov L.L., Chvarkov M.A.** Nekotorye osobennosti deyatelnosti territorial'nyh organov MVD Rossii pri chrezvychajnyh situacijah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 1. – S. 195–200.
9. **Petunin I.I., Sinodov I.A.** Ob aktual'nosti sovershenstvovaniya deyatelnosti podrazdelenij Rosgvardii v osobyh usloviyah // Akademicheskaya mysl'. – 2023. – № 3. – S. 79–82.
10. **Majdykov A.F., Majdykov A.A.** Aktual'nye voprosy organizacii vzaimodejstviya territorial'nyh organov MVD Rossii s podrazdeleniyami (organami) vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 1 (41). – S. 59–62.
11. **Starostin S.A.** Upravlencheskie resheniya v chrezvychajnyh situacijah // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2024. – № 5. – S. 45–53.

(статья сдана в редакцию 13.11.2024)

**СУДЕБНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННЫЕ
ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА**

**JUDICIAL ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL PROCEEDINGS
IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS SYSTEM**

УДК 342

С.В. ЩЕПАЛОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Москва)
schepalov@mail.ru

STANISLAV V. SHCHEPALOV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia)

Аннотация: в настоящей статье автор определяет место производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции в системе отечественного административного процесса. Для освещения этой сложной темы анализируются научные труды основоположников доктрины административного процесса, последовательность вносимых в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях изменений, руководящие разъяснения высших судов и судебная практика. Складываясь в общую картину, изученный материал позволяет констатировать следующее. Производство по делам об административных правонарушениях неоднородно по своей структуре и на сегодняшний день является двуединым административно-юрисдикционным производством. Оно состоит из двух видов, эволюционирующих в разных направлениях, – несудебного производства и производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции.

На базе второго вида формируются другие аналогичные судебные административно-юрисдикционные производства: судебное обжалование представлений об устранении причин и условий совершения административного правонарушения, меры обеспечения производства по делу и определений об отказе в восстановлении 20-дневного срока оплаты административного штрафа в льготном размере. В свою очередь, административно-юрисдикционный процесс развивается в направлении дифференциации на несудебные и судебные производства. Предвосхищая формирование последних, автор ставит под сомнение целесообразность принятия единого Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В качестве разумной альтернативы предлагается изъять из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не всю процессуальную часть, а судебные производства с разработкой Кодекса судебной административной юрисдикции.

Ключевые слова: административная ответственность, правосудие, административное правонарушение, административный процесс, административная юрисдикция.

Для цитирования: Щепалов С.В. Судебные административно-юрисдикционные производства в системе административного процесса // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 34–43.

Abstract: in this article the author determines the place of proceedings on administrative offences in courts of general jurisdiction in the system of domestic administrative procedure. To answer this complex question, the scientific works of the founders of the doctrine of administrative procedure, the sequence of amendments made to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, guiding explanations of higher courts and judicial practice are analyzed. When put together into a general picture, the studied material allows us to state the following. Proceedings on administrative offences are heterogeneous in their structure and today are a dual administrative-jurisdictional proceeding. It consists of two types, evolving in different directions – non-judicial proceedings and proceedings on administrative offences in courts of general jurisdiction.

On the basis of the second type other similar judicial administrative-jurisdictional proceedings are formed: judicial appeal of representations on the elimination of the causes and conditions for committing an administrative offense, measures to ensure the proceedings on the case and determinations on the refusal to restore the 20-day period for paying an administrative fine in a preferential amount. In turn, the administrative-jurisdictional process is developing in the direction of differentiation into non-judicial and judicial administrative-jurisdictional proceedings. Anticipating the formation of the latter, the author questions the advisability of adopting a unified Procedural Code of the Russian Federation on administrative offenses.

As a reasonable alternative, it is proposed to remove from the Code of Administrative Offenses not the entire procedural part, but judicial proceedings with the development of a Code of Judicial Administrative Jurisdiction.

Keywords: administrative liability, justice, administrative violation, administrative procedure, administrative jurisdiction.

For citation: Shchepalov S.V. Judicial administrative and jurisdictional proceedings in the administrative process system // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 34–43.

Введение. Российская административно-процессуальная наука сегодня активно развивается. Однако взгляды на основополагающую категорию – сам административный процесс – представлены в виде ряда парадигм, в том числе диаметрально противоположных. В частности, научная школа Ю.Н. Старилова относит административный процесс исключительно к правосудию [1, с. 9–10]. П.П. Серков предлагает определять это понятие как нормативное регламентирование деятельности исполнительной власти [2, с. 29–34]. А.П. Шергин практически отождествляет административный процесс и производство по делам об административных правонарушениях (далее – ПДОАП) [3, гл. II, III]. Такая ситуация, с одной стороны, дает почву для дальнейших исследований, с другой – препятствует формированию стройной системы административного процесса, которая стала бы универсальной системой координат для ученых и практиков. Отчасти такая неопределенность вызвана теоретической сложностью ПДОАП. Оно отнесено к *административно-юрисдикционному* процессу большинством научных школ и считается одним из составляющих его систему производств. В то же время дела об административных правонарушениях рассматриваются не только административными органами, но и судами. Судебный порядок, являющийся прерогативой судебной, а не исполнительной власти, иногда выводится за пределы административной юрисдикции и причисляется к административному судопроизводству [4, с. 264] или даже отождествляется с ним [5, с. 79]. Сложность вопроса усугубляется тем, что рассмотрение дел арбитражными судами урегулировано Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ) и отнесено к самостоятельному виду судопроизводства.

Производство же по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции (далее – ПДОАП в СОЮ) оставлено на перепутье. Не исключено, что ему предстоит аналогичная участь – интегрироваться в ка-

кой-либо вид судопроизводства или образовать собственный, покинув систему административно-юрисдикционного процесса, чего на сегодняшний день пока не произошло и положение этого производства в этой системе неясно. Оно представляет собой единственный судебный порядок, чем отличается не только от других административно-юрисдикционных производств, но и от основного – несудебного порядка рассмотрения административно-деликтных дел. Является ли оно в отсутствие себе подобных редкостью в административной юрисдикции? Постараемся ответить на этот вопрос.

Критерии разграничения административно-юрисдикционных производств. Классик отечественной административно-процессуальной науки Н.Г. Салищева связывала административный процесс с принудительной реализацией административно-правовых актов, рассмотрением государственными органами споров и применением мер принуждения [7, с. 11–13], то есть административно-юрисдикционной деятельностью. Следуя логике ученого, которая рассматривала различные меры административного принуждения в рамках дел о хулиганстве, тунеядстве, безвозмездном изъятии домов, приобретенных на нетрудовые доходы и др. [7, с. 40–46], можно говорить, что критериями разграничения структурных единиц административной юрисдикции были *виды* и *порядки* применения мер административного принуждения. В видении В.Д. Сорокина, основоположника управленческого подхода, внутренняя дифференциация административного процесса выразилась в *видах* административного производства. Они различались по *предметам* рассмотрения [8, с. 66–69]. Один из видов был связан с рассмотрением вопросов о применении мер административного принуждения. А.П. Шергин, разграничивая виды административной юрисдикции, учитывал как основной критерий *субъект* деятельности. В числе иных критериев были отмечены *характер дел, процедура* рассмотрения и *средства* применяемой защиты [3, с. 17–29]. М.В. Галкина упоминает в качестве подобных критериев

судебный или несудебный порядок (обусловленный уполномоченным субъектом производства), а также предмет производства [9, с. 238–240]. И.В. Панова указывает на содержание деятельности, порядок разрешения дел, процессуальное основание возбуждения производства и характер управленческих функций [10, с. 117]. Суждениями И.В. Пановой соглашается В.В. Головкин [11, с. 109]. Л.В. Сандалов при разграничении административных производств учитывает однородность содержания индивидуальных юридических дел [12, с. 5]. Ю.С. Софронов разграничивает юрисдикционные производства в зависимости от субъекта и его компетенции. Теоретик выделяет юрисдикционную деятельность – внесудебную и судебную. В ходе последней суды, рассматривая дела об административных правонарушениях, осуществляют контрольную функцию [13, с. 85]. По мнению А.В. Корепиной, производства различаются нормативно-правовой основой, видом административного дела, порядком его разрешения, предметом правовой оценки, результатом и формой решения, гарантиями прав участников, а также системой уполномоченных органов [14].

Итак, можно сказать, что мы имеем дело с самостоятельной структурной единицей в административной юрисдикции, если она обладает собственными субъектом юрисдикционной деятельности, ее предметом, процессуальным порядком.

Субъект ПДОАП в СОЮ. Еще в период действия Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР) Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28.05.1999 № 9-П охарактеризовал ПДОАП в СОЮ как правосудие, причем независимо от того, самостоятельно ли суд привлекает к административной ответственности или только рассматривает жалобу. Было указано, что суд обязан руководствоваться положениями КоАП РСФСР, кроме тех, которые предусматривают действия, противоречащие природе суда как органа правосудия. Этот подход в конституционной юстиции продолжает развиваться и по сегодняшний день. Интерес представляет в связи с этим точка зрения П.И. Кононова: в силу закрепленного ст. 10 Конституции России принципа разделения государственной власти недопустимо смешение и объединение в рамках одного производства правосудия по делам об административных правонарушениях и несудебной административной деятельности [15, с. 60–84]. Здесь есть почва для дискуссии. Для разграничения административно-юрисдикционных производств следует учитывать также направленность и специфику самой процессуальной деятельности.

Однако принадлежность ведущих ее субъектов к различным ветвям власти – явный признак ее неоднородности.

Предмет ПДОАП в СОЮ. Говоря о направленности процессуальной деятельности, следует обратить внимание на предмет ПДОАП в СОЮ. Судебное и несудебное производство по административно-деликтным делам схожи в своем предмете. Им является дело об административном правонарушении, что следует из ст. 23.1, наименований гл. 23 и 29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, кодекс). Эта категория в науке характеризуется как разновидность административного дела [16], административно-правовой конфликт [17] и др. Однако у дела, представляющего перед судьей, имеются особенности. Во-первых, назначение ряда строгих административных наказаний в силу ст. 23.1 КоАП РФ отнесено только к судебной компетенции. Это арест, выдворение, административное приостановление деятельности, дисквалификация, конфискация, лишение специального права и др. Соответственно, нормы, касающиеся применения приведенных видов наказаний, относятся только к ПДОАП в СОЮ. Во-вторых, дело об административном правонарушении может характеризоваться как административно-правовой конфликт. Вместе с тем, если его рассматривает судья, конфликт носит иной характер: это неприменение инспектором принудительных мер к лицу за административно-наказуемое нарушение законодательства. Перед судом предстает в полной мере конфликт между публичной властью и частным лицом, связанный с намерением органа власти добиться официального порицания лица за неповиновение порядку управления. И позиции ученых, говорящих о функции судебного контроля за деятельностью публичной администрации в рамках ПДОАП в СОЮ, заслуживают поддержки [18]. Примечательно, что еще в 1976 г. И.А. Галаган, изучая первые процессуальные порядки назначения административных наказаний народными судьями, отметил их такую функциональную особенность, как судебный контроль за административной деятельностью [19, с. 419–426].

Обособление процессуального порядка ПДОАП в СОЮ. ПДОАП в СОЮ не обладает отдельным специализированным процессуальным регламентом. Оно урегулировано тем же нормативным массивом (гл. 29–30 КоАП РФ), что и рассмотрение дел должностными лицами. Однако многие положения кодекса, хотя и без какой-либо системы, указывают в качестве ведущего субъекта только на судью, а не «судью,

орган, должностное лицо» (ст. 23.1, ч. 2 ст. 29.2, ч. 4 ст. 29.4, чч. 1.1, 3 и 7 ст. 29.6, ч. 2 ст. 29.10, абз. 2 ст. 29.11, ч. 5 ст. 29.12.1, ст. 29.14, пп. 1 и 2 ч. 1, ч. 1.1 ст. 30.1, чч. 2 и 6 ст. 30.2, ч. 2 ст. 30.4, чч. 2.1 и 2.2 ст. 30.8, чч. 5 и 7 ст. 30.12, ст. 30.13–30.19, ч. 3 ст. 31.6, ст. 32.4, 32.5, 32.8, 32.9, 32.13 КоАП РФ).

Конституционный Суд Российской Федерации более 20 лет выбирает позицию о том, что функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих сторон. Суд обязан обеспечить справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности отстаивания своих позиций¹. Та же позиция распространена и на ПДОАП в СОЮ². И в ее ракурсе она последовательно наделяется законодателем новыми особенностями, приобретаемая все более заметные отличия. Следуя тексту гл. 29 КоАП РФ, как должностное лицо, так и судья рассматривают дела лишь с участием привлекаемого без его процессуального оппонента. Однако по мере внесения изменений в раздел IV КоАП РФ в судебном порядке появляются очертания этой новой процессуальной фигуры.

Согласно появившемуся в 2005 г. второму абзацу ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ копия судебного постановления стала направляться также должностному лицу, составившему протокол об административном правонарушении. Должностное лицо, уполномоченное составлять протокол, с 2010 г. приобрело право обжаловать постановление судьи (ч. 1.1 ст. 30.1). В 2009 г. в ст. 30.9 введена часть 5, которая предоставила возможность инспектору обжаловать и решение суда по жалобе на его постановление. В 2013 г. та же статья дополнена частью 6. Руководитель коллегиального органа также приобрел право обжаловать решение суда по жалобе на его постановление. С 2014 г. копия решения судьи по жалобе на судебное постановление теперь направляется в том числе и должностному лицу, составившему протокол (ч. 2.1 ст. 30.8), а копия решения по жалобе на постановление иного органа – в орган, вынесший постановление.

Судебный пересмотр вступивших в законную силу юрисдикционных актов тоже дополняется новой процессуальной фигурой, очертания которой проступают из содержания ст. 30.12 КоАП РФ. С 2011 г. решение судьи может быть обжа-

ловано должностным лицом, вынесшим постановление (ч. 4 ст. 30.12). В 2014 г. решение по результатам рассмотрения жалобы на судебное постановление стало обжаловаться должностным лицом, направившим дело на рассмотрение судьбе (ч. 5 той же статьи). С 2021 г. решение может обжаловаться также руководителем коллегиального органа, если постановление выносилось коллегиально. Такие особенности не были заложены в первоначальный текст кодекса. Они постепенно вводились законодателем в период его действия. Тем самым основное процессуальное отношение в ПДОАП в СОЮ стало «мутировать», превращаясь из двухсубъектного (судья – привлекаемый), в трехсубъектное (административный орган – судья – привлекаемый). Такая трехсторонняя процессуально-правовая связь характерна для правосудия и указывает на внутреннюю неоднородность процессуальной части КоАП РФ [21, с. 201–203].

Статус представителя административного органа не доведен до логического завершения. Согласно тексту КоАП РФ он еще не находит отражение в числе лиц, участвующих в самом судебном заседании. Административный орган вправе инициировать следующую стадию процесса, но на ней самой вновь выпадает из круга участников. Учитывая обрыв процессуального взаимодействия суда с административным органом в самом «сердце» процесса – судебном заседании, Верховный Суд Российской Федерации издал разъяснение, заняв компромиссную позицию между текстом КоАП РФ и процессуальной необходимостью. Поскольку должностные лица, составившие протокол, а также органы и должностные лица, вынесшие постановление, не являются участниками производства по делу, круг которых перечислен в гл. 25 КоАП РФ, они не вправе заявлять ходатайства, отводы. Вместе с тем в случае необходимости не исключается возможность вызова в суд указанных лиц для выяснения возникших вопросов³.

Однако в каком статусе привлекать данных лиц, сегодня не определено. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял⁴, что КоАП РФ не исключает участие должностного лица, составившего протокол, в качестве свидетеля, и повторил свою позицию

¹ См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.1996 № 19-П; от 14.02.2002 № 4-П; от 05.02.2007 № 2-П [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.07.2010 № 1086-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда. – 2005. – № 6.

⁴ См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2007 № 346-О-О; от 24.06.2014 № 1311-О; от 19.07.2016 № 1461-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

о том, что суд осуществляет функцию правосудия. Допрос должностного лица в качестве свидетеля одобрил и Верховный Суд Российской Федерации⁵. Поддерживая такую практику как вынужденную⁶, нужно отметить, что статус свидетеля не соответствует процессуальной функции должностного лица, составившего протокол. Он не является сторонним очевидцем, а отстаивает позицию органа преследования. Если же инспектор не был очевидцем происшествия, а его знания о деле ограничиваются только эпизодом оформления протокола, такой «свидетель» не отвечает требованиям ст. 25.6 КоАП РФ. По данным причинам в судебной практике формируется такой, по сути, дискреционный статус, как «представитель административного органа»⁷. В том же качестве допускается в судебное заседание и лицо, предъявившее доверенность от несудебного органа административной юрисдикции⁸. Такие проявления дискреции берут начало в практике рассмотрения народными судами РСФСР в порядке Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) жалоб на постановления о назначении административных взысканий. Верховный Суд РСФСР разъяснял, что участие в судебном разбирательстве «представителя административного органа (должностного лица) потерпевшего способствует наиболее полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела»⁹. Эта практика, превратившись уже в судебный обычай [20, с. 132–141], продолжает жизнь.

⁵ См.: постановления Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2021 № 4-АД21-18-К1 и № 117-АД21-1-К4; от 03.12.2021 № 11-АД21-38-К6 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: решение Верховного Суда Республики Карелия от 01.06.2024 № 12-53/2024 по жалобе защитника на постановление судьи Прионежского районного суда Республики Карелия от 21.11.2023 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, в отношении Ш.; решение Верховного Суда Республики Карелия от 28.05.2024 № 12-46/2024 по жалобе начальника ОМВД России по Медвежьегорскому району на постановление судьи Медвежьегорского районного суда Республики Карелия от 22.04.2024 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, в отношении З. // Наряды судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Карелия [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2022 № 16-383/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2023 № 127-АД23-6-К4 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 14.04.1988 № 4 «О некоторых вопросах рассмотрения судами в порядке гражданского судопроизводства жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях» (п. 11) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1988. – № 7.

И спустя даже треть века она все еще опережает развитие процессуального законодательства об административных правонарушениях.

Словом, законодатель еще не отказался от подхода к установлению и административной ответственности и порядка привлечения к ней единым кодексом. Однако постепенная модернизация его процессуальной части привела к автономии ПДОАП в СОЮ от несудебного производства.

ПДОАП в СОЮ как двуединое административно-юрисдикционное производство. Итак, ПДОАП в СОЮ ведется органом судебной, а не исполнительной власти. Характер конфликта, который предстает перед судом, имеет специфику, а судья применяет более строгие виды наказаний. ПДОАП в СОЮ последовательно приобретает особенности, которые привели к неоднородности процессуальной части КоАП РФ. Тем не менее и инспектор, и судья рассматривают дела об административных правонарушениях и назначают только административные наказания. Это не позволяет окончательно разъединить ПДОАП на два административно-юрисдикционных производства.

Может быть, ПДОАП является неким инородным предметом, не характерным для административной юрисдикции, который еще и обособляется от основного, несудебного порядка? Постараемся рассмотреть этот вопрос панорамно. Термины «юрисдикция» и «административная юрисдикция» вполне согласуются и со статусом суда как органа правосудия. Юрисдикция истолковывается как возможность, правомочность производить суд, решать правовые вопросы, а также как компетенция. Этимологически термин связывается с латинскими словами *jus* – «право» и *dico* – «говорю» [10, с. 236–239]. В латинской юридической речи использовалось и более созвучное слово *iurisdictio*. Под ним подразумевалось в первую очередь полномочие претора разрешать споры (например, в словосочетании *iurisdictioem denegare*), суд и расправа, судопроизводство, судебная власть, защита прав, решение дела (*imperii magis esse quam iurisdictiois*) [22]. Поэтому применение термина «юрисдикция» к судебной деятельности, на что ориентирует П.П. Серков, обоснованно. Юрисдикция связывается с разрешением правовых споров и конфликтов. Посредством нее реализуется охранительная функция права. Словом, этот термин обладает более объемной смысловой нагрузкой. Он обозначает осуществляющуюся в рамках охранительной функции права правоприменительную деятельность уполномоченного государственного органа, в том числе суда,

рассчитанную на осуществление в условиях конфликта. Поэтому юрисдикция и сочетается с различными формами государственного принуждения. Административная юрисдикция сочетается с административным принуждением, поскольку рассчитана на наличие конфликтной ситуации.

Теоретики, описывая административно-юрисдикционные производства, уделяют наибольшее внимание ПДОАП как своего рода центральному и базовому виду юрисдикционных производств. А.П. Шергин подчеркивает, что в административно-наказательной юрисдикции наиболее полно проявляются конституивные признаки самостоятельного вида юрисдикционной деятельности [3, с. 29]. Оно действительно является центральным явлением в структуре административно-юрисдикционного процесса. В нем стыкуются и связываются друг с другом несудебные и судебные производства, несмотря на их разнохарактерность. Поэтому будет правильным охарактеризовать ПДОАП как *административно-юрисдикционное производство, двуединое, состоящее из двух взаимосвязанных видов – несудебного производства и ПДОАП в СОЮ*. Ни один из них административно-юрисдикционный процесс не покидает.

Законодательство развивается в том же ракурсе. В разнообразии административно-юрисдикционных производств судебный порядок лишь при поверхностном взгляде выглядит, как посторонний регламент. В действительности ПДОАП оказывается находящимся на стыке двух групп административно-юрисдикционных производств – несудебных и судебных. Проблема состоит лишь в том, что вторая группа находится на стадии формирования. Но формирование это происходит.

Производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции как судебное производство в административно-юрисдикционном процессе. ПДОАП в СОЮ не является единственным судебным порядком в структуре административно-юрисдикционного процесса. Помимо него формируются другие судебные производства.

Во-первых, это *производство по обжалованию представлений об устранении причин и условий совершения административного правонарушения*. Институт представления закреплен в ст. 29.13 КоАП РФ. Он представляет собой самостоятельную меру административно-правового реагирования на нарушение порядка управления. По смыслу статьи, вынесение представления не связано неразрывно с привлечением к административной ответствен-

ности и допускается даже при прекращении производства по делу¹⁰. Представление выносится исключительно органом административной юрисдикции и относится к административно-юрисдикционному процессу. Но это процессуальное действие, в отличие от самого привлечения к административной ответственности, не зависит от инициативы заинтересованных лиц.

Порядок обжалования представления еще не сформировался. Как правило, оно обжалуется вместе с постановлением о назначении административного наказания и пересматривается в рамках того же дела, о чем высказывался Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ)¹¹.

Однако встречаются случаи, когда лицо согласен с наказанием, но считает вынесение представления излишним. Если дело связано с экономической деятельностью, то представление оспаривается в порядке гл. 24 АПК РФ с учетом давнего разъяснения Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ)¹². В практике общих судов тоже высказывались суждения о возможности самостоятельного обжалования представления в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)¹³. Пока такая практика не сложилась. ВС РФ указал, что ст. 29.13 КоАП РФ и гл. 30 КоАП РФ не предусматривают порядка отдельного обжалования представления и оно не может быть предметом самостоятельного обжалования¹⁴. В другом постановлении было изложено, что такие представления, если вынесены на основании обстоятельств, отраженных в постановлении по делу об административном

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2020 № 307-ЭС20-5995 по делу № А56-21344/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2021 № 5-АД21-90-К2; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 № 64-АД22-4-К9; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2023 № 78-АД22-84-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 в ред. постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.11.2008 № 60 (п. 20.1) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 1.

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2018 по делу № 33а-1019/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2021 № 5-АД21-90-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правонарушении, могут быть обжалованы вместе с ним в порядке гл. 30 КоАП РФ¹⁵.

Приведенному институту административно-юрисдикционного процесса еще предстоит эволюционировать. Однако и сегодня, если представление выносится судьей или обжаловано в суд в порядке гл. 30 КоАП РФ, эти правоотношения все же не направлены на привлечение к административной ответственности и они уже могут быть охарактеризованы как формирующееся судебное административно-юрисдикционное производство.

Во-вторых, это *судебное обжалование примененных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении*. Такой предмет судебного контроля тоже автономен от основного вопроса ПДОАП в СОЮ – административной наказуемости содеянного. Чаще всего граждане оспаривают правомерность применения задержания транспортного средства¹⁶. Иногда оспаривается административное задержание. И здесь нужно подчеркнуть, что ч. 5 ст. 25.5 КоАП РФ защитнику и представителю в числе их процессуальных прав прямо предоставлено право обжаловать применение мер обеспечения производства по делу.

Конституционный Суд Российской Федерации высказывался о том, что отсутствие возможности самостоятельного оспаривания протоколов об отстранении от управления транспортным средством и о направлении на медицинское освидетельствование не может свидетельствовать о нарушении ст. 27.12 КоАП РФ конституционных прав. Доводы о недопустимости конкретного доказательства или меры обеспечения могут быть изложены в ходе рассмотрения дела или в жалобе на постановление. Была выражена и позиция, что прекращение производства по делу не препятствует обжалованию незаконного применения меры обеспечения¹⁷.

ВС РФ развил приведенную позицию. Доказательства по делу не могут быть предметом самостоятельного обжалования. Доводы о недопустимости конкретного доказательства или применения мер обеспечения могут быть из-

ложены в ходе рассмотрения дела либо в жалобе на постановление или решение. Между тем гражданин вправе оспорить действия, совершенные в ходе ПДОАП, повлекшие за собой нарушение его прав и свобод, в порядке гл. 22 КАС РФ, но если производство по делу прекращено или не возбуждалось, указанные действия влекут правовые последствия для гражданина, а иной порядок их оспаривания не предусмотрен¹⁸.

Таким образом, предполагается, что законность применения обеспечительных мер по общему правилу проверяется в рамках КоАП РФ. Их оспаривание в соответствии с КАС РФ допускается как исключение, если утрачена возможность их судебной проверки в базовом, административно-юрисдикционном порядке [25, с. 103]. Соответственно, с учетом прямого закрепления в КоАП РФ права обжаловать меры обеспечения кодекс должен рано или поздно предусмотреть такой порядок.

В-третьих, это *судебное обжалование определения об отказе в удовлетворении ходатайства о восстановлении 20-дневного срока для уплаты административного штрафа в размере половины суммы*. Необычный институт начал формироваться после вынесения Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 04.12.2017 № 35-П. Было указано на то, что правоприменители, в том числе суды, при применении ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ, руководствуясь ст. 45 Конституции Российской Федерации, не вправе уклоняться от рассмотрения вопроса о возможности восстановления срока, предусмотренного для уплаты административного штрафа в размере половины суммы, по ходатайству привлеченного к административной ответственности лица¹⁹. Далее ст. 32.2 КоАП РФ дополчилась ч. 1.3–1, которая гласит, что ходатайство разрешается определением судьи или должностного лица, вынесшего постановление о назначении штрафа. Появилась и возможность обжалования в рамках гл. 30 КоАП РФ определения об отклонении ходатайства²⁰.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 № 64-АД22-4-К9 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См., напр.: решение Верховного Суда Республики Карелия от 13.03.2019 № 21-73/2019; решение Верховного Суда Республики Карелия от 17.03.2021 № 12-41/2021; решение судьи Верховного Суда Республики Карелия от 09.06.2021 № 12-132/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2009 № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 27. – Ст. 3382.

¹⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.04.2021 (п. 52) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 7.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2017 № 35-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 51. – Ст. 7910.

²⁰ Федеральный закон от 23.06.2020 № 187-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 26. – Ст. 4001.

На первый взгляд, этот порядок является второстепенным производством, связанным с исполнением постановления. Однако он специфичен. Остальные производства, связанные с его исполнением, направлены на *детализацию механизма* исполнения конкретного назначенного наказания, а не на явное смягчение самого наказания. Здесь же заявитель притязает на предоставление ему государственной льготы по уплате штрафа в размере 50%, которой он не смог воспользоваться. Судебное обжалование отказа в предоставлении такой льготы вряд ли может считаться частью лишь исполнения постановления о назначении наказания.

В порядке дискуссии обратим внимание на то, что не все производства, закрепленные в КАС РФ и отнесенные не к административной юрисдикции, а к административному судопроизводству, характерны для последнего. Помимо «классических» порядков оспаривания нормативных правовых актов (гл. 21), решений, нарушающих права и свободы граждан (гл. 22), а также защиты избирательных прав (гл. 24), в КАС РФ закреплены судебные порядки применения мер административного принуждения по инициативе публичных органов. В один список с гл. 21–24 можно включить гл. 30–31.3, где гражданин не совершил наказуемого деяния, т.к. является недееспособным или психически больным. Но гл. 28 и 29 совсем не характерны для административной юстиции, для регламентации которой и предназначен КАС РФ. В их рамках применяются сугубо меры административного принуждения в связи с совершением лицами административно или уголовно наказуемых деяний. Согласно гл. 28 суд помещает в спецучреждение иностранного гражданина, подлежащего депортации при нарушении им миграционного законодательства (пп. 1 и 2 ст. 31 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Устанавливая по инициативе колонии в порядке гл. 29 административный надзор за лицом, совершившим преступление, суд не восстанавливает нарушенные права заявителя – суд защищает публичные интересы путем возложения дополнительных административных ограничений на осужденного под угрозой

привлечения его к административной ответственности. Приведенные порядки не вписываются в концепцию административного судопроизводства как формы судебного восстановления ущемленных прав и свобод в сфере публичных правоотношений [23, с. 21]. Они, скорее, имеют сходство с административно-юрисдикционными производствами. И думается, что распределение судебных производств между административным судопроизводством и административно-юрисдикционным процессом еще не закончено.

Заключение. На сегодняшний день производство по делам об административных правонарушениях занимает центральную часть административно-юрисдикционного процесса. В нем состыковываются и связываются друг с другом судебные и несудебные процессуальные порядки. И оно является сложным двуединым феноменом, состоящим из двух процессуальных институтов, эволюционирующих каждый в своем направлении. ПДОАП как административно-юрисдикционное производство делится на несудебное производство и ПДОАП в СОЮ. Второй же вид не является единственным «вкраплением» правосудия в административную юрисдикцию. В свое время гражданский процесс сыграл роль основы, от которой отделилось административное судопроизводство в самостоятельный вид судопроизводства методом «отраслевого отпочкования», говоря словами А.Б. Зеленцова. Следуя той же закономерности, ПДОАП в СОЮ сегодня является «материнским» судебным административно-юрисдикционным процессуальным порядком, на базе которого формируются и другие. Им предстоит институционализироваться в ближайшие годы. В свою очередь, сам административно-юрисдикционный процесс постепенно приобретает сложную структуру. Поэтому, предвосхищая развитие административно-юрисдикционного процесса, разумным видится следующее: вместо принятия Процессуального КоАП РФ, например, изъять из действующего кодекса лишь судебные административно-юрисдикционные производства. Им стоит дать потенциал для самостоятельного развития в рамках *Кодекса судебной административной юрисдикции*.

Литература

---

1. **Святохина Ю.В.** Административно-процессуальное право: формирование и содержание административно-юстиционной модели: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007. – 24 с.
2. **Серков П.П.** Административный процесс как зеркало административной науки // Административное право и процесс. – 2014. – № 9. – С. 29–34.
3. **Шергин А.П.** Административная юрисдикция. – Москва: Юридическая литература, 1979. – 143 с.

4. **Каплунов А.И.** Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 261–276.
5. **Стахов А.И.** Административно-процессуальное право как регулятор административного судопроизводства в России // Административное право и процесс. – 2015. – № 11. – С. 43–49.
6. **Панова И.В.** Административному судопроизводству в России быть // Административное право на рубеже веков: межвузовский сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2003. С. 11–13.
7. **Салищева Н.Г.** Административный процесс в СССР. – Москва: Юридическая литература, 1964. – 158 с.
8. **Сорокин В.Д.** Административно-процессуальное право: учебник. – Москва: Юридическая литература, 1972. – 569 с.
9. Административный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. – Москва: РГ-Пресс, 2023. – 352 с.
10. **Панова И.В.** Административно-процессуальное право России. – Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2012. – 335 с.
11. **Головко В.В.** Административно-юрисдикционная деятельность: вопросы понятия и содержания // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 104–113.
12. **Сандалов Л.В.** Административные производства в деятельности органов государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России: (проблемы правового регулирования): дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2004. – 170 с.
13. **Софронов Ю.С.** К вопросу о сущности административной юрисдикции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1 (84). – С. 82–89.
14. **Корепина А.В.** Административная юрисдикция: учебное пособие. Ч. 1. – Вологда: Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2019. – 179 с.
15. **Коновов П.И.** Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства // Правосудие. – 2023. – № 3. – С. 60–84.
16. **Коновов П.И., Чепурных М.В.** Об административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 5. – С. 43–48.
17. **Панкова О.В.** Административные дела и дела об административных правонарушениях как предмет административно-судебной юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 5. – С. 59–65.
18. **Гюлумян В.Г.** Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // Lex russica. – 2017. – № 7. – С. 151–165.
19. **Галаган И.А.** Административная ответственность в СССР: процессуальное регулирование // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / отв. ред. Ю.Н. Стариков. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. университета, 2010. С. 419–426.
20. **Боннер А.Т.** Применение нормативных актов в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1980. – 417 с.
21. **Борискова И.В.** Понятие и виды юрисдикции по российскому праву // Территория науки. – 2013. – № 2. – С. 201–203.
22. **Дыдынский Ф.М.** Латинско-русский словарь к источникам римского права. – 2-е изд., испр. и доп. – Варшава: типография К. Ковалевского, 1896. – 200 с.
23. **Зеленцов А.Б.** Ответственность в судебном административном праве (научно-популярные заметки) // Журнал административного судопроизводства. – 2018. – № 1. – С. 5–26.
24. Административные процедуры: учебное пособие / отв. ред. А.В. Сладкова. – Москва, 2024. – 328 с.
25. **Старостин С.А.** О соотношении понятий «административный процесс», «административное производство», «административные процедуры» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 5. – С. 100–106.
26. **Зюкиров Т.З.** Предпосылки принципа федерализма в правовом регулировании административной ответственности (на примере управленческих решений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5. – С. 199–207.

References

---

1. **Svyatohina Yu.V.** Administrativno-processual'noe pravo: formirovanie i soderzhanie administrativno-yusticionnoj modeli: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2007. – 24 s.
2. **Serkov P.P.** Administrativnyj process kak zerkalo administrativnoj nauki // Administrativnoe pravo i process. – 2014. – № 9. – С. 29–34.
3. **Shergin A.P.** Administrativnaya yurisdikciya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1979. – 143 s.
4. **Kaplunov A.I.** Sovremennye podhody k ponimaniyu administrativnogo processa kak rezul'tat i osnova razvitiya otechestvennogo administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 261–276.
5. **Stahov A.I.** Administrativno-processual'noe pravo kak reguljator administrativnogo sudoproizvodstva v Rossii // Administrativnoe pravo i process. – 2015. – № 11. – С. 43–49.
6. **Panova I.V.** Administrativnomu sudoproizvodstvu v Rossii byt' // Administrativnoe pravo na rubezhe vekov: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Ekaterinburg, 2003. S. 11–13.
7. **Salishcheva N.G.** Administrativnyj process v SSSR. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1964. – 158 s.
8. **Sorokin V.D.** Administrativno-processual'noe pravo: uchebnik. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1972. – 569 s.
9. Administrativnyj process Rossijskoj Federacii: uchebnik / отв. ред. Л.Л. Попов. – Москва: РГ-Пресс, 2023. – 352 с.
10. **Panova I.V.** Administrativno-processual'noe pravo Rossii. – Moskva: NORMA: INFRA-M, 2012. – 335 s.
11. **Golovko V.V.** Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost': voprosy ponyatiya i soderzhaniya // Pravoprimenenie. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 104–113.
12. **Sandalov L.V.** Administrativnye proizvodstva v deyatel'nosti organov gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya MVD Rossii: (problemy pravovogo regulirovaniya): dis. ... kand. jurid. nauk. – Омск, 2004. – 170 с.
13. **Soifonov Yu.S.** K Voprosu o sushchnosti administrativnoj yurisdikcii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 1 (84). – С. 82–89.
14. **Korepina A.V.** Administrativnaya yurisdikciya: uchebnoe posobie. Ch. 1. – Vologda: Fond razvitiya filiala MGYuA imeni O.E. Kutafina v g. Vologde, 2019. – 179 s.
15. **Kononov P.I.** Proizvodstvo v sudah po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah kak sostavnaya chast' administrativnogo sudoproizvodstva // Pravosudie. – 2023. – № 3. – С. 60–84.
16. **Kononov P.I., Chepurnyh M.V.** Ob administrativnom sudoproizvodstve v sudah obshchej yurisdikcii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2007. – № 5. – С. 43–48.
17. **Pankova O.V.** Administrativnye dela i dela ob administrativnyh pravonarusheniyah kak predmet administrativno-sudebnoj yurisdikcii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2019. – № 5. – С. 59–65.
18. **Gyulumyan V.G.** Administrativnaya otvetstvennost' v retrospektive i perspektive // Lex russica. – 2017. – № 7. – С. 151–165.
19. **Galagan I.A.** Administrativnaya otvetstvennost' v SSSR: processual'noe regulirovanie // Ivan Aleksandrovich Galagan i ego nauchnoe nasledie / отв. ред. Ю.Н. Стариков. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. университета, 2010. С. 419–426.

-
-
20. **Bonner A.T.** Primenenie normativnyh aktov v grazhdanskom processe: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 1980. – 417 s.
21. **Boriskova I.V.** Ponyatie i vidy yurisdikcii po rossijskomu pravu // Territoriya nauki. – 2013. – № 2. – S. 201–203.
22. **Dydynskij F.M.** Latinsko-russkij slovar' k istochnikam rimskogo prava. – 2-e izd., ispr. i dop.– Varshava: tipografiya K. Kovalevskogo, 1896. – 200 s.
23. **Zelencov A.B.** Otvetstvennost' v sudebnom administrativnom prave (nauchno-polemicheskie zametki) // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2018. – № 1. – S. 5–26.
24. Administrativnye procedury: uchebnoe posobie / otv. red. A.V. Sladkova. – Moskva, 2024. – 328 s.
25. **Starostin S.A.** O sootnoshenii ponyatij «administrativnyj process», «administrativnoe proizvodstvo», «administrativnye procedury» // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2016. – № 5. – S. 100–106.
26. **Zokirov T.Z.** Predposylki principa federalizma v pravovom regulirovanii administrativnoj otvetstvennosti (na primere upravlencheskih reshenij) // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2024. – № 5. – S. 199–207.
-
-

(статья сдана в редакцию 28.10.2024)

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПАРЛАМЕНТСКОГО
ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****THE LEGAL FRAMEWORK AND THE TOPICAL ISSUES OF THE
REALIZATION'S PRACTICE OF PUBLIC AND PARLIAMENTARY
FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 347.73

А.В. БРЕХОВ

(Контрольно-счетная палата Курской области,
Россия, Курск)
brekhov.andrei@yandex.ru

ANDREI V. BREKHOV

(Kursk region Control and Accounting Chamber,
Kursk, Russia)

Аннотация: вопрос ответственности исполнительных органов власти, в том числе в части проводимой государственной финансовой политики, имеет вневременную актуальность и служит индикатором развития гражданского общества. Работа посвящена изучению правовых основ и сложившейся практики реализации общественного и парламентского финансового контроля в Российской Федерации. Установлено, что общественный финансовый контроль в России не получил должного развития, ему свойственны низкий уровень инициативности субъектов контроля и преобладание таких форм, как общественные обсуждения и слушания проектов нормативных правовых актов. Парламентский финансовый контроль благодаря особому статусу парламентариев, наделенных полномочиями непосредственно народом, можно считать сочетанием государственного и общественного контроля. При этом отсутствие на современном этапе развития страны политической самостоятельности парламента сводит предметы парламентского финансового контроля к второстепенным вопросам. Важным аспектом финансового контроля является компетентность контролирующих органов, в связи с этим Счетная палата России и контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации являются наиболее полноформенной формой осуществления парламентского финансового контроля. Автор видит наиболее перспективным направлением развития парламентского контроля дальнейшее совершенствование системы органов внешнего государственного финансового контроля, а также нормативное закрепление порядка их взаимодействия с контролем общественным.

Ключевые слова: общественный финансовый контроль, парламентский финансовый контроль, сочетание государственного и общественного контроля, политическая самостоятельность, компетентность контролирующих органов.

Для цитирования: Брехов А.В. Правовые основы и актуальные вопросы осуществления общественного и парламентского финансового контроля в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 44–48.

Abstract: the question of the executive authorities responsibility including the state financial policy has a timeless relevance and serves as an indicator of the development of civil society. The work is devoted to the study of the legal framework and the realization's practice of public and parliamentary financial control in the Russian Federation. It has been established that the public control hasn't got its due development, it's characterized by a lower levels initiative and the predominance of such forms as public discussions and hearings of draft normative acts. The parliamentary financial control due to the special status of parliamentarians vested with the powers directly by people, may be considered as the combination of public and state control. And then the lack of parliament political independence at the present stage of the development of the country limits the subject of parliamentary control to secondary questions. An important aspect of a financial control is the inspection bodies competence. In this regard the Accounts Chamber of Russian Federation and the control and accounts authorities are the most valid form of parliamentary financial control. The author sees as the most promising direction development of control and accounts authorities and normative consolidation of their cooperation with the public control.

Keywords: public financial control, parliamentary financial control, the combination of public and state control, a political independence, the inspection bodies competence.

For citation: Brekhov A.V. The legal framework and the topical issues of the realization's practice of public and parliamentary financial control in the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 44–48.

Существующий высокий уровень коррупции в стране в сочетании с низким уровнем доверия населения к органам власти, отсутствие уверенности у граждан в наличии у них реальной возможности влиять на эффективность работы аппарата государственного управления заставляет регулярно возвращаться к проблеме контроля за органами исполнительной власти, в частности контроля финансового, нацеленного на обеспечение законного, эффективного и прозрачного функционирования финансовой системы государства. Взаимодействие власти и общества невозможно без наличия института обоюдной ответственности.

Контроль делится на государственный, встроенный в систему государственного управления, и общественный, находящийся вне этой системы. Ряд исследователей выделяют три взаимосвязанных вида контроля: общественный, государственный и муниципальный [1, с. 34]. На наш взгляд, муниципальный контроль является своего рода проекцией государственного контроля на уровень местного самоуправления, соответственно, ему присущи все основные черты и проблемы государственного контроля, поэтому мы не будем уделять ему отдельное внимание.

Целью данной статьи является анализ соотношения таких видов финансового контроля, как парламентский и общественный контроль, оценка их развития и наличия системности в их взаимодействии как показателей формирования гражданского общества.

Относительно роли и места общественного контроля существует мнение, что общественный контроль по отношению к государственному выполняет вспомогательную функцию [2, с. 8]. Этот взгляд, по нашему мнению, не верен, так как в «контрольной иерархии» статус субъектов общественного финансового контроля выше, чем субъектов государственного контроля в связи с тем, что общественный контроль проистекает из права граждан участвовать в управлении государством, предусмотренного ст. 32 Конституции Российской Федерации [3, с. 86]. Мы согласны с трактовкой общественного контроля как основной функции гражданского общества в отношении государства, направленной на реализацию общественных интересов и ограничение государственной власти [4, с. 29].

Согласно ст. 4 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах обще-

ственного контроля в Российской Федерации» под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, в том числе в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений¹. Перечень форм общественного контроля не слишком разнообразен: он включает общественный мониторинг, общественные проверки, общественную экспертизу, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания. В части финансового контроля используются, как правило, три последние формы в отношении нормативных актов, регламентирующих бюджетные или налоговые правоотношения.

Таким образом, общественный финансовый контроль существует в Российской Федерации в усеченном виде, а основными его чертами являются отсутствие системности и сведение к минимуму проявления инициативы субъектами контроля. Осуществляемый «снизу» общественный финансовый контроль сводится к индивидуальным или коллективным жалобам и обращениям граждан и (или) их объединений в органы власти в отношении фактов расходования бюджетных средств и использования государственного или муниципального имущества. Общественный финансовый контроль, организуемый «сверху», – это, как отмечено выше, регламентированные процедуры различного рода общественных слушаний, обсуждений, «нулевых» чтений законопроектов, например о бюджете на очередной финансовый год или об исполнении бюджетов за прошедший год. Организуемые зачастую самими же объектами контроля данные мероприятия для органов публичной власти носят некий «обрядовый» характер. Наиболее распространенным примером служат публичные слушания по проекту бюджета – основному финансовому документу публичного образования, предназначенному, в частности, обеспечить баланс государственных интересов и частных интересов граждан. Пред-

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ставляя безусловную важность в силу того, что подобные мероприятия позволяют осуществить контроль на начальном этапе процесса распределения бюджетных ресурсов, на практике они организуются органами власти по утвержденным регламентам с приглашением для участия заранее согласованных составов общественных экспертных советов или индивидуальных экспертов, – все это, в свою очередь, снижает и без того невысокий уровень доверия населения в целом к институтам общественного контроля.

Из всех видов государственного контроля наиболее тесно общественный контроль соприкасается с контролем парламентским, так как связь парламента с гражданами через наделение парламентариев мандатами непосредственно народом позволяет говорить о парламентском контроле как о сочетающемся в себе черты государственного и общественно-

го [5, с. 435].

Осуществление парламентского контроля как права Совета Федерации и Государственной Думы закреплено ст. 103.1 Конституции Российской Федерации. Основным законом данное право детализировано только формой парламентских запросов руководителям государственных органов и органов местного самоуправления, полный же перечень форм парламентского контроля из 18 позиций определен в Федеральном законе от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле»². За исключением прав рассмотрения Государственной Думой вопроса о доверии Правительству Российской Федерации, а также назначении председателя, заместителя председателя и аудиторов Счетной палаты Российской Федерации, все формы, в том числе применительно к финансовому контролю, сводятся к заслушиванию различного рода отчетов и докладов должностных лиц. Такая форма, как проведение парламентского расследования, применялась Федеральным собранием последний раз в 2009 году в отношении обстоятельств аварии на Саяно-Шушенской ГЭС [5, с. 435]. В части финансового контроля данная форма с момента вступления в силу закона не использовалась парламентариями ни разу, несмотря на регулярность возникновения и последующего освещения в СМИ коррупционных скандалов, связанных с расходованием бюджетных средств органами власти и государственными корпорациями.

Контрольная функция парламента не является основной, при этом именно контрольная

деятельность способна сформировать реальное верховенство законодательной власти над исполнительной. Парламентский контроль способен вносить наиболее весомый вклад в обеспечение системы сдержек и противовесов. Использование государством для реализации своих задач финансовых ресурсов само по себе предполагает необходимость контроля за ходом выполнения этих задач. Соответственно, парламентский финансовый контроль представляет собой важную прерогативу парламента.

Согласно субъектному составу парламентский контроль является контролем государственным. При этом, как отмечено выше, с учетом особого статуса парламентариев, в частности депутатов, наделенных полномочиями непосредственно народом, можно считать парламентский контроль опосредованным народным контролем. Это, с одной стороны, повышает статусность данного субъекта контроля, а с другой – налагает повышенную ответственность перед обществом. Парламент, безусловно, уникальный орган благодаря имеющимся у него возможностям для реализации контрольной функции, но, как это распространено в российской действительности, вызывает закономерные вопросы практика применения принятых норм. На современном этапе политической жизни в России, когда отсутствуют какие-либо существенные противоречия между Президентом, определяющим направления внутренней и внешней политики, в том числе финансовой, и Федеральным собранием с проправительственным партийным большинством [6, с. 7], парламентские расследования априори невозможны в отношении вопросов, затрагивающих авторитет высшей исполнительной власти. Данное соотношение сил проецируется и на уровень субъекта Российской Федерации [7, с. 32]. Действительный контроль предполагает наличие политической самостоятельности парламента, а существующая расстановка политических сил приводит к тому, что в поле зрения парламентского контроля оказываются, как правило, вопросы второстепенного порядка, не затрагивающие выбор исполнительной власти и пути его реализации в части расходования бюджетных средств, в том числе вызывающие вопросы у населения.

В условиях естественного отсутствия заинтересованности исполнительной власти в каком-либо контроле вообще парламентский контроль переводится, как правило, в плоскость политических дебатов, создавая некий «квазиконтроль» – публичную критику, не на-

² Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

целенную на достижение конструктивных результатов.

Важнейшим аспектом контрольной деятельности, определяющим ее эффективность, является компетентность субъектов финансового контроля. Контроль должен осуществляться профессионалами-экспертами в соответствующей сфере, в частности в области бюджетных правоотношений. Этому требованию отвечают постоянно действующие органы внешнего государственного финансового контроля (далее – ВГФК) – Счетная палата Российской Федерации и контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации. Являясь органами парламентского контроля, формируемые законодательными органами власти и, соответственно, находящиеся вне системы исполнительных органов, способные не только давать оценку финансовой деятельности объекта контроля, но

и разрабатывать практические рекомендации по оптимизации данной деятельности, органы ВГФК представляют собой в настоящее время наиболее действенный вид финансового контроля за деятельностью органов исполнительной власти.

При наличии соответствующей политической воли представителей законодательной власти наиболее перспективным направлением развития парламентского контроля является дальнейшее совершенствование системы внешнего государственного финансового контроля, в том числе в части расширения его контрольных полномочий, а нормативное закрепление порядка взаимодействия органов ВГФК с субъектами общественного контроля может способствовать выстраиванию единой системы финансового контроля, если в его основание будет положен контроль общественный.

Литература

---

1. **Спиридонов А.В.** Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиций конституционного права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 5. – С. 33–45.
2. **Спиридонов А.А.** Парламентский контроль в Российской Федерации: научно-практическое пособие. – Москва: Издание Государственной Думы, 2011. – 160 с.
3. **Глушкова С.И., Палкина Н.В.** Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2. – С. 86–97.
4. **Бердникова Е.В.** Правовые подходы к определению общественного контроля // Современное право. – 2016. – № 3. – С. 29–37.
5. **Бердникова Е.В.** Актуальные вопросы правового регулирования и реализации парламентского контроля в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т.15. – Вып. 4. – С. 431–436.
6. **Шевердяев С.Н.** Вопросы совершенствования положений Федерального закона о парламентском расследовании // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 14. – С. 7–14.
7. **Сорокин Р.С.** Концепция парламентской ответственности Правительства Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. – 2020. – Т. 5 (23). – № 3. – С. 32–36.
8. **Иваненко И.Н., Чермит Р.Р.** Парламентский контроль в системе государственного контроля Российской Федерации // Научный журнал «Эпомен». – 2018. – № 20. – С. 85–90.
9. **Измоленов А.К., Курдюмов А.В.** Основы государственного контроля, надзора и аудита: учебное пособие. – Екатеринбург: изд-во Уральского государственного экономического университета, 2018. – 109 с.
10. Основы государственного и муниципального финансового контроля: учебное пособие / Р.И. Сафиулаева, И.И. Глотова, Л.В. Агаркова [и др.]. – Ставрополь, 2022. – 80 с.

References

---

1. **Spiridonov A.V.** Gosudarstvennyj, municipal'nyj i obshchestvennyj kontrol': sodержanie i sootnoshenie ponyatij s pozicij konstitucionnogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – T. 17. – № 5. – S. 33–45.
2. **Spiridonov A.A.** Parlamentskij kontrol' v Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskoe posobie. – Moskva: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2011. – 160 s.
3. **Glushkova S.I., Palkina N.V.** Obshchestvennyj kontrol' v sovremennoj Rossii: osnovnye napravleniya i problemy razvitiya // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. – 2020. – № 2. – S. 86–97.
4. **Berdnikova E.V.** Pravovye podhody k opredeleniyu obshchestvennogo kontrolya // Sovremennoe pravo. – 2016. – № 3. – S. 29–37.
5. **Berdnikova E.V.** Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya i realizacii parlamentskogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2015. – T.15. – Vyp. 4. – S. 431–436.
6. **Sheverdyayev S.N.** Voprosy sovershenstvovaniya polozhenij Federal'nogo zakona o parlamentskom rassledovanii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2007. – № 14. – S. 7–14.
7. **Sorokin R.S.** Konceptiya parlamentskoj otvetstvennosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Ekonomika. Pravo. Obshchestvo. – 2020. – T. 5 (23). – № 3. – S. 32–36.

8. *Ivanenko I.N., Chermi R.R.* Parlamentskij kontrol' v sisteme gosudarstvennogo kontrolya Rossijskoj Federacii // Nauchnyj zhurnal «Epomen». – 2018. – № 20. – S. 85–90.

9. *Izmodenov A.K., Kurdyumov A.V.* Osnovy gosudarstvennogo kontrolya, nadzora i audita: uchebnoe posobie. – Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2018. – 109 s.

10. Osnovy gosudarstvennogo i municipal'nogo finansovogo kontrolya: uchebnoe posobie / R.I. Safiulaeva, I.I. Glotova, L.V. Agarkova [i dr.]. – Stavropol', 2022. – 80 s.

(статья сдана в редакцию 16.09.2024)

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**
**PUBLIC OPINION AND ITS IMPORTANCE FOR THE ACTIVITIES
OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES**

УДК 34

В.В. ШУМСКИЙ

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
shumskvic121968@yandex.ru

VICTOR V. SHUMSKY

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Р.А. ЛАЩЕНКО

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
RALBEL@mail.ru

ROMAN A. LASHCHENKO

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы изучения общественного мнения как одного из важнейших оценочных критериев деятельности органов внутренних дел. Обращается внимание на различные этапы реформирования системы оценки деятельности правоохранительных органов, на возникающие в процессе изучения общественного мнения проблемы, а также рассматриваются различные объективные и субъективные факторы, влияющие на его результаты. В частности, отмечается, что правоприменительная деятельность органов внутренних дел охватывает настолько широкий круг граждан, что даже при эффективной работе сотрудников органов внутренних дел существует большая вероятность негативных оценок за счет наличия в числе респондентов лиц, имеющих проблемы с законом. В связи с этим абсолютизация значения опросов общественного мнения в процессе оценки деятельности органов внутренних дел вряд ли целесообразна. В то же время при всех сложностях и проблемах общественное мнение, безусловно, продолжает оставаться одним из важнейших оценочных критериев деятельности органов внутренних дел, а одной из приоритетных управленческих задач руководителей всех уровней является формирование позитивного отношения населения к деятельности подчиненных служб и подразделений.

Ключевые слова: органы внутренних дел, критерии оценки, общественное мнение, критерии деятельности.

Для цитирования: Шумский В.В., Лащенко Р.А. Общественное мнение и его значение для деятельности органов внутренних дел // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 49–53.

Abstract: the article discusses the problems of studying public opinion as one of the most important evaluation criteria for the activities of law enforcement agencies. Attention is drawn to the various stages of the reform of the system for evaluating the activities of law enforcement agencies, to the problems that arise in the process of studying public opinion, and various objective and subjective factors influencing its results are considered. In particular, it is noted that the law enforcement activities of law enforcement agencies cover such a wide range of citizens that even with the effective work of law enforcement officers, there is a high probability of negative assessments due to the presence of people with problems with the law among the respondents. In this regard, it is hardly advisable to absolutize the importance of public opinion polls in the process of evaluating the activities of internal affairs bodies. At the same time, despite all the difficulties and problems, public opinion, of course, continues to be one of the most important evaluation criteria for the activities of internal affairs bodies, and one of the priority management tasks of managers at all levels is to form a positive attitude of the population towards the activities of subordinate services and departments.

Keywords: internal affairs bodies, evaluation criteria, public opinion, performance criteria.

For citation: Shumsky V.V., Lashchenko R.A. Public opinion and its importance for the activities of law enforcement agencies // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 49–53.

Устойчивое развитие общества зависит от многих факторов. Решающее значение при этом имеют нормы, правила поведения людей. Именно они объединяют общество, а также определяют взаимоотношения его членов. На формирование нормативно-ценностной основы общества существенное влияние оказывает общественное мнение. Являясь формой общественного сознания, оно содержит оценки по важным вопросам развития общества, определяя тем самым поведение людей.

Термин «общественное мнение» существует с XII века. Однако лишь в XX веке одноименный институт стал использоваться в полной мере в управлении государством. Прежде всего это относится к выборам должностных лиц, органов власти, проведению референдумов.

В рамках социологии сложилась самостоятельная отрасль знания – социология общественного мнения. Такое внимание к данной проблеме во многом объясняется происходящими демократическими переменами в обществе, когда учет общественного мнения по важнейшим вопросам развития становится жизненно необходимым условием успешного управления государством.

В той или иной форме общественное мнение о деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) изучалось всегда. Однако в условиях широкой гласности, конституционного права граждан на информацию для изучения деятельности ОВД его функции качественно меняются. Изучение общественного мнения проводится регулярно, в том числе и независимыми социологическими центрами, а его результаты регулярно отражаются в средствах массовой информации, учитываются в управленческой деятельности ОВД. Все это во многом предопределило и активизацию научных исследований по данной проблеме (здесь защищено более десятка кандидатских диссертаций, подготовлены учебные пособия), нормативными актами МВД России предписывается изучение данной проблемы в учебных заведениях министерства.

Проблема учета общественного мнения в оперативно-служебной деятельности ОВД является не только важной, но и недостаточно разработанной и во многом новой проблемой. Ее решение предполагает прежде всего рассмотрение вопроса о том, какой смысл вкладывается в само понятие «общественное мнение», каковы его особенности и значение для органов внутренних дел.

В этой связи необходимо согласиться с мнением ряда авторов о недопустимости абсолютизации значения опросов общественного мнения при оценке деятельности ОВД [1, с. 54].

Субъектами общественного мнения всегда выступают различные социальные общности людей – профессиональные группы, классы, в целом народы. Общественное мнение основывается на индивидуальном мнении, но не сводится к нему. Если для последнего важны интерес, потребности отдельной личности, то общественное мнение предполагает обобщение оценок индивидуумом. Конечно, это не умаляет важности индивидуального мнения, особенно специалистов и ученых, нередко служащее основой для новых идей, в том числе и в общественной жизни, носителями которых затем становятся большие группы людей. Мнение общественности о деятельности органов внутренних дел можно определить и «как совокупность имеющихся в обществе оценок, взглядов, суждений по социально значимым для населения проблемам, и как оценку результативности деятельности органов внутренних дел в целом» [2, с. 13].

Важный элемент, характеризующий статический аспект общественного мнения, – его предмет. В общем виде это то, что интересует людей и по поводу чего они высказывают свое мнение, оценку. Такая оценка со стороны людей существует практически по всем вопросам, имеющимся в обществе. Однако для общественного мнения важны не все события, а лишь те, которые представляют общественный интерес, т.е. являются общественно значимыми и от которых во многом зависит развитие общества. Это могут быть вопросы внутренней политики, а также внешней безопасности. Специфична также форма выражения сознания. В отличие от индивидуального и группового мнения, общественное мнение является формой отражения общественного сознания.

Сознание как высшая форма общественного мнения свойственно только человеку. Оно изучается различными науками: философией, теологией, психологией и др. Для социологии при анализе сознания главным является изучение идей, взглядов, потребностей, присущих различным слоям общества. В них отражаются отношения к различным событиям общественной жизни. При этом общественное сознание связано с другими формами сознания – нравственными, правовыми, т.е. оно не является абсолютно независимым и самостоятельным.

Для социологии важно целенаправленное изучение общественного мнения. Это предполагает выделение такого важного элемента, как пользователи общественного мнения. В зависимости от целей изучения общественного мнения это могут быть государственные структуры, политические партии, научно-исследовательские

учреждения и т.п. Выделение данного элемента имеет важное значение для практической организации использования общественного мнения, поскольку очевидно, что для политических партий важно общественное мнение о рейтинге тех или иных лидеров, а для государственных структур – вопросы, связанные с их профессиональной деятельностью.

Рассмотренные исходные положения о структурных элементах общественного мнения позволяют более четко выделить его специфику применительно к ОВД.

В силу их полифункциональности органы внутренних дел в той или иной мере затрагивают интересы различных слоев общества. Поэтому при определении субъектов общественного мнения очень важно представить наиболее полно всю структуру, слои населения. С учетом этого и составляется анкета для опроса граждан, по которой проводится мониторинг общественного мнения по вопросам деятельности ОВД. В соответствии с данной анкетой опрашиваются категории граждан от руководителя до безработного.

Несмотря на то что в деятельности ОВД произошли существенные изменения в формах и методах работы, негативное влияние на общественное сознание о деятельности полиции, например, оказывают также стойкие преступные группировки, их лидеры в лице так называемых воров в законе. Дело в том, что идеология данных преступных сообществ содержит целый набор норм поведения, традиций, которые направлены на противодействие правоохранительным структурам, пренебрежительное отношение к их деятельности. Это не только отказ от каких-либо форм содействия органам внутренних дел, но и одобрение таких норм поведения, как обман сотрудников, их запугивание, активное противодействие их работе. Эта воровская идеология, к сожалению, в ряде случаев находит свое отражение в средствах массовой информации, фильмах, книгах, что также негативно влияет на общественное сознание о деятельности ОВД. Наконец, нельзя не учитывать, что за годы тоталитарного режима уголовные репрессии коснулись значительной части населения, что, безусловно, влияет на общественное сознание о деятельности правоохранительных структур.

Еще одним направлением формирования объективного общественного мнения о деятельности ОВД является налаживание конструктивного взаимодействия со средствами массовой информации. Как справедливо отмечали Н.Н. Демидов и О.В. Зуева, «своевременное распространение информации о преступлении

позволяет предотвратить слухи и домыслы, создать благоприятное общественное мнение по поводу действий сотрудников правоохранительных органов» [3, с. 180].

Многое здесь, как было сказано выше, зависит от целей проведения опросов. Нами рассмотрены основные характеристики структурных элементов (компонентов) так называемого статистического аспекта общественного мнения, особенности их проявления применительно к ОВД.

Формирование общественного мнения – это определенный процесс, который включает в себя ряд этапов:

- ознакомление с фактами, событиями, проблемами на уровне информирования;
- обсуждение события, проблемы в определенной среде общения;
- распространение сложившегося «типизированного» мнения в форме определенного общественного сознания.

Такова общая схема формирования общественного мнения. В действительности при формировании общественного мнения по тому или иному вопросу этот процесс гораздо сложнее. Здесь присутствуют синтез обыденного и теоретического знания, эмоции, чувства, социальные установки личности, т.е. все то, что характеризует компетентность общественного мнения. Итогом этого процесса является суждение по тем или иным социально-значимым проблемам, которые, как было сказано, составляют предмет общественного мнения.

Суждения, содержащиеся в общественном мнении, могут содержать и возможные пути решения проблемы, например какие недостатки видит население в деятельности ОВД. Характер суждения во многом зависит от конкретных вопросов, которые ставятся при изучении общественного мнения.

Проведенный анализ статистического и динамического аспектов общественного мнения показывает, что они тесно взаимосвязаны, их выделение носит больше всего теоретический характер и направлено на то, чтобы более четко раскрыть сущность и особенности данного явления. Более чем 45% опрошенных считают, что сотрудникам полиции присущи такие профессионально-нравственные качества, как профессионализм, честность, порядочность и компетентность; 29% респондентов придерживаются противоположного мнения о личностных качествах сотрудников полиции [4, с. 44].

С учетом изложенного можно предложить следующее определение анализируемого понятия. Общественное мнение о деятельности ОВД – это проявление общественного сознания

различных социальных общностей в форме конкретных суждений по актуальным вопросам деятельности ОВД, представляющих общественный интерес.

Общественное мнение о деятельности ОВД выполняет консультативную функцию. Информация, содержащаяся в общественном мнении об органах внутренних дел, нередко заключает в себе интересные предложения по совершенствованию работы, о возможных направлениях усиления борьбы с преступностью и другие сведения, которые могут быть использованы при подготовке различного рода решений. Значимость такой консультативной информации огромна. Дело в том, что общественное мнение отражает настроение населения и, самое главное, во многом предопределяет, прогнозирует поведение людей в такой сложной сфере, как правопорядок. Предвидение такого поведения с помощью общественного мнения позволяет принимать адекватные ему решения, включая профилактику правонарушений.

Весьма значима и директивная функция общественного мнения о деятельности органов

внутренних дел. Ее суть состоит в том, что в ходе изучения общественного мнения эксперты получают однозначную оценку населения по тому или иному вопросу.

По мнению О.А. Абрамова, в результате реализации МВД России целого комплекса мер по налаживанию системы взаимодействия со СМИ в последнее время удалось добиться определенных положительных результатов в освещении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел [5, с. 23].

В заключение отметим, что для решения данной задачи необходимо продолжить создание эффективной системы информирования граждан о деятельности органов внутренних дел, включающей в себя взаимодействие со СМИ, отчеты перед законодательными (представительными) органами власти, населением, использование возможностей сети Интернет и т.д. Реализация указанных мер, бесспорно, позволит повысить уровень общественного доверия к деятельности ОВД и создаст условия для повышения эффективности решения стоящих перед ними задач.

Литература

---

1. **Зуева О.В., Васильева Е.Н.** Общественное мнение о деятельности полиции: практика исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. – 2014. – № 1. – С. 52–57.
2. **Костин С.Г.** Мониторинг общественного мнения населения о деятельности органов внутренних дел с целью формирования позитивного имиджа сотрудника полиции // Административное право и практика администрирования. – 2020. – № 3. – С. 11–16.
3. **Демидов Н.Н., Зуева О.В.** Реформирование ОВД в России глазами населения Волгограда (по материалам регионального социологического исследования) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 4 (27). – С. 177–181.
4. **Кисилева А.С., Никишина А.О., Семешкина А.С.** Работа полиции и отношение к полицейским // Молодой ученый. – 2022. – № 29 (424). – С. 43–45.
5. **Абрамов О.А.** Значение общественного мнения в оценке деятельности органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 3 (34). – С. 20–24.
6. **Быковская Ю.В.** Оценка эффективности социальной политики в органах внутренних дел Российской Федерации // Приоритеты России. – 2013. – № 17 (206). – С. 9–19.
7. **Закомалдин М.М.** Общественное мнение как один из факторов развития личности сотрудника органов внутренних дел // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 1 (13). – С. 83–88.
8. **Орлов К.А.** Отдельные аспекты формирования объективного общественного мнения о деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 2. – С. 18–23.
9. **Харьбин А.К.** Оценка работы участкового уполномоченного полиции // Закон и право. – 2015. – № 3. – С. 147–148.
10. **Янбухтин Р.М.** Полиция в системе социального регулирования: монография. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2017. – 162 с.

References

---

1. **Zueva O.V., Vasil'eva E.N.** Obshchestvennoe mnenie o deyatel'nosti politsii: praktika issledovaniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. – 2014. – № 1. – S. 52–57.
2. **Kostin S.G.** Monitoring obshchestvennogo mneniya naseleniya o deyatel'nosti organov vnutrennih del s cel'yu formirovaniya pozitivnogo imidzha sotrudnika politsii // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. – 2020. – № 3. – S. 11–16.
3. **Demidov N.N., Zueva O.V.** Reformirovanie OVD v Rossii glazami naseleniya Volgograda (po materialam regional'nogo sociologicheskogo issledovaniya) // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2013. – № 4 (27). – S. 177–181.
4. **Kisileva A.S., Nikishina A.O., Semeshkina A.S.** Rabota politsii i otnoshenie k policejskim // Molodoj uchenyj. – 2022. – № 29 (424). – S. 43–45.

-
-
5. **Abramov O.A.** Znachenie obshchestvennogo mneniya v ocenke deyatel'nosti organov vnutrennih del // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2015. – № 3 (34). – S. 20–24.
  6. **Bykovskaya Yu.V.** Ocenka effektivnosti social'noj politiki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Prioritety Rossii. – 2013. – № 17 (206). – S. 9–19.
  7. **Zakomaldin M.M.** Obshchestvennoe mnenie kak odin iz faktorov razvitiya lichnosti sotrudnika organov vnutrennih del // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. – 2023. – № 1 (13). – S. 83–88.
  8. **Orlov K.A.** Otdel'nye aspekty formirovaniya ob'ektivnogo obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti policii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 2. – S. 18–23.
  9. **Harybin A.K.** Ocenka raboty uchastkovogo upolnomochennogo policii // Zakon i pravo. – 2015. – № 3. – S. 147–148.
  10. **Yanbuhtin R.M.** Policiya v sisteme social'nogo regulirovaniya: monografiya. – Ufa: Ufinskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2017. – 162 s.
-
-

(статья сдана в редакцию 10.12.2024)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АКТАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ХИМИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ****IMPROVING COUNTERACTION MEASURES
TO ACTS OF INTERNATIONAL CHEMICAL TERRORISM:
CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS**

УДК 343.72

П.Н. КОБЕЦ,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России,
Россия, Москва)
pkobets37@rambler.ru

PETER N. KOBETS,
Doctor of Law, Professor
(NRI of the Ministry of Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: актуальность исследования вызвана тем, что современный терроризм является весьма сложной системой, которая выстраивается на основе плотно взаимодействующих друг друга процессов: идеологическом, криминальном, военном, политическом, религиозном и националистическом. Терроризм не только несет угрозу безопасности всему мировому сообществу, но и стремится приобретать все новые виды. Так, например, одним из наиболее опасных для человечества является химический терроризм с использованием химических веществ. Именно по этим причинам целью данного исследования стало изучение особенностей рассматриваемого преступного проявления с последующей разработкой мер противодействия актам химического террора. В процессе исследования обозначенного явления автором выявлены обстоятельства, обуславливающие высокую вероятность совершения на территории Российской Федерации химических терактов. Также были проанализированы потенциальные способы, которые могут быть использованы международными террористами для совершения террористических атак, и акцентировано внимание на том, что тактика и технология химического терроризма существенно отличаются от других форм террористических угроз, исходящих от международных террористических групп, использующих для совершения терактов химические компоненты. Автор приходит к выводу о том, что высокий риск возникновения чрезвычайных ситуаций, вызванных химическим заражением, может возникнуть не только из-за деятельности промышленных предприятий, специализирующихся на использовании химических компонентов, но и из-за возможных актов химического терроризма. Именно по этой причине одним из важных направлений антитеррористической деятельности является противодействие химическому терроризму, который стремится адаптироваться, бросает вызовы и угрожает современному миропорядку и цивилизации. По мнению автора, только эффективно функционирующая система усиления национальной безопасности в сфере борьбы с международным химическим террором позволит обеспечить требуемую защищенность населения не только отдельных российских регионов, но и всего государства в целом от последствий данного преступного проявления, а также устранить большинство причин и условий, его детерминирующих. Поэтому для минимизации глобальных вызовов, исходящих со стороны международного химического террора, предложен комплекс мер, который может способствовать дальнейшему противодействию рассматриваемым угрозам.

Ключевые слова: формированию нового мироустройства, современный международный террор, химический терроризм, борьба с терроризмом, субъекты террористической деятельности, совершенствование правопорядка, предупреждение преступности.

Для цитирования: Кобец П.Н. Совершенствование мер противодействия актам международного химического терроризма: актуальные проблемы и пути решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 54–61.

Abstract: the relevance of the study is due to the fact that modern terrorism is a very complex system, which is built on the basis of the following tightly complementary processes: ideological, criminal, military, political, religious and nationalistic. Terrorism not only poses a threat to the entire world community and its security, but also strives to acquire new types. For example, one of the most dangerous for humanity is chemical terrorism, which uses dangerous chemical substances. It is for these reasons that the purpose of this study was to study the features of the criminal manifestation in question with the subsequent development of measures to counteract acts of chemical terrorism. In the process of studying the designated phenomenon, the author identified circumstances that determine the high probability of chemical terrorist attacks on the territory of our country. The author also analyzed the potential methods that can be used by international terrorists to commit the terrorist attacks in question. They also emphasize that the tactics and technology of chemical terrorism differ significantly from other forms of terrorist threats emanating from international terrorist groups using chemical components to commit terrorist attacks. The author comes to the conclusion that the high risk of emergency situations caused by chemical contamination is due not only to industrial enterprises specializing in the use of chemical components, but also to possible acts of chemical terrorism. For this reason, one of the important areas of anti-terrorist activity is countering chemical terrorism, which seeks to adapt, challenges and threatens the modern world order and civilization. According to the author, only an effectively functioning system for strengthening national security in the fight against international chemical terrorism will ensure the required protection of the population of all Russian regions and the entire state as a whole from the consequences of this criminal manifestation, as well as eliminate most of the causes and conditions determining it. Therefore, in order to minimize global challenges emanating from international chemical terrorism, a set of measures has been proposed that can contribute to further counteraction to the threats under consideration.

Keywords: formation of a new world order, modern international terrorism, chemical terrorism, fight against terrorism, subjects of terrorist activity, improvement of law and order, crime prevention.

For citation: Kobets P.N. Improving counteraction measures to acts of international chemical terrorism: current problems and solutions // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 54–61.

Терроризм XXI века все чаще заявляет о себе как о глобальном масштабном явлении, бросаая вызовы государствам и активно стремясь к формированию нового мироустройства. Среди новейших трендов стремительного эволюционирования международного террора в первую очередь следует подчеркнуть выбор международными террористическими группировками различных новых способов совершения террористических нападений, что, в свою очередь, существенно затрудняет прогнозирование и противодействие потенциальным террористическим угрозам. Вместе с этим в значительной степени существенная оптимизация террористической деятельности происходит и за счет совершенствования ее информационной и технической оснащенности, что также осложняет ведение отечественными правоохранителями борьбы с современным террором.

Акцентируя внимание на актуальности рассматриваемого вопроса, специально хотелось бы отметить, что любые акты террора, исходящие со стороны международных террористов, довольно тщательно анализируются специалистами. Так, например, 24 апреля 2024 г. в Санкт-Петербурге проходила 12-я Международная конференция по безопасности, участниками

которой стали делегаты из более чем ста стран, с видеобращением к собравшимся обратился Президент Российской Федерации В.В. Путин. По его словам, в настоящее время «одной из самых серьезных угроз XXI века остается терроризм, при этом цель совершаемых в разных регионах мира терактов, за которыми стоят не только радикальные группировки, но и спецслужбы некоторых стран, – это подрыв конституционных основ и дестабилизация суверенных государств, разжигание межнациональной и межрелигиозной вражды»¹. Кроме того, главой государства было особо подчеркнуто, что методы, предпринимаемые обозначенными преступными организациями, становятся все более изощренными и даже варварскими.

Именно по этой причине в эпоху интенсивного и стремительного развития новейших технологий химического производства получает широкое развитие использование международным террором для совершения атак опасных химических веществ. Как отмечают эксперты, международный терроризм нынешнего столе-

¹ В. Путин: Терроризм остается одной из самых серьезных угроз XXI века [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/04/24/pravda-vsegda-odna.html?ysclid=m5nttwq3r084497911> (дата обращения: 10.01.2025).

тия является весьма сложной системой, которая выстраивается на основе следующих плотно взаимодействующих друг друга процессов: идеологическом, криминальном, военном, политическом, религиозном и националистическом. При этом одним из наиболее опасных для человечества является химический терроризм, использующий опасные химические вещества. И как отмечают российские специалисты, являющиеся экспертами по рассматриваемой проблематике, использование боевых отравляющих и опасных химических веществ для совершения терактов гораздо эффективнее, чем многие обычные вооружения [1, с. 37]. Именно по обозначенным выше причинам целью данного исследования стала разработка мер противодействия актам химического террора.

В подп. «ж» и «и» п. 1 «Основные тенденции современного терроризма» Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации прямо говорится о стремлении субъектов современного террора завладеть оружием массового поражения и разработать новые формы и методы террористической деятельности, которые будут направлены на увеличение масштабов последствий от террористических атак и числа пострадавших². Поэтому многие отечественные эксперты полностью убеждены в том, что совершение терактов с использованием оружия массового уничтожения среди иных видов и форм международного террора обладает наибольшей опасностью для любого государства. По большей части данное обстоятельство вызвано тем, что данный вид оружия не сравним с любым другим по своему разрушительному воздействию и, помимо существенного физического ущерба, в обязательном порядке приведет к массовому страху и паническим настроениям в обществе. Именно такая реакция населения позволит достигнуть международным террористам максимального медийного и психологического эффекта от совершенного теракта. Химическая террористическая атака будет нести в себе весьма губительные последствия для любой страны [2, с. 5].

Скорее всего, именно по этим причинам, вопреки предпринимаемым мерам, направленным на повышение борьбы с актами международного химического терроризма, на данный момент не отмечается явных тенденций по снижению рассматриваемых террористических угроз. Так, например, по сообщению экспертов Минобороны России, сделанному в сентябре 2024 г., было

зафиксировано более 400 случаев применения украинскими вооруженными силами (далее – ВСУ) токсичных химикатов, причем большинство из совершенных химических атак были официально подтверждены аккредитованной лабораторией Минобороны России³. Поэтому неслучайно в феврале 2024 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ходе встречи с участниками форума «Все для победы!» в г. Туле было отмечено: «...то, что называется ВСУ превратилось, конечно, в такую террористическую организацию»⁴. Также нельзя обойти вниманием еще одно важное заявление, сделанное в октябре 2024 г. представителями российского посольства в г. Вашингтоне, в котором звучали призывы российских дипломатов к Соединенным Штатам Америки о необходимости прекращения потакания Украине и целесообразности властям США проанализировать и оценить все опасности, а также потенциальные угрозы, которые исходят от химического террора. Кроме того, в заявлении особо обращалось внимание на то, что «вместо покровительства бьющимся в агонию украинским марионеткам американской администрации следует критически осмыслить происходящее и возможные риски, исходящие от украинского химического терроризма»⁵.

Впервые использование боевого отравляющего вещества (зарина) в процессе проведения террористической атаки международными террористами произошло в 1994 г. в г. Мацумото. Затем в 1995 г. в метро г. Токио также был применен зарин. В этом же году в метро г. Иокогамы террористами предпринимались попытки использования фосгена [3, с. 223]. По оценкам российских исследователей, с 2013 по 2017 гг. в Ираке и Сирии международными террористами совершались многочисленные и трудно подсчитываемые акты химического террора [4, с. 9]. Проблематика расследования современных актов химического терроризма, совершенных международными террористами в отношении россиян, также широко освещается в работах ответственных исследова-

³ ВСУ более 400 раз применили токсичные химикаты в ходе СВО [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240708/vsu-1958272426.html?ysclid=m5ayoc1fah749084149> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Путин назвал ВСУ террористической организацией [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2024/02/02/22250305.shtml?ysclid=m4qv3wfrej40855106> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Россия призвала США задуматься о рисках украинского химического терроризма [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/10/rossiya-prizvala-ssha-zadumatsya-o-riskah-ukrainskogo-himicheskogo-terrorizma/?ysclid=m23aroy386163604758> (дата обращения: 10.01.2025).

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дователей [5, с. 414]. Таким образом, обозначенное выше красноречиво свидетельствует о высокой вероятности внезапного применения боевых отравляющих и опасных химических веществ для совершения рассматриваемых противоправных деяний.

Чрезвычайная актуальность исследования анализируемой проблемы обусловлена немалым количеством причин и разнообразных обстоятельств: использование международными террористами опасных химических веществ влечет большое количество человеческих жертв, воздействует на психическое состояние населения, вызывает панику, тем самым существенно дезорганизуя работу не только спасателей, но и правоохранителей. При этом опасные вещества, накапливаясь в организме людей и животных, приводят к разного рода заболеваниям, генетическим мутациям, а также к гибели. Кроме того, необходимость изучения вопросов развития химического террора и, соответственно, разработки комплексных мер по противодействию ему, кроме всего прочего, обусловлена и тем, что в настоящее время общее число химических опасных веществ составляет более полутора тысяч наименований. А для эффективного противодействия потенциальным террористическим актам с использованием опасных химических веществ необходимо проведение специальных исследований, в том числе для подготовки новейших средств антидотной терапии для минимизации возможных негативных последствий от рассматриваемых вызовов [6, с. 35]. Кроме того, как отмечают специалисты, в зонах потенциального химического заражения, которые могут возникать в результате террористических угроз, проживает не менее 10 млн человек⁶, и они должны быть уверены в том, что в случае возникновения угрозы химического заражения будут предприняты все необходимые меры по защите населения.

Как отмечают российские эксперты, высокая вероятность совершения химических терактов на территории России обусловлена следующими обстоятельствами: наличием больших запасов опасных химических веществ; снятием грифа секретности с технологий получения отравляющих веществ, сравнительной доступностью соответствующей информации в сети Интернет, возможностью с ее помощью получения необходимых знаний и применения их террористами; возможностью создания новых высокотоксичных веществ на основе нетоксичных продуктов

с использованием промышленных технологий; имеющимися средствами по технологии «двойного назначения», практически не поддающиеся контролю; вероятностью техногенных аварий на предприятиях химического комплекса вследствие технологического старения, физического износа основных фондов и падения трудовой дисциплины [7, с. 48].

Важно отметить, что на момент своего возникновения некоторые нервнопаралитические газы имели двойное применение. Так, например, отдельные пестициды имеют общие характеристики с военными химическими веществами. В частности, отравляющее вещество под названием «табун» изначально было разработано в Германии в поисках новых пестицидов, а самый ранний агент V-серии был фактически выведен на рынок в качестве пестицида британской компанией [8, с. 51]. Немаловажным является и то, что технологии производства и сырье, которые можно применять для производства пестицидов, также могут использоваться для изготовления боевых отравляющих веществ [9, с. 652]. Наиболее опасные пестициды были в значительной степени или полностью заменены более эффективными альтернативами, которые эффективно уничтожают вредителей с меньшей опасностью для человека. Некоторые высокотоксичные пестициды ограниченного использования все еще производятся в ряде стран и используются в очень больших количествах.

Между тем в то время как альтернативы высокотоксичным пестицидам становятся все более доступными, старые и более опасные вещества теряют «привлекательность» для коммерческого использования и, как правило, производятся химической промышленностью только для экспорта [10, с. 223]. Однако некоторые из них представляют собой относительно простые соединения, которые вполне могут получить в подпольных лабораториях международные террористические организации. Эти опасные фосфорорганические пестициды, хотя значительно менее токсичны, чем отравляющие вещества табун, зарин и VX, тем не менее являются достаточно быстродействующими и смертоносными при использовании в химических атаках террористов, которые могут быть изготовлены при помощи относительно простого синтеза, описанного во многих открытых источниках. В настоящее время наиболее распространенными токсичными опасными веществами являются хлор и безводный аммиак. Хлор обычно используется на предприятиях химической промышленности. При этом он хранится и транспортируется в очень больших емкостях. Аммиак используют в сельском хозяйстве. Однако, как показывает

⁶ Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://static.mchs.gov.ru/upload/site1/document_file/MUUuMnux6f.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

проведенное исследование, постоянное использование такого большого количества опасных химических веществ в промышленном производстве и сельском хозяйстве может стать рычагом, позволяющим превратить акты химического терроризма в крупные катастрофы [11, с. 78].

Так, например, в качестве модели возможной террористической атаки, влекущей огромные людские, экологические и экономические последствия, является техногенная катастрофа, произошедшая в декабре 1984 года на заводе по производству пестицидов Union Carbide в г. Бхопале Республики Индии. Очень высокая плотность населения вокруг завода не является необычной для индийских городов и жилых районов, в которых расположены сравнительно опасные химические объекты. Данное обстоятельство увеличило численность жертв этой аварии⁷. На данный момент это самая страшная техногенная катастрофа в истории человечества. Тысячи жителей г. Бхопала погибли в результате случайного ночного выброса в атмосферу около тридцати тонн метилизоцианата. Сотни тысяч людей получили необратимые травмы, от которых многие умерли в последующие годы.

В России традиционно производственные мощности и складские помещения, хранящие опасные химические вещества, располагаются в городах. Причем порядка семидесяти процентов обозначенных химических веществ производятся и хранятся в населенных пунктах, в которых проживает не менее трехсот тысяч человек [12, с. 32]. По обозначенным выше причинам чрезвычайно важным в настоящее время также становится предотвращение любых серьезных попыток рассматриваемого терроризма на промышленных объектах. Причем совершенно очевидно, что для эффективного противодействия химическому террору наравне с результативной оперативной работой правоохранителям также потребуется детальный анализ всех возможных потенциальных целей международных террористических групп в рассматриваемой сфере для предотвращения их преступных замыслов. В связи с этим в дальнейшей перспективе необходимо разработать комплекс мер, направленных на совершенствование систем безопасности объектов химической промышленности, чтобы возможность совершения террористическими группами крупномасштабных химических аварий была минимизирована [13, с. 138].

⁷ Крупнейшая техногенная в истории: трагедия в Бхопале [Электронный ресурс]. – URL: <https://diletant.media/articles/45260940/> (дата обращения: 10.01.2025).

Рассматривая проблематику международного химического террора, немаловажно отметить, что представителями российской и зарубежной научной мысли делаются акценты на том, что тактика и технология химического терроризма существенно отличаются от других форм террористических угроз, исходящих от международных террористических групп, использующих для совершения терактов химические компоненты. В частности, немаловажным фактом является и то, что химический терроризм также качественно отличается от биологического терроризма, использующего для террористических угроз различные биологические штаммы. При этом совершенно очевидно, что химический терроризм очень похож на акты биологического террора, основанные на скрытом использовании биологических опасных химических веществ главным образом своей чрезвычайной эффективностью и способами их производства [14, с. 89].

Среди потенциальных способов, которые могут быть использованы международными террористами для совершения рассматриваемых террористических атак, в первую очередь как наиболее вероятные следует отметить следующие: заражение водоемов и городских систем водоснабжения; заражение продуктов питания, напитков, лекарств или косметики в процессе их производства, продажи либо иных способов распространения; заражение продуктов питания или напитков вблизи мест их потребления; заражение разного рода продуктов, почтовых марок и конвертов, жидкостей для внутривенного использования и др.; запуск отравляющих газов, опасных химических аэрозолей в системы отопления, вентиляции и кондиционирования зданий; распыление опасных газов различными летательными аппаратами [15, с. 11].

Отечественные исследователи проблематики химического терроризма в зависимости от масштабов и угроз современному обществу, как правило, выделяют четыре основных способа использования химсредств террористами:

- скрытое использование для дезорганизации функционирования структур государственного управления;
- применение в отношении гражданского населения в местах его массового скопления;
- совершение терактов на химических заводах, различных хранилищах химикатов, арсеналах вооружения, нефтяных и газовых скважинах, угольных шахт и др. для широкомасштабного поражения населения, инфраструктурных объектов и окружающей среды [16, с. 55];
- использование террористическими организациями химического оружия, которое специально разработано для поражения всего живого в

период ведения военных действий. Это один из самых варварских способов, приводящих к полномасштабной гуманитарной и экологической катастрофе.

Особо хотелось бы отметить, что, основываясь на анализе современных тактических приемов деятельности международного террора, возможно предположить их активизацию с использованием не только высокотоксичных химических средств, но и боевых отравляющих веществ, которые могут быть изготовлены кустарно [17, с. 19]. Поэтому для активного противодействия анализируемым преступным проявлениям правоохранителям также необходимо проводить постоянные специальные мероприятия с участием профессионалов, разбирающихся в химических и технологических процессах, на предмет получения от них информации о возможных угрозах, исходящих со стороны международного террора.

Среди важнейших мер, направленных на защиту жизни и здоровья людей от химических угроз, следует отметить следующие: укрытие в специализированных защитных сооружениях; эвакуацию из опасных зон; использование средств индивидуальной защиты органов дыхания; реализацию мероприятий по медицинской защите пострадавших лиц. При этом в связи с актуальностью потенциальных угроз химического терроризма в настоящее время существует необходимость совершенствования мер, требуемых для защиты населения от актов химического террора [18, с. 27].

Таким образом, совершенно очевидно, что на сегодняшний день важнейшим из условий, связанных с организацией эффективного обеспечения безопасности общества от актов химического террора, является целенаправленный и специализированный подход по разработке и выбору мер защиты от рассматриваемых террористических угроз. Одновременно с этим необходимо не только учитывать, но и не игнорировать одно из важнейших обстоятельств, а именно: ряд мероприятий, реализуемых в процессе ликвидации последствий химического террора, в том числе связанных с эвакуацией, укрытием в защитных сооружениях, применение специальных средств защиты и др. не могут быть проведены одновременно, поэтому часть людей рискует получить дозы заражения токсичными веществами. Именно по этой причине организация координации мероприятий антидотной терапии с одновременным их проведением является одной из важнейших мер всей системы антитеррористической защиты населения от актов химического террора [19, с. 95]. При этом важно отметить, что анализ опыта дальнейше-

го развития антидотной терапии, проведенный отечественными экспертами, свидетельствует о том, что антидоты возможно разработать не для всех токсичных химикатов, а только для тех, в основе механизма действия которых лежит изменение биологических систем. Кроме того, экспертами отмечается весьма низкая результативность применения антидотов к опасным химическим веществам, обладающим неспецифическими действиями, и обеспечить ими полную защиту организма довольно непросто [20, с. 15]. Поэтому в дальнейшем отечественным ученым чрезвычайно важно работать над решением этой актуальной проблемы.

В заключение отметим, что высокий риск возникновения чрезвычайных ситуаций, вызванных химическим заражением, обусловлен не только работой промышленных предприятий, специализирующихся на использовании химических компонентов, но и возможными актами химического терроризма, в процессе которых террористами будут использованы опасные химические вещества [21, с. 42]. Как показывает практика, представителей современных международных террористических организаций не останавливают всевозможные стоящие перед ними преграды, в связи с чем основные усилия Российской Федерации, направленные на борьбу с международным химическим терроризмом, должны способствовать выстраиванию национальной системы безопасности. Это является комплексной проблемой и эффективное функционирование такой системы возможно в том случае, когда субъекты борьбы с химтерроризмом будут использовать все возможности, опираясь на ее основные составляющие: специально подготовленных специалистов; высокоточные и оперативные средства, обнаруживающие очаги химического заражения; научный потенциал, решающий возникшие и прогнозируемые проблемы; постоянно обновляемые методики работы в местах химического заражения; результативное решение задач в области управления; разработку и производство необходимой спецтехники, которая должна быть использована для работы в условиях возможного заражения; достаточную подготовленность населения ко всем необходимым действиям и знание правил поведения в зоне химического заражения или во время террористической атаки.

Бесспорно, именно подобная система усиления национальной безопасности в сфере борьбы с международным химическим террором позволит обеспечить требуемую защищенность населения российских регионов и всего государства в целом от последствий данного преступного проявления, а также устранить большинство причин и условий, его детерминирующих.

Литература

1. **Андреев В.Г.** Химический терроризм: возрастающая угроза // Вестник Академии военных наук. – 2004. – № 4. – С. 35–40.
2. **Симонова А.Е.** Противодействие биотерроризму: международно-правовой аспект. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 160 с.
3. **Шульга В.Я., Петрунин В.А., Фокин Е.А. [и др.]**. Токсикологические аспекты расследования актов химического терроризма с использованием отравляющих веществ // Вестник Российской военно-медицинской академии. Приложение. – 2005. – № 1 (14). – С. 221–223.
4. **Ковтун В.А., Голипад А.Н., Мельников А.В. [и др.]**. Химический терроризм как силовой инструмент проведения внешней политики США и стран Запада // Вестник войск РХБ защиты. – 2017. – Т. 1. – № 2. – С. 3–13.
5. **Арслангереев А.М., Умариева Ф.М., Магомедова А.И.** Химический терроризм как глобальная проблема современности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11 (186). – С. 413–414.
6. **Назаров В.Б., Гладких В.Д., Бояринцев В.В. [и др.]**. Актуальные проблемы формирования резервов средств антидотной терапии для ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций // Токсикологический вестник. – 2011. – № 6. – С. 33–37.
7. **Татаринов В.В., Пашинин В.А., Косырев П.Н. [и др.]**. Совершенствование подходов к ликвидации последствий химических террористических актов // Технологии гражданской безопасности. – 2017. – Т. 14. – № 2 (52). – С. 46–51.
8. **Глотов Е.Н., Шарифуллина Л.Р., Козырева А.А.** Химический терроризм в социально-политических конфликтах // Научные и образовательные проблемы гражданской безопасности. – 2014. – № 2. – С. 47–52.
9. **Mars T.C.** Toxicology of chemical warfare agents // Hum. Exp. Toxicol. – 1996. – Vol. 15. – № 8. – P. 653–654.
10. **Шкатова Е.Ю., Оксюзян А.В.** Оказание медико-санитарной помощи при отравлениях в результате различных химических терактов // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 223–224.
11. **Кобец П.Н., Никитенко И.В.** Вопросы противодействия террористическим актам с использованием опасных химических и отравляющих веществ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2024. – № 1 (66). – С. 76–80.
12. **Перькова М.В.** Территории повышенного риска в генеральном плане города: на примере крупных городов: дис. ... канд. архитектуры. – Пенза, 2005. – 128 с.
13. **Кобец П.Н.** Предупреждение террористических атак на предприятиях и организациях, производящих либо хранящих опасные химические вещества // Юристы-Правоведы. – 2023. – № 2 (105). – С. 136–142.
14. **Боричев К.В.** О необходимости законодательного закрепления понятий «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 84–92.
15. **Рачеев В.Г.** О некоторых нетрадиционных особо опасных формах ведения современной вооруженной борьбы // Проблемы безопасности. – 2013. – № 1 (19). – С. 10–11.
16. **Андреев В.Г.** Вторая индокитайская война как техногенная экологическая катастрофа // Вестник Академии военных наук. – 2006. – № 2 (15). – С. 53–60.
17. **Кобец П.Н.** Криминологические риски использования компонентов химического оружия и опасных химических веществ в террористических целях // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 5. – С. 18–21. – DOI 10.18572/2070-2108-2023-5-18-21.
18. **Рыбаков А.В., Кочелаев А.А., Иванов Е.В.** О показателе защищенности населения в жилых зданиях при химическом заражении территории // Научные и образовательные проблемы гражданской безопасности. – 2018. – № 1. – С. 24–30.
19. **Машинцев Е.А.** Оценка влияния экологических факторов окружающей среды на состояние здоровья населения антропогенно-нагруженных территорий на базе системного подхода: дис. ... д-ра техн. наук. – Тула, 2007. – 350 с.
20. **Гладких В.Б., Беловолов А.Ю., Баландин Н.В.** Нормативно-правовые и научно-производственные аспекты состояния антидотного обеспечения в Российской Федерации // Биомедицинский журнал. – 2015. – Т. 16. – С. 8–18.
21. **Глотов Е.Н., Полевой В.Г., Шарифуллина Л.Р.** История развития отравляющих веществ, как основа технологии химического терроризма // Научные и образовательные проблемы гражданской безопасности. – 2014. – № 4. – С. 38–44.

References

1. **Andreev V.G.** Himicheskij terrorizm: vozrastayushchaya ugroza // Vestnik Akademii voennykh nauk. – 2004. – № 4. – S. 35–40.
2. **Simonova A.E.** Protivodejstvie bioterrorizmu: mezhdunarodno-pravovoj aspekt. – Moskva: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2017. – 160 s.
3. **Shul'ga V.Ya., Petrunin V.A., Fokin E.A. [i dr.]**. Toksikologicheskie aspekty rassledovaniya aktov himicheskogo terrorizma s ispol'zovaniem otravlyayushchih veshchestv // Vestnik Rossijskoj voenno-meditsinskoj akademii. Prilozhenie. – 2005. – № 1 (14). – S. 221–223.
4. **Kovtun V.A., Golipad A.N., Mel'nikov A. V. [i dr.]**. Himicheskij terrorizm kak silovoj instrument provedeniya vneshnej politiki SShA i stran Zapada // Vestnik vojsk RHB zashchity. – 2017. – T. 1. – № 2. – S. 3–13.
5. **Arslangereev A.M., Umarieva F.M., Magomedova A.I.** Himicheskij terrorizm kak global'naya problema sovremennosti // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2023. – № 11 (186). – S. 413–414.
6. **Nazarov V.B., Gladkih V.D., Boyarincev V.V. [i dr.]**. Aktual'nye problemy formirovaniya rezervov sredstv antidotnoj terapii dlya likvidacii mediko-sanitarnyh posledstvij chrezvychajnyh situacij // Toksikologicheskij vestnik. – 2011. – № 6. – S. 33–37.
7. **Tatarinov V.V., Pashinin V.A., Kosyrev P.N. [i dr.]**. Sovershenstvovanie podhodov k likvidacii posledstvij himicheskikh terroristsicheskikh aktov // Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti. – 2017. – T. 14. – № 2 (52). – S. 46–51.
8. **Glotov E.N., Sharifullina L.R., Kozyreva A.A.** Himicheskij terrorizm v social'no-politicheskikh konfliktah // Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashchity. – 2014. – № 2. – S. 47–52.
9. **Mars T.C.** Toxicology of chemical warfare agents // Hum. Exp. Toxicol. – 1996. – Vol. 15. – № 8. – P. 653–654.
10. **Shkatova E.Yu., Oksuzyan A.V.** Okazanie mediko-sanitarnoj pomoshchi pri otravleniyah v rezul'tate razlichnyh himicheskikh teraktov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 6. – S. 223–224.
11. **Kobec P.N., Nikitenko I.V.** Voprosy protivodejstviya terroristsicheskim aktam s ispol'zovaniem opasnyh himicheskikh i otravlyayushchih veshchestv // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 1 (66). – S. 76–80.
12. **Per'kova M.V.** Territorii povyshennogo riska v general'nom plane goroda: na primere krupnyh gorodov: dis. ... kand. arhitektury. – Penza, 2005. – 128 s.

13. **Kobec P.N.** Preduprezhdenie terroristicheskikh atak na predpriyatiyah i organizatsiyah, proizvodnyashchih libo hranyashchih opasnye himicheskie veshchestva // *Yurist»-Pravoved*. – 2023. – № 2 (105). – S. 136–142.
14. **Borichev K.V.** O neobходимosti zakonodatel'nogo zakrepleniya ponyatij «yadernyj terrorizm» i «biologicheskij terrorizm» // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*. – 2024. – № 4. – S. 84–92.
15. **Racheev V.G.** O nekotoryh netraditsionnyh osobo opasnyh formah vedeniya sovremennoj vooruzhyonnoj bor'by // *Problemy bezopasnosti*. – 2013. – № 1 (19). – S. 10–11.
16. **Andreev V.G.** Vtoraya indokitajskaya vojna kak tekhnogennaya ekologicheskaya katastrofa // *Vestnik Akademii voennyh nauk*. – 2006. – № 2 (15). – S. 53–60.
17. **Kobec P.N.** Kriminologicheskie riski ispol'zovaniya komponentov himicheskogo oruzhiya i opasnyh himicheskikh veshchestv v terroristicheskikh celyah // *Voenno-yuridicheskij zhurnal*. – 2023. – № 5. – S. 18–21. – DOI 10.18572/2070-2108-2023-5-18-21.
18. **Rybakov A.V., Kochelaev A.A., Ivanov E.V.** O pokazatele zashchishchennosti naseleniya v zhilyh zdaniyah pri himicheskome zarazhenii territorii // *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashchity*. – 2018. – № 1. – S. 24–30.
19. **Mashincov E.A.** Ocenka vliyaniya ekologicheskikh faktorov okruzhayushchej sredy na sostoyanie zdorov'ya naseleniya antropogenno-nagruzhennyh territorij na baze sistemnogo podhoda: dis. ... d-ra tekhn. nauk. – Tula, 2007. – 350 s.
20. **Gladkih V.B., Belovolov A.Yu., Balandin N.V.** Normativno-pravovye i nauchno-proizvodstvennye aspekty sostoyaniya antidotnogo obespecheniya v Rossijskoj Federacii // *Biomedicinskij zhurnal*. – 2015. – T. 16. – S. 8–18.
21. **Glotov E.N., Polevoj V.G., Sharifullina L.R.** Istoriya razvitiya otravlyayushchih veshchestv, kak osnova tekhnologii himicheskogo terrorizma // *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashchity*. – 2014. – № 4. – S. 38–44.

(статья сдана в редакцию 17.01.2025)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДРОПОВОДОВ
В СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ****CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF DROP
GUIDES IN MODERN CYBERCRIME**

УДК 343.9

М.И. СИНЯЕВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
mari_sinyaeva@mail.ru

MARIA I. SINYAEVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Kursk, Russia)

К.Г. БАЛАШОВ

(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
balashoffkonstantin@yandex.ru

KONSTANTIN G. BALASHOV

(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: по умолчанию феномен дроповодов рассматривается как один из ключевых элементов в структуре современной киберпреступности, существенно осложняющий борьбу с незаконными финансовыми операциями и отмыванием денежных средств. Тем не менее актуальная правовая практика выявляет ряд проблем, связанных с противодействием деятельности дроповодов, что привлекает повышенное внимание законодателя, правоохранительных органов и научного сообщества.

В настоящей статье акцент сделан на криминологическом анализе феномена дроповодов в контексте современной киберпреступности. Отмечено, что деятельность дроповодов характеризуется высокой степенью организованности и адаптивности к изменяющимся условиям информационно-телекоммуникационной среды. Выявлены специфические особенности данного явления: использование электронных средств платежа для обналаживания преступных доходов; вовлечение в противоправную деятельность широкого круга лиц (дропов); трудности в обнаружении и привлечении к ответственности организаторов схем обналаживания.

Установлено, что действующее законодательство недостаточно эффективно в части пресечения деятельности дроповодов, что не всегда соответствует интересам правосудия и препятствует реализации принципов неотвратимости наказания и защиты финансовой безопасности государства.

Сделан вывод о том, что, несмотря на существующие нормативно-правовые акты, практика борьбы с дроповодами наполнена коллизиями и пробелами. Среди наиболее значимых проблем выделены отсутствие четких правовых определений и квалификации деятельности дроповодов, а также недостаточная регламентация ответственности за передачу электронных средств платежа третьим лицам. Отмечена необходимость совершенствования нормативной базы для обеспечения единообразия правоприменительной практики и усиления эффективности борьбы с киберпреступностью, связанной с обналаживанием преступных доходов.

В заключение представлены рекомендации по устранению выявленных проблем, включая разработку и принятие специальных законодательных мер, направленных на криминализацию деятельности по организации схем обналаживания через дропов. Реализация данных предложений позволит усилить потенциал правовых механизмов в борьбе с феноменом дроповодов, а также повысить эффективность и справедливость правоохранительной деятельности в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: дроповоды, киберпреступность, обналаживание преступных доходов, электронные средства платежа, криминологический анализ, правоприменительная практика, неотвратимость наказания, психолого-криминологический подход, финансовая безопасность, международный опыт.

Для цитирования: Синяева М.И., Балашов К.Г. Криминологический анализ феномена дроповодов в современной киберпреступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 62–69.

Abstract: by default, the phenomenon of dropouts is considered as one of the key elements in the structure of modern cybercrime, which significantly complicates the fight against illegal financial transactions and money laundering. Nevertheless, current legal practice reveals a number of problems related to countering the activities of drop growers, which attracts increased attention from the legislator, law enforcement agencies and the scientific community.

In this article, the focus is on the criminological analysis of the phenomenon of dropouts in the context of modern cybercrime. It is noted that the activities of drop growers are characterized by a high degree of organization and adaptability to the changing conditions of the information and telecommunication environment. The specific features of this phenomenon have been identified: the use of electronic means of payment for cashing out criminal proceeds; the involvement of a wide range of individuals (drops) in illegal activities; difficulties in detecting and bringing to justice the organizers of cashing schemes.

It has been established that the current legislation is not effective enough in terms of suppressing the activities of drop growers, which does not always meet the interests of justice and hinders the implementation of the principles of the inevitability of punishment and the protection of the financial security of the state.

It is concluded that, despite the existing regulatory legal acts, the practice of combating drop-planting is filled with collisions and gaps. Among the most significant problems are the lack of clear legal definitions and qualifications for the activities of drop carriers, as well as insufficient regulation of responsibility for the transfer of electronic means of payment to third parties. The need to improve the regulatory framework to ensure uniformity of law enforcement practice and enhance the effectiveness of combating cybercrime related to the cashing of criminal proceeds was noted.

In conclusion, recommendations are presented to address the identified problems, including the development and adoption of special legislative measures aimed at criminalizing the organization of cash-out schemes through drops. The implementation of these proposals will strengthen the potential of legal mechanisms in combating the phenomenon of dropouts, as well as increase the effectiveness and fairness of law enforcement activities in the field of cybersecurity.

Keywords: dropouts, cybercrime, cashing out of criminal proceeds, electronic means of payment, criminological analysis, law enforcement practice, inevitability of punishment, psychological and criminological approach, financial security, international experience.

For citation: Sinyayeva M.I., Balashov K.G. Criminological analysis of the phenomenon of drop guides in modern cybercrime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 62–69.

Современный этап развития информационно-общества характеризуется широким распространением цифровых технологий, которые существенно влияют на все сферы человеческой деятельности. Вместе с позитивными изменениями возрастают и риски, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Киберпреступность стала одной из наиболее динамично развивающихся форм криминальной деятельности, приводя к существенным экономическим потерям и подрыву доверия к цифровым сервисам.

В контексте киберпреступности особое внимание привлекает феномен дроповодов – организаторов и координаторов сети лиц, известных как дропы. Дропы (от англ. drop – перенаправление) – это физические лица, которые предоставляют свои банковские счета, электронные кошельки или личные данные для проведения незаконных финансовых операций, включая отмывание денежных средств, полученных преступным путем, и содействие в обналичивании

краденых средств [1]. Дроповоды выступают ключевыми фигурами в организации этих схем, осуществляя вербовку, управление и контроль над дропами, а также взаимодействуя с другими участниками преступных групп.

Актуальность исследования обусловлена тем, что деятельность дроповодов существенно осложняет борьбу с киберпреступностью. Их действия способствуют сокрытию реальных организаторов преступлений, затрудняют процесс расследования и возвращения похищенных средств. Кроме того, вовлечение в преступную деятельность широкого круга лиц, часто не осознающих полностью противоправный характер своих действий, создает дополнительные сложности для правоохранительных органов и ставит перед обществом новые вызовы.

Степень научной разработанности темы свидетельствует о необходимости углубленного криминологического анализа феномена дроповодов. Несмотря на наличие отдельных исследований, посвященных киберпреступности и

финансовым мошенничествами, вопросы, связанные с организацией и функционированием сетей дропов под руководством дроповодов, требуют более детального изучения.

Феномен личности преступника занимает центральное место в системе криминологии, поскольку глубокое осмысление индивидуальных характеристик и мотивационных установок правонарушителей является ключевым для эффективной борьбы с преступностью и обеспечения безопасности в обществе [2, с. 17].

Анализ личности дроповодов позволяет выявить ряд уникальных психолого-криминологических характеристик, способствующих их вовлечению и успешному функционированию в преступной деятельности. Они обладают способностями к стратегическому планированию, применению нетрадиционных методов решения задач и быстрой адаптации в условиях изменяющейся операционной среды. Эти качества позволяют им эффективно устанавливать доверительные отношения с потенциальными сообщниками и жертвами, используя при этом сложные психологические техники, такие как методы нейролингвистического программирования. Кроме того, дроповоды активно используют современные технические средства для обеспечения анонимности и безопасности своей деятельности. Они создают сложные коммуникационные сети, включающие множество резервных аккаунтов и мобильных устройств, зарегистрированных на фиктивных или подставных лиц. Такая структура обеспечивает устойчивость их преступной деятельности и затрудняет оперативное обнаружение и пресечение со стороны правоохранительных органов.

Изучение феномена личности дроповодов в криминологическом аспекте имеет важное практическое значение. Глубокое понимание их мотивации, поведенческих моделей и используемых методов предоставляет возможность разработать эффективные стратегии противодействия их преступной деятельности. Это включает совершенствование нормативно-правовой базы, разработку специальных методик оперативно-разыскной деятельности и проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение вовлечения новых лиц в киберпреступность.

В результате проведенного криминологического исследования, основанного на анализе профилей дроповодов в социальных сетях, нами была разработана методика идентификации индивидуально-психологических особенностей данных субъектов в виртуальном пространстве. Прежде всего лица, осуществляющие руководство операциями с использованием дроп-акка-

унтов, характеризуются высоким уровнем интеллектуального развития и гибкостью мышления. Это проявляется через их активное вовлечение в разнообразные информационные потоки, что находит отражение в многочисленных подписках на тематические сообщества и страницы в социальных сетях. Такие аккаунты включают ресурсы, посвященные блоггингу, различным спортивным дисциплинам и иным областям интересов, которые потенциально могут быть использованы в преступной деятельности. Кроме того, указанные индивиды демонстрируют повышенный интерес к психологическим наукам, изучая их с целью освоения и последующего применения специализированных техник коммуникации, например метода нейролингвистического программирования, которые позволяют им эффективно воздействовать на сознание и поведение других лиц. Применение данных методик способствует достижению заранее поставленных преступных целей в рамках противоправной деятельности.

На последующем этапе осуществления преступной деятельности проявление таких качеств, как стратегическое планирование и применение нетрадиционных методов решения задач, позволяет субъекту, координирующему управление дроп-системами (дроповоду), устанавливать доверительные отношения с потенциальными жертвами. Начальные стадии взаимодействия часто сопровождаются оказанием финансовой поддержки, для чего у преступников предусмотрен специальный резерв денежных средств. Данный подход способствует ускоренному снижению уровня осторожности и бдительности у жертвы.

По мере уменьшения критичности восприятия дроповод активизирует процесс вовлечения в преступные схемы дропа, чьи персональные данные или счета используются для проведения незаконных операций. В контексте киберпространства моделирование подобных отношений и поиск потенциальных дропов зачастую осуществляется через платформы, популярные среди любителей компьютерных игр, а также посредством нетрадиционных каналов, таких как группы и автоматизированные боты на сайтах и приложениях знакомств. В этих случаях идентификация потенциально уязвимых лиц для вовлечения в мошенническую деятельность основывается на глубоком психоаналитическом анализе, направленном на выявление психологических уязвимостей и эксплуатируемых черт личности.

Согласно сообщению, опубликованному 29 августа 2024 г. на портале «МВД МЕДИА», сотрудники Управления уголовного розыска УМВД России по Костромской области провели

оперативно-разыскные мероприятия, результатом которых стало задержание жителя Московской области, подозреваемого в организации и координации деятельности дроповодов¹. По данным следствия, 20-летний программист на протяжении полутора лет занимался вербовкой лиц через мессенджеры для исполнения роли дроповодов – посредников в преступных финансовых операциях. Он осуществлял их обучение и распределение адресов жертв для получения наличных денежных средств в рамках мошеннической схемы «ваш родственник попал в ДТП». Задержанный привлек к противоправной деятельности не менее 20 соучастников, среди которых были и несовершеннолетние. В ходе обыска по месту проживания подозреваемого были изъяты электронные устройства, включая мобильный телефон и ноутбук, содержащие сведения о его противоправной деятельности и подтверждающие его роль в организации и управлении сетью дроповодов, действовавших на территории нескольких регионов.

Для проведения гендерного исследования и установления определенных соответствий были проанализированы теневые коммуникационные каналы, используемые лицами, выполняющими роль дроповодов в преступной деятельности. В рамках исследования были собраны и систематизированы данные о составе и характеристиках данных субъектов. Результаты анализа представлены в Таблице 1.

Такие статистические данные свидетельствуют о том, что участие в деятельности дроповодов не ограничивается одним полом и отражает тенденцию к гендерному равенству в определенных видах преступной активности. Это противоречит распространенным стереотипам о доминировании мужчин в сфере уголовно наказуемых деяний и подчеркивает необходимость пересмотра устоявшихся представлений в криминологической науке, что указывает на потребность более расширенного понимания динамического профиля таких субъектов в криминологических исследованиях и разработки соответствующих контрмер в рамках уголовной политики.

Способность к быстрой адаптации, характерная для операторов дроп-аккаунтов в условиях изменчивой операционной среды, проявляется через использование множественных коммуникационных средств. В частности, это выражается в наличии различных сим-карт и мобильных

устройств, что обеспечивает непрерывность коммуникаций в случаях компрометации доступа к основным аккаунтам. Кроме того, с целью минимизации рисков блокировки аккаунтов и утраты важных контактов такие операторы активно занимаются предварительным созданием и поддержанием деятельности вспомогательных резервных аккаунтов. Хотя эти вторичные аккаунты могут быть менее функциональны по сравнению с основными, они предоставляют необходимый уровень оперативной безопасности, позволяющий продолжать осуществление преступной деятельности без существенных затруднений со стороны правоохранительных органов.

Проведенное аналитическое исследование свидетельствует о наличии тесных взаимосвязей между резервными аккаунтами и основными средствами связи лица, осуществляющего руководство противоправной деятельностью, в частности дроповода. Дополнительно установлены корреляции между сим-картами, зарегистрированными на фиктивных или подставных юридических лиц, и личным номером дроповода. Такая сложная система координации и взаимосвязи между различными элементами коммуникационной сети дроповода препятствует оперативному обнаружению и блокировке со стороны правоохранительных органов, а также обеспечивает возможность быстрой адаптации к динамично изменяющимся внешним условиям оперативной обстановки.

Эскалация уровня тревожности у лиц, управляющих операциями с использованием дроп-аккаунтов, до состояний, сопоставимых с параноидальными или персекуторными расстройствами, приводит к ряду значимых поведенческих изменений. Данный вывод основывается на результатах исследования, проведенного с использованием шкалы тревожности Бека среди 30 дроповодов, действующих на территории Курской области.

Анализ собранных данных показал, что у обследованных лиц наблюдается высокий уровень тревожности, который проявляется в повышенной подозрительности, постоянном ощущении угрозы со стороны правоохранительных органов и конкурентов, а также в тенденции к изоляции и ограничению социальных контактов. Эти психологические особенности приводят к развитию поведенческих стратегий, направленных на минимизацию рисков разоблачения, что выражается в использовании более сложных методов конспирации и цифровой анонимности. В попытках стабилизировать свое психологическое состояние указанные субъекты могут прибегать к употреблению психостимулирующих веществ, включая предтренировочные комплексы и микродозы гал-

¹ Костромской полицией задержан студент-программист, занимавшийся рекрутингом курьеров для аферистов [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnyye-novosti/kostromskoy-politsiey-zaderzhan-student-programmist-zanimavshiysya-rekrutingsom-kurerov-dlya-aféristo/> (дата обращения: 28.12.2024).

Таблица 1. Сравнительный анализ гендерной принадлежности дроповодов

Общее количество участников в канале	Лица мужского пола	Лица женского пола
5 159	2 572	2 587
21 713	16 528	5 185
3 456	1 089	2 367
2 675	1 336	1 338

люциногенов, такие как производные мухомора (*Amanita muscaria*). Прием данных субстанций обуславливает возникновение гиперактивности и избыточного энергетического потенциала, что на начальных этапах способствует повышению работоспособности и способности к мультизадачности. Однако по мере кумулятивного воздействия данные вещества оказывают негативное влияние на поведение и приводят к проявлению агрессивности и отклонению от ранее разработанных стратегических планов.

В указанных обстоятельствах лица, осуществляющие управление, начинают проявлять тенденцию к самоизоляции в пределах информационного пространства. Это проявляется через удаление резервных аккаунтов, устранение личных фотографий, способных помочь в их идентификации, а также перерегистрацию действующих аккаунтов на нейтральные или широко распространенные персональные данные (например, «Николай Иванов»). Такой подход позволяет избежать привлечения внимания к вымышленным, ярко выраженным персонажам (например, «Волшебный Кот»), которые могут служить идентифицирующими маркерами.

Указанные действия свидетельствуют о стремлении дроповодов минимизировать риски обнаружения и преследования как в виртуальной, так и в реальной среде. Путем сокращения цифрового следа и использования общепринятых или обезличенных данных они снижают вероятность установления их личности и связывания с противоправной деятельностью. Это является частью стратегии уклонения от правоохранительных органов и осложняет процесс оперативно-разыскных мероприятий.

Министерство внутренних дел Российской Федерации 4 сентября 2024 г. подготовило и направило в Правительство Российской Федерации проект закона, предусматривающего введение уголовной ответственности для лиц, которые передают зарегистрированные на свое имя элек-

тронные средства платежа или предоставляют доступ к ним третьим лицам – дроперам. Согласно положениям данного законопроекта предлагается классифицировать подобные действия как преступления средней тяжести, а в определенных случаях, при наличии отягчающих обстоятельств, как тяжкие преступления. Об этом сообщил заместитель начальника Следственного департамента МВД России Данил Филиппов в интервью информационному агентству ТАСС, подчеркнув необходимость ужесточения ответственности за подобные правонарушения в связи с их опасностью для финансовой системы и правопорядка². Инициатива МВД России была направлена на противодействие незаконным операциям с электронными средствами платежа, которые используются в преступных схемах, включая отмывание денежных средств и финансирование противоправной деятельности. Однако законопроект был отклонен.

Проблема обналичивания преступных доходов является актуальной во всем мире. В Китайской Народной Республике, например, при возникновении подозрений в осуществлении подобной деятельности все банковские счета потенциального участника (дропа) незамедлительно блокируются [3, с. 256]. В Российской Федерации же блокировка подлежат преимущественно удаленные каналы банковского обслуживания и банковские карты, то есть электронные средства платежа [4, с. 12]. Примечательно, что в Китае передача банковских карт третьим лицам квалифицируется как уголовно наказуемое деяние, за которое предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы [5, с. 418]. В государствах Европейского союза законодательством установлены существенные штрафные санкции или лишение свободы на срок до 10 лет за участие в мошенни-

² МВД России предложило ввести уголовное наказание [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21763673> (дата обращения: 22.11.2024).

ческих схемах либо передачу своих банковских карт в этих целях.

Следует также отметить законодательный опыт Республики Беларусь, где в 2021 году была введена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет за передачу реквизитов или продажу своей банковской карты [6, с. 59]. Однако, как показывает практика, не суровость и длительность наказания, а принцип его неотвратимости является наиболее эффективным фактором сдерживания и профилактики правонарушений [7, с. 65].

В Российской Федерации ситуация складывается менее благоприятно. По данным МВД России, за 10 месяцев 2022 года количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), снизилось на 5,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Однако количество особо тяжких преступлений в сфере ИТТ увеличилось на 12%, а число нераскрытых особо тяжких преступлений возросло на 7,5%³. Данная статистика свидетельствует о том, что преступники стали использовать более изощренные и тщательно продуманные схемы обмана клиентов банков, увеличился размер причиняемого ущерба, поэтому предпринимаемых усилий со стороны государства недостаточно. По нашим оценкам, к уголовной ответственности привлекается не более 10% дропов, а у органов прокуратуры и судов в регионах практически отсутствует единый подход к правоприменительной практике⁴. При этом важно отметить, что привлечение к уголовной ответственности лиц, обналичивающих похищенные средства (дропов) [8, с. 134], и организаторов их деятельности (дроповодов) не представляет значительной сложности и может быть успешно реализовано правоохранительными органами при наличии соответствующей доказательственной базы [9, с. 161].

Таким образом, очевидно, что современная следственная и судебная практика привлечения дропов к ответственности в Российской Федерации требует совершенствования и унификации, что позволит повысить эффективность борьбы с обналичиванием преступных доходов и укрепить законность в финансовой сфере.

Проанализировав вышеперечисленное, мы предлагаем к внедрению алгоритм действий сотрудников правоохранительных органов.

³ Статистика МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/news/item/33891502> (дата обращения: 22.11.2024).

⁴ Обзор статистических данных. Судебный департамент [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrф.ru/documents/statistics/33400/> (дата обращения: 23.11.2024).

Психолого-криминалистический анализ поведенческих паттернов является ключевым инструментом в выявлении потенциальных рисков противоправного поведения и понимании внутреннего состояния индивида. Такой анализ позволяет установить связь между психологическими особенностями личности и ее действиями, что особенно важно при расследовании преступлений и профилактике правонарушений.

Анализ активности в цифровых следах, включая социальные сети и другие онлайн-платформы, предоставляет ценные данные о поведении индивида. Изменения в частоте и характере активности могут служить индикаторами психологических перемен. Например, резкое увеличение активности может порой указывать на повышенную возбудимость или стремление привлечь внимание, в то время как снижение активности может свидетельствовать о самоизоляции или подавленном эмоциональном состоянии.

Периоды активности и пассивности также имеют значение. Смещение времени активности, например переход на ночной образ жизни, может говорить о нарушениях сна, которое часто ассоциируется со стрессом или психическими расстройствами. Продолжительные периоды отсутствия в сети могут быть признаком отстранения от социальных взаимодействий, что характерно для состояний депрессии или тревожности. Признаки тревожности в поведении иногда проявляются через частые публикации о страхах, беспокойствах или неких неопределенных угрозах. Индивид может выражать опасения по поводу своей безопасности, подозрительность к окружающим или системе в целом. Такое поведение иногда указывает на развитие параноидальных мыслей или ощущение преследования. Самоизоляция проявляется в сокращении социальных контактов, отказе от общения с близкими, снижении участия в общественной жизни как офлайн, так и онлайн. Индивид может удалять свои профили в социальных сетях или ограничивать доступ к ним, что свидетельствует о желании скрыться от внешнего мира. Удаление контента, особенно массовое или выборочное стирание определенных сообщений, фотографий или видеозаписей бывает связано с попытками избавиться от компрометирующей информации или подготовкой к каким-либо действиям, которые не должны быть связаны с прежней активностью. Это также может указывать на страх разоблачения или преследования со стороны других лиц или органов власти.

Помимо вышеуказанных, существуют и другие поведенческие индикаторы, важные для психолого-криминалистического анализа:

– изменение стиля коммуникации: переход от дружелюбного тона к агрессивному или оборо-

нительному, использование закрытого или кодированного языка (дроп, дропперы, лудики и т.д.) может указывать на внутренние изменения в эмоциональном состоянии или деятельности в рамках закрытых сообществ;

– заикленность на определенных темах: навязчивый интерес к темам банковской безопасности может свидетельствовать о радикализации взглядов или подготовке к противоправным действиям;

– социальная изоляция: помимо онлайн-активности, важно учитывать и реальные социальные связи индивида. Снижение контактов с семьей и друзьями, конфликтные отношения или полное их отсутствие могут усиливать риск асоциального поведения;

– обращение внимания на упоминание или намеки в контенте на употреблении стимуляторов. Психолого-криминологический анализ контента, создаваемого субъектом исследования, может выявить упоминания или скрытые намеки на употребление психостимуляторов или иных психоактивных веществ. Такие индикаторы иногда проявляются в использовании специфической лексики, сленговых выражений, связанных с наркотическими средствами, или описания состояний, характерных для воздействия этих веществ. Обращение внимания на подобные элементы позволяет предположить наличие у индивида зависимости или периодического употребления стимуляторов, что существенно влияет на его психическое состояние и поведенческие реакции. С учетом того что употребление психоактивных веществ может снижать критичность мышления и повышать уровень импульсивности, данная информация является важной для прогнозирования возможного противоправного поведения и принятия превентивных мер;

– связь между агрессивными или иррациональными сообщениями и возможным влиянием психоактивных веществ. Анализ коммуникаций субъекта, характеризующихся агрессивностью или иррациональностью, может указывать на влияние психоактивных веществ на его эмоциональное и когнитивное состояние. Психостимуляторы и другие вещества способны вызывать у потребителя повышенную возбудимость, неадекватные эмоциональные реакции, нарушение логического мышления и снижение способности контролировать свои действия. Такие изменения проявляются в цифровых следах, например в виде оскорбительных высказываний, нелогичных суждений, резкой смены настроения в сообщениях или публикациях. Выявление данной связи имеет криминологическое значение, поскольку позволяет установить причинно-следственные связи между употреблением веществ

и противоправными действиями, что может быть использовано при расследовании преступлений и оценке степени вменяемости субъекта;

– обобщение полученных данных для составления комплексного профиля дроповода и определение потенциальных слабых мест и уязвимостей в его деятельности. На основании собранных данных проводится интеграция информации с целью формирования детального психологического и криминологического профиля дроповода. В этот профиль включаются характеристики личностных особенностей, мотивов, поведенческих стереотипов и социальных связей индивида. Особое внимание уделяется выявлению потенциально слабых мест и уязвимостей в его противоправной деятельности, например зависимость от психоактивных веществ, финансовые трудности, эмоциональная нестабильность или конфликтные отношения в ближайшем окружении. Определение таких факторов позволяет разработать стратегические подходы для воздействия на дроповода, включая возможность вербовки, убеждения прекратить противоправную деятельность или использования данных уязвимостей в оперативно-разыскной работе.

Комплексный профиль служит инструментом для повышения эффективности правоохранительных органов в предупреждении и раскрытии преступлений, связанных с деятельностью дроповодов, и способствует общей профилактике правонарушений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, феномен дроповодов в современной киберпреступности представляет собой сложное и многогранное явление, требующее глубокого криминологического анализа. Дроповоды, являясь ключевыми фигурами в организации и координации преступных сетей, демонстрируют высокий уровень интеллектуального развития, гибкость мышления и способность к стратегическому планированию, чьи индивидуально-психологические особенности, подкрепленные знанием психологии и методик влияния на людей, позволяют эффективно вербовать и эксплуатировать дропов, вовлекая их в противоправную деятельность.

Адаптивность и изобретательность дроповодов проявляются в использовании сложных коммуникационных стратегий и технологий анонимизации. Они активно применяют множество средств связи, резервные аккаунты и специальные методы маскировки личности, что значительно затрудняет их идентификацию и преследование со стороны правоохранительных органов. Такие действия, как самоизоляция в информационном пространстве, удаление персо-

нализированной информации и использование нейтральных или распространенных персональных данных, свидетельствуют об осведомленности в области кибербезопасности и стремлении избежать ответственности.

Учитывая вышеизложенное, становится очевидной необходимость внедрения новых подходов и методов в противодействии деятельности дроповодов. Предложенный нами алгоритм по идентификации индивидуально-психологических

особенностей дроповодов в виртуальном пространстве представляет собой действенный инструмент для повышения эффективности оперативно-разыскной деятельности. Его внедрение в правоприменительную практику позволит сотрудникам органов внутренних дел систематизировать процессы выявления и пресечения противоправной деятельности дроповодов, учитывая их специфические поведенческие модели и методы маскировки.

Литература

---

1. **Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю.** Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 506. – С. 185–192.
2. **Антоянн Ю.М.** Криминология: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 388 с.
3. **Стрижченко И.А., Егоров Р.П.** Актуальные принципы деятельности отдельных видов преступлений в сфере телекоммуникационной сети интернет с использованием дропов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 256–257.
4. **Буравцова А.Ю.** Хищение с использованием электронных средств платежа, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Юридический факт. – 2019. – № 47. – С. 10–12.
5. **Аксентьев А.А.** «Черный» и «белый» обнал как незаконные формы обналичивания денежных средств на российском теневом рынке // Теневая экономика. – 2023. – Т. 7. – № 4. – С. 407–430.
6. **Седых П.В., Ковальчис Д.Ч.** Распространение аутентификационных данных, дающих доступ к виртуальным кошелькам, как уголовно наказуемое деяние (по законодательству Республики Беларусь) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 3 (69). – С. 56–64.
7. **Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А.** Институт соучастия в мошенничестве: современное состояние // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 9. – С. 64–71.
8. **Копылов В.В., Субботин А.А., Прокофьев О.М.** Проблемы организации противодействия методам социальной инженерии при совершении мобильных мошенничеств в России // Криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 133–138.
9. **Тугузбаев Г.А.** Преступления в сфере информационных технологий и сфере компьютерной информации // Охрана, безопасность, связь. – 2023. – № 8–2. – С. 150–179.

References

---

1. **Alymov D.V., Balashov K.G., Deriglazova A.Yu.** Kriminalisticheskaya harakteristika tipovykh sledov prestupnika, osushchestvlyayushchego kriminal'nyuyu deyatel'nost' v virtual'nom prostranstve (na primere dropovodov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – № 506. – S. 185–192.
2. **Antonyan Yu.M.** Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurajt, 2024. – 388 s.
3. **Strizhchenko I.A., Egorov R.P.** Aktual'nye principy deyatel'nosti otdel'nykh vidov prestuplenij v sfere telekommunikacionnoj seti internet s ispol'zovaniem dropov // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 10 (161). – S. 256–257.
4. **Buravcova A.Yu.** Hishchenie s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha, s bankovskogo scheta, a ravno v otnoshenii elektronnykh denezhnykh sredstv // Yuridicheskij fakt. – 2019. – № 47. – S. 10–12.
5. **Aksent'ev A.A.** «Chernyj» i «belyj» obnal kak nezakonnyye formy obnalichivaniya denezhnykh sredstv na rossijskom tenevom rynke // Tenevaya ekonomika. – 2023. – T. 7. – № 4. – S. 407–430.
6. **Sedyh P.V., Koval'chis D.Ch.** Rasprostranenie autentifikacionnykh dannykh, dayushchih dostup k virtual'nym koshel'kam, kak ugolovno nakazuemoe deyanie (po zakonodatel'stvu Respubliki Belarus') // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2024. – № 3 (69). – S. 56–64.
7. **Vishneveckij K.V., Kashkarov A.A.** Institut souchastiya v moshennichestve: sovremennoe sostoyanie // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki. – 2024. – № 9. – S. 64–71.
8. **Kopylov V.V., Subbotin A.A., Prokof'ev O.M.** Problemy organizacii protivodejstviya metodam social'noj inzhenerii pri sovershenii mobil'nykh moshennichestv v Rossii // Kriminologicheskij zhurnal. – 2024. – № 3. – S. 133–138.
9. **Tuguzbaev G.A.** Prestupleniya v sfere informacionnykh tekhnologij i sfere komp'yuternoj informacii // Ohrana, bezopasnost', svyaz'. – 2023. – № 8–2. – S. 150–179.

(статья сдана в редакцию 09.12.2024)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЗРЫВОТЕХНИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS OF THE ACTIVITIES OF EXPLOSIVE ENGINEERING UNITS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

УДК 34.09.

М.С. ГАЙКИН

(Экспертно-криминалистический центр
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
Россия, Москва)
maxon291@yandex.ru

MAXIM S. GAIKIN

(Forensic Science Centre of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье приводится краткая история создания и становления взрывотехнических подразделений в системе МВД России, рассматриваются особенности выполняемых ими задач, а также порядок взаимодействия с другими подразделениями и службами органов внутренних дел на данных этапах. Проводится анализ результатов административно-правового реформирования в системе МВД России, ставшего следствием передачи взрывотехнических подразделений в подчинение Росгвардии. Анализируется ряд нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы обезвреживания взрывоопасных предметов, и их влияние на практическую деятельность подразделений МВД России. Данный анализ позволяет выявить проблемные вопросы межведомственного взаимодействия взрывотехнических подразделений с подразделениями МВД России в вопросах обезвреживания взрывоопасных предметов. С учетом текущей криминогенной обстановки, касающейся незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств и увеличения количества военных преступлений с их использованием, предлагаются возможные варианты создания в системе МВД России данных подразделений. Предложения, сформулированные автором в настоящей статье, позволят не только повысить эффективность противодействия современным угрозам от незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, но и будут способствовать повышению профессионального уровня сотрудников системы МВД России в целом.

Ключевые слова: взрывотехнические подразделения, взрывчатые вещества, взрывные устройства, взрывоопасный предмет, обезвреживание, уничтожение.

Для цитирования: Гайкин М.С. Организационно-правовые основы деятельности взрывотехнических подразделений в системе МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 70–76.

Abstract: the article discusses a brief historical background of the creation and formation of explosive units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The features of the tasks they perform are considered, as well as the procedure for their interaction with other departments and services of internal affairs bodies at these stages. The analysis of the results of administrative and legal reform in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which resulted from the transfer of explosive units to the subordination of Rosgvardiya, is carried out. The analysis of a number of normative legal acts regulating the issues of explosive ordnance disposal and their impact on the practical activities of the Interior Ministry units is carried out. This analysis allows us to identify a number of problematic issues of interdepartmental interaction of explosive engineering units with units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of explosive ordnance disposal. Taking into account the current criminal situation with regard to the illegal trafficking of explosives and explosive devices, as well as the increase in the number of war crimes involving their use, possible options for creating these units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia are proposed. The proposals formulated by the author in this article will not only increase the effectiveness of countering modern threats with regard to illegal trafficking in explosives and explosive devices, but also contribute to improving the professional level of the Ministry of Internal Affairs system as a whole.

Keywords: explosive engineering units, explosives, explosive devices, explosive object, neutralization, destruction.

For citation: Gaikin M.S. Organizational and legal basis of the activities of explosive engineering units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 70–76.

Преступления, совершаемые с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств, разумеется, имеют определенную специфику, обусловленную рядом факторов. Во-первых, данные преступления отличаются повышенной степенью общественной опасности и по масштабам своих последствий могут быть сравнимы со стихийными бедствиями. Во-вторых, взрывные устройства нередко используются для совершения различных по своей природе преступлений – краж, убийств, террористических актов и т.п.

К началу 1990-х гг. в Российской Федерации преобладала неблагоприятная криминогенная обстановка. Локальные войны и вооруженные конфликты того времени на территориях бывших союзных республик способствовали поступлению в незаконный оборот большого количества боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Кроме того, нестабильный социально-экономический климат на постсоветском пространстве лишь усугублял ситуацию. Безработица вынуждала многих молодых людей, в том числе имеющих боевой опыт войны в Афганистане, искать себя в криминале. Стало обыденностью, когда в новостных лентах появлялись сообщения о криминальных взрывах либо изъятии большой партии оружия и боеприпасов. Рост незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также преступлений с их использованием требовал активных мер по противодействию данным угрозам.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации пришли к мнению, что без специалистов-взрывотехников невозможно обезвредить взрывное устройство и предотвратить взрыв. С этой целью в отрядах милиции особого назначения (далее – ОМОН) начали формироваться инженерно-технические (взрывотехнические) подразделения. Их задачами были поиск, обезвреживание и уничтожение взрывоопасных предметов. Взрывотехники ОМОН тесно взаимодействовали с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений в вопросах технического сопровождения экспериментальных взрывных работ при производстве экспертиз. Отмечалась и их совместная работа на местах криминальных взрывов. Так, в 1996 г. на базе экспертно-криминалистического отдела УВД на Московском метрополитене было сформировано Первое отделение, которое выполняло задачи по обследованию забытого багажа и бесхоз-

ных вещей на их принадлежность к взрывным устройствам в пределах станций столичного метрополитена и иных его объектов. В 2001 г. на базе управления был создан инженерно-саперный отдел ГУВД по г. Москве (далее – ИСО). Задачи, поставленные перед отделом, решались на всей территории города, в 2011 г. в связи с реорганизацией в системе МВД России данный отдел был переименован в ИСО ГУ МВД России по г. Москве.

К 2016 году в системе МВД России достаточно эффективно была организована работа по оперативному реагированию на сообщения, связанные с угрозой взрыва, обнаружением взрывных устройств и подозрительных в отношении взрывобезопасности предметов. В Москве данную задачу выполняли сотрудники ИСО, а в регионах – взрывотехники ОМОН. Единая ведомственная принадлежность и накапливаемый опыт практической деятельности вышеуказанных подразделений позволяли активно использовать это в подготовке учебных программ образовательных организаций системы МВД России. Достаточно большой вклад в подготовку специалистов внес Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, а также факультет профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Восточно-Сибирского института МВД России (г. Ангарск).

В 2016 году Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»¹ создается Федеральная служба войск национальной гвардии (далее – Росгвардия). В ее структуру, наряду с другими службами МВД России, были включены ОМОН территориальных органов и управлений на транспорте со своими взрывотехническими подразделениями. Создание Росгвардии предполагало ее тесное взаимодействие с подразделениями МВД России в вопросах силовой поддержки проведения специальных операций, а также выполнения задач по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Вышеуказанные организационно-штатные мероприятия привели к тому, что в системе

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2024).

МВД России осталось единственное подразделение – инженерно-саперный отдел столичного управления, способный выполнять задачи по обезвреживанию взрывоопасных предметов, который позже был переименован в инженерно-саперный центр.

Основной проблемой в вопросах обезвреживания взрывоопасных предметов, с которой пришлось столкнуться территориальным органам МВД России, стала межведомственная разобщенность с подразделениями Росгвардии. Если раньше для выезда дежурной инженерно-технической группы ОМОН на место происшествия требовалось только указание дежурной части, то в новых реалиях выезд уже согласовывался в рамках межведомственного взаимодействия. Стоит отметить, что все сообщения об обнаружении взрывоопасных предметов, как правило, поступают в дежурную часть отделов полиции, что требует незамедлительного направления к месту соответствующих специалистов. «Все работы, связанные с локализацией и обезвреживанием взрывных устройств, проводят только саперы...», – писал С.М. Колотушкин [1, с. 129]. Этот же порядок закреплен в п. 9 ведомственного нормативного документа², а приложением № 1 к нему определено, что только специалист-взрывотехник может установить возможность безопасной транспортировки и хранения подобных объектов и составить соответствующий акт³. Без данного акта объект будет невозможно направить на исследование в экспертно-криминалистическое подразделение, что также регулирует п. 6 другого нормативного документа⁴. В подобной ситуации следственно-оперативной группе приходилось выставлять оцепление и ожидать момента согласования своего руководства с руководством Росгвардии. Только после данных процедур на место прибывали взрывотехники и начинались необходимые следственные действия. Как справедливо утверждает Э.А. Иванов, «...эффективность следственного действия зависит от степени подготовки следователя к его производству» [2, с. 71].

Проблема взаимодействия следователя органов внутренних дел со специалистами-взрыв-

вотехниками волновала не только сотрудников на местах, но и была освещена в научных кругах. В качестве примера стоит отметить статью Н.А. Панасенко [3]. Проблемы взаимодействия следователя со специалистами в организации расследования преступлений также описаны в публикациях М.Ю. Бекетова [4] и Н.П. Майлис [5].

Одной из основных причин несогласованности действий прежде всего являлось отсутствие алгоритма взаимодействия МВД России и Росгвардии. В дальнейшем ситуация изменилась в лучшую сторону. На местах начали появляться совместные приказы и инструкции, регулирующие вопросы межведомственного взаимодействия в вопросах обезвреживания взрывоопасных предметов, а также их уничтожения. Один из таких документов приводится в статье А.В. Кузнецова и др. [6, с. 116].

В 2019 году в Российской Федерации издается совместный межведомственный приказ от 25.06.2019 № 330/417/320/285/223/92 «Об утверждении Порядка взаимодействия в вопросах поиска, идентификации и обезвреживания (уничтожения) взрывоопасных предметов, самодельных взрывных устройств, авиационных бомб и фугасов на территории Российской Федерации» (далее – Приказ по обезвреживанию взрывоопасных предметов от 2019 г.), регламентирующий вопросы обезвреживания взрывоопасных предметов на территории страны⁵. Его анализ показал, что МВД России вообще не предусматривалась задача по обезвреживанию и уничтожению взрывоопасных предметов, хотя в структуре ведомства на тот момент оставалось единственное подразделение в г. Москве. Позже данные подразделения появились в Санкт-Петербурге и Казани.

С начала проведения специальной военной операции (далее – СВО) российская объединенная группировка войск начала выполнять обширные боевые задачи. В ее составе совместно с подразделениями Минобороны России были задействованы и подразделения Росгвардии. Наряду с общевойсковыми и специальными задачами в обязанности взрывотехнических подразделений входили также мероприятия по обезвреживанию и уничтожению взрывоопасных предметов и устройству минно-взрывных заграждений с целью прикрытия своих позиций.

² Приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107 «Об утверждении Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 17.08.2024).

³ Там же

⁴ Приказ МВД России от 10 октября 2013 г. № 831дсп «Об утверждении Инструкции о порядке обеспечения безопасности при работе со взрывоопасными объектами в органах внутренних дел Российской Федерации».

⁵ Приказ Минобороны России, МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии, ФСО России от 25.06.2019 № 330/417/320/285/223/92 «Об утверждении Порядка взаимодействия в вопросах поиска, идентификации и обезвреживания (уничтожения) взрывоопасных предметов, самодельных взрывных устройств, авиационных бомб и фугасов на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 17.08.2024).

Убытие в зону СВО взрывотехнических подразделений ОМОН и отсутствие данных подразделений в системе МВД России на региональном уровне вскрыли проблему с обезвреживанием взрывоопасных предметов внутри страны. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в одном из регионов мужчиной был обнаружен артиллерийский снаряд времен Великой Отечественной войны⁶. Сотрудникам полиции пришлось выставить оцепление и охранять данную находку в течение полутора месяцев. По имеющимся комментариям к публикации, долгое ожидание было связано именно с убытием саперов в зону боевых действий.

В ходе СВО возникла потребность в очистке освобожденных территорий от взрывоопасных объектов для восстановления нормальной жизни мирного населения. Так, в 2022 г. издается новый Федеральный закон от 14.07.2022 № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, который дополняет к перечню полномочий ряд силовых ведомств, такие как Министерство обороны Российской Федерации, МЧС России, Росгвардия и иные аварийно-спасательные формирования, а также задачи по поиску, обезвреживанию и (или) уничтожению взрывоопасных предметов, оказанию помощи в реализации международных программ, проектов и операций по гуманитарному разминированию и выполнению взрывных работ. МВД России в этот перечень не попало, что также не создало предпосылок для развития взрывотехнической службы. С началом СВО на территории Российской Федерации значительно увеличился незаконный оборот боеприпасов и взрывных устройств, а также преступлений с их использованием. Согласно статистическим данным, за 2022 г. было зарегистрировано 152 преступления, что на 32,4% больше, чем в 2021 г. В 2023 г. число преступлений увеличилось до 309⁸. Такой рост обусловлен прежде всего ввозом на территорию страны различных боеприпасов как военными служащими и добровольцами, так и отдельными гражданскими лицами, прибывающими из зоны военных действий. Так, только за

2022 г. на объектах транспорта г. Москвы, включая аэропорты, железнодорожные и речные вокзалы, сотрудниками ОМОН было обнаружено и обследовано более 300 взрывоопасных предметов, а в 2023 году их число увеличилось до 555. В 2023 г. сотрудниками ИСО-2 СПП ГУ МВД России по г. Москве в пределах территории столицы (за исключением транспортных объектов) осуществлено 480 выездов, из которых в 328 случаях были обнаружены различные взрывоопасные предметы. Участились, к сожалению, и случаи совершения криминальных взрывов⁹.

Активизация диверсионной деятельности подразделений противника и его отельных ячеек, направленная прежде всего на дестабилизацию обстановки внутри страны, также заслуживает внимания. В ряде приграничных с Украиной регионов происходят подрывы железнодорожного полотна, опор линий электропередач при помощи самодельных взрывных устройств. Для нанесения ударов по объектам гражданской и критически важной инфраструктуры используются беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), несущие различные взрывные устройства и боевые части. Только за 2023 г. на территории страны было зафиксировано 227 атак с применением 410 различных БПЛА¹⁰. Стоит отметить, что в ходе атак достаточно большое количество БПЛА поражается средствами противовоздушной обороны, а также принудительно приземляется силами подразделений радиоэлектронной борьбы. При их сбитии либо принудительной посадке они представляют не меньшую опасность для окружающих и должны быть обезврежены либо уничтожены на месте специалистами-взрывотехниками.

Применение дальнобойных артиллерийских средств поражения и баллистических ракет, поставляемых западными странами, также создает большую угрозу для мирного населения, когда целенаправленно ведется огонь по гражданским целям. Примером этому являются территории Донецкой народной республики и Белгородской области. Особую опасность представляют касетные боевые части данных снарядов, которые при раскрытии рассеивают на достаточно

⁶ Коржок Д. Под Волгоградом полиция почти 40 дней сторожила крупнокалиберный снаряд в огороде мужчины [Электронный ресурс]. – URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/06/08/71396726/> (дата обращения: 10.08.2024).

⁷ Федеральный закон от 14.07.2022 № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.08.2024).

⁹ Вернувшийся из зоны СВО краснодарец... взорвал в квартире гранату [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eg.ru/kuban/3038662-mujchina-poluchil-mnojestvennye-oskolochnye-raneniya-ruk-i-nog/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁰ Проблемные вопросы при идентификации объектов взрывотехнической экспертизы – средств поражения, применяемых на территории проведения специальной военной операции [Электронный ресурс]. – URL: https://mvd.pf/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_centri/Publikacij_i_vistuplenija/item/184507/?ysclid=m4sgmhxbnh659139719 (дата обращения: 05.08.2024).

большой площади различные суббоеприпасы и мины. Достаточно много случаев в экспертной практике, когда происходили подрывы мирных жителей в результате контакта с боеприпасами.

Рост количества военных преступлений с использованием взрывных устройств, а также увеличение количества их поступления в незаконный оборот в текущих реалиях создает угрозу безопасности государства, что обуславливает необходимость противодействия. В условиях сложившейся криминогенной обстановки, а также военной опасности в ряде регионов страны нагрузка на взрывотехнические подразделения силовых ведомств, таких как Минобороны России, Росгвардия и МЧС России, возросла в разы. Имеющийся Приказ по обезвреживанию взрывоопасных предметов от 2019 г. четко разграничивает полномочия ведомств. Например, обезвреживанием самодельных взрывных устройств занимается ФСБ России, обезвреживанием авиабомб – МЧС России, боеприпасов, находящихся на вооружении Росгвардии и Минобороны России, – соответствующие ведомства. Иллюстрацией к вышесказанному может служить ситуация в одном из приграничных регионов, когда при принудительной посадке БПЛА сотрудникам полиции приходилось находиться в оцеплении более суток, охраняя взрывоопасную находку и ожидая прибытия взрывотехников ФСБ России из другого региона.

Отсутствие полномочий по обезвреживанию взрывоопасных предметов в рамках межведомственного приказа буквально парализует работу нескольких взрывотехнических подразделений в системе МВД России. Так, например, в случае обследования сотрудниками ИСО в г. Москве забытого подозрительного предмета и установления признаков самодельного взрывного устройства работы приостанавливаются, а на место вызываются сотрудники ФСБ России. Аналогичная ситуация обстоит в случае идентификации взрывоопасного предмета – артиллерийского снаряда либо авиабомбы. Стоит отметить, что фактор времени в данном случае играет решающее значение, а любое промедление может способствовать непреднамеренному взрыву.

Проблема отсутствия взрывотехнических подразделений в системе МВД России как отдельной службы в настоящий момент весьма актуальна. Вместе с тем существующие сегодня отдельные подразделения в ряде регионов не разрешают данную проблему, так как их полномочия на сегодняшний день ограничены совместным Приказом по обезвреживанию взрывоопасных предметов от 2019 г. Это также затрудняет работу сотрудникам предварительно следствия и дознания, так как осмотр обнаруживаемых в рамках

отдельных следственных взрывоопасных предметов необходимо согласовывать на уровне межведомственного взаимодействия. С уничтожением взрывоопасных предметов при расследовании уголовных дел ситуация аналогичная.

Одной из обязанностей полиции в соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О полиции»¹¹ (далее – Закон о полиции) является устранение угрозы безопасности гражданам и обществу в целом, поэтому она должна выполнять свои обязанности в полном объеме. Еще в 1909 году отечественный ученый-криминалист В.И. Лебедев отмечал, что «...успешную борьбу с современными преступниками может вести только та полиция, которая вооружена, по крайней мере, равным или лучшим оружием новейшей техники и прикладных знаний и искусно ими владеет» [7].

Для оптимизации деятельности системы МВД России в данном направлении автором предлагается следующий алгоритм. Первым шагом в его реализации будет являться совершенствование существующей нормативно-правовой базы для наделения соответствующими полномочиями подразделения полиции.

К имеющемуся перечню обязанностей в Закон о полиции, считаем, необходимо включить пункт «Проведение работ по поиску, обезвреживанию и (или) уничтожению взрывоопасных предметов», а п. 6 совместного межведомственного Приказа по обезвреживанию взрывоопасных предметов от 2019 г. необходимо дополнить подп. «б» следующего содержания: «...осуществляет:

- выезд на места происшествий специалистов-взрывотехников с передвижной криминалистической взрывотехнической лабораторией в составе следственной-оперативно группы (в случае необходимости с привлечением специалистов других ведомств) при поступлении сообщений об угрозе взрыва, обнаружении подозрительных в отношении взрывоопасности предметов, взрывчатых веществ, различных взрывоопасных предметов, включая боеприпасы, изделия промышленного и самодельного изготовления, содержащие взрывчатые вещества, а также их остатки после взрыва;

- мероприятия по поиску, обнаружению и обезвреживанию (уничтожению) взрывоопасных предметов на местах происшествий, связанных с их непосредственным обнаружением, а также на местах взрывов;

- уничтожение в установленном порядке взрывоопасных предметов по уголовным делам».

¹¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2024).

Наделение полиции данными полномочиями и определение соответствующей номенклатуры обезвреживаемых взрывоопасных предметов позволит перейти к следующему шагу. Он заключается в непосредственном создании взрывотехнических подразделений в системе МВД России. В первую очередь их необходимо создавать в регионах со сложной оперативной обстановкой. К ним относятся территории Донецкой и Луганской Народных Республик, Республики Крым, Белгородской, Брянской, Курской, Запорожской, Ростовской, Херсонской областей, а также Краснодарского края.

Задачами взрывотехнических подразделений, по нашему мнению, будут являться:

- обследование участков местности, зданий, сооружений и транспортных средств на предмет возможного наличия взрывоопасных предметов;
- диагностика взрывоопасных предметов, определение степени их опасности и возможности безопасной транспортировки;
- расснаряжение и обезвреживание взрывоопасных предметов;
- эвакуация с места происшествия взрывоопасных предметов и их уничтожение в случаях, когда их безопасная транспортировка затруднена или невозможна;
- обследование места взрыва и прилегающей к нему территории на наличие взрывоопасных предметов;
- техническое сопровождение проведения экспериментальных взрывных работ при производстве экспертных исследований экспертно-криминалистическими подразделениями в случаях отсутствия квалификации их сотрудников и технической возможности;
- уничтожение взрывоопасных предметов по уголовным делам и материалам процессуальной проверки на основании соответствующего решения суда;
- участие в разработке и реализации мер по противодействию преступлениям, связанным с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Создание взрывотехнических подразделений возможно осуществить за счет расширения орга-

низационно-штатной структуры существующих подразделений и служб системы МВД России по различным сценариям. В первом случае их можно создать на базе специальных полков полиции по аналогии с рядом регионов страны, во втором – используя опыт Донецкой и Луганской Народных Республик, где данные подразделения до их вхождения в состав России существовали на базе экспертно-криминалистических центров.

Задачи по подготовке и повышению квалификации личного состава взрывотехнических подразделений, полагаем, стоит возложить на Брянский филиал ВИПК МВД России и факультет профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Восточно-Сибирского института МВД России (г. Ангарск). В вопросах подготовки специалистов-взрывотехников стоит упомянуть публикации А.Ф. Боссомыкина [8], А.Н. Пупейко, А.В. Ишутина [9] и А.Л. Ипатова [10].

Рассматривая возможность взаимодействия взрывотехнических подразделений системы МВД России с аналогичными подразделениями других силовых ведомств, необходимо отметить, что их создание никоим образом не будет влиять на уменьшение количества и качества выполняемых задач, а, напротив, позволит эффективно распределить нагрузку между ними.

Подводя итог, отметим, что создание взрывотехнической службы в системе МВД России с учетом современных реалий является достаточно актуальным вопросом. Это обусловлено увеличением количества преступлений, совершаемых с использованием взрывных устройств, а также возможного их роста после завершения специальной военной операции. Создание взрывотехнической службы не только повысит эффективность противодействия современным угрозам в виде взрывных устройств, но и будет способствовать повышению профессионального уровня сотрудников системы МВД России в целом.

Литература

---

1. **Колотушкин С.М.** Взрывные устройства и следы их применения: учебно-практическое пособие / С.М. Колотушкин, В.А. Леденев, В.А. Расчетов, А.В. Федоренко. – Москва: КРЕДО, 2011. – 238 с.
2. **Иванов Э.А.** Тактические особенности обыска по делам о незаконном изготовлении самодельного взрывного устройства // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3 (35). – С. 70–73.
3. **Панасенко Н.А.** Взаимодействие следователей органов внутренних дел Российской Федерации со специалистами-саперами при осмотре места происшествия // Юридическая наука. – 2021. – № 4. – С. 139–143.
4. **Бекетов М.Ю.** Следователь органов внутренних дел и милиция: взаимодействие при расследовании преступлений. – Москва: НОРМА, 2004. – 96 с.

5. **Майлис Н.П.** Об особенностях взаимодействия специалиста и следователя в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. – 2020. – № 1 (61). – С. 13–17.
6. **Кузнецов А.В., Петров В.В., Пудовиков А.С.** Проблемные вопросы идентификации взрывчатого снаряжения боеприпасов при производстве взрывотехнической экспертизы после их уничтожения на месте обнаружения специалистами-взрывотехниками (саперами) // Вестник ДВЮИ МВД России. – 2018. – № 4 (45) – С. 114–119.
7. **Лебедев В.И.** Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия. – Санкт-Петербург, 1909 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/27211>
8. **Босомыкин А.Ф.** Специфика обучения специалистов-взрывотехников в образовательных организациях МВД России // Вестник КРУ МВД России. – 2020. – № 2 (48). – С. 116–120.
9. **Пупейко А.Н., Ишутин А.В.** О некоторых аспектах обучения специалистов-взрывотехников в системе МВД России // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2012. – № 4 (24). – С. 32–35.
10. **Ипатов А.Л.** Общие вопросы уничтожения взрывоопасных предметов в деятельности органов внутренних дел // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2019. – № 1–2 (127–128). – С. 85–92.

References

---

1. **Kolotushkin S.M.** Vzryvnye ustroystva i sledy ikh primeneniya: uchebno-prakticheskoe posobie / S.M. Kolotushkin, V.A. Ledenev, V.A. Raschetov, A.V. Fedorenko. – Moskva: KREDO, 2011. – 238 s.
2. **Ivanov E.A.** Takticheskie osobennosti obyska po delam o nezakonnem izgotovlenii samodel'nogo vzryvnogo ustroystva // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 3 (35). – С. 70–73.
3. **Panasenko N.A.** Vzaimodeistvie sledovatelei organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii so spetsialistami-saperami pri osmotre mesta proisshestiya // Yuridicheskaya nauka. – 2021. – № 4. – С. 139–143.
4. **Beketov M.Yu.** Sledovatel' organov vnutrennikh del i militsiya: vzaimodeistvie pri rassledovanii prestuplenii. – Moskva: NORMA, 2004. – 96 s.
5. **Mailis N.P.** Ob osobennostyakh vzaimodeistviya spetsialista i sledovatelya v ugolovnom sudoproizvodstve // Sudebnaya ekspertiza. – 2020. – № 1 (61). – С. 13–17.
6. **Kuznetsov A.V., Petrov V.V., Pudovikov A.S.** Problemye voprosy identifikatsii vzryvchatogo snaryazheniya boepripasov pri proizvodstve vzryvotekhnicheskoi ekspertizy posle ikh unichtozheniya na meste obnaruzheniya spetsialistami-vzryvotekhnikami (saperami) // Vestnik DVYul MVD Rossii. – 2018. – № 4 (45) – С. 114–119.
7. **Lebedev V.I.** Iskusstvo raskrytiya prestuplenii. Daktiloskopiya. – Sankt-Peterburg, 1909 [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/27211>
8. **Bosomykin A.F.** Spetsifika obucheniya spetsialistov-vzryvotekhnikov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Vestnik KRU MVD Rossii. – 2020. – № 2 (48). – С. 116–120.
9. **Pupeiko A.N., Ishutin A.V.** O nekotorykh aspektakh obucheniya spetsialistov-vzryvotekhnikov v sisteme MVD Rossii // Vestnik vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2012. – № 4 (24). – С. 32–35.
10. **Ipatov A.L.** Obshchie voprosy unichtozheniya vzryvoopasnykh predmetov v deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu. – 2019. – № 1–2 (127–128). – С. 85–92.

(статья сдана в редакцию 18.08.2024)

ОТДЕЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ-НАРКОПРЕСТУПНИЦЫ

SELECTED CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF FEMALE DRUG OFFENDERS

УДК 343.914

Д.В. МОРОЗОВ

(Управление МВД России по Липецкой области,
Россия, Липецк)
Dmorozov29121983@yandex.ru

DMITRIY V. MOROZOV

(Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia in Lipetsk Region,
Lipetsk, Russia)

Аннотация: в современном обществе женщины все активнее участвуют в незаконном обороте наркотиков, причем в наркопреступлениях они не только второстепенные участницы, но и нередко выступают на первых, ключевых ролях. Преступность среди лиц женского пола, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, получила широкую распространенность в большинстве регионов Российской Федерации, а ее предупреждение стало актуальной проблемой для науки и практики.

В незаконный оборот наркотиков вовлекается все большее количество женщин молодого и несовершеннолетнего возраста – студенток, учащихся колледжей, профессионально-технических училищ и даже школьниц. Однако эффективность работы по профилактике женской преступности в сфере незаконного оборота наркотиков оставляет желать лучшего. Доля женщин-преступниц в общем количестве правонарушителей с каждым годом растет. Исследования в области женской наркопреступности являются ценной информацией для специалистов, занимающихся профилактикой наркопреступлений и наркомании.

На основе анализа, проведенного автором исследования, определяется понятие личности женщины-наркопреступницы, выявляются основные социально-демографические характеристики личности женщин, совершивших наркопреступления (возраст на момент совершения преступления, источник дохода, семейное положение, наличие детей, образование), составляется среднестатистический портрет женщины-наркопреступницы.

Ключевые слова: личность женщины-наркопреступницы, социально-демографическая характеристика, портрет женщины-наркопреступницы, женская преступность, наркопреступления, исследования личности преступника, социально-демографические характеристики.

Для цитирования: Морозов Д.В. Отдельные криминологические характеристики личности женщины-наркопреступницы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 77–81.

Abstract: in modern society women are increasingly involved in drug trafficking, and in drug crimes they are not only secondary participants, but often act in the first, key roles. Female crime related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances has become widespread in most regions of the Russian Federation, and its prevention has become an urgent problem for science and practice.

An increasing number of young and underage women are involved in drug trafficking – students, college students, vocational schools and even schoolgirls. The effectiveness of work on the prevention of women's crime in the field of drug trafficking leaves much to be desired. The proportion of female criminals in the total number of criminals is growing every year. Research in the field of women's drug crime provides valuable information for specialists involved in the prevention of drug crimes and drug addiction.

Based on the analysis conducted by the author of the study, the concept of the personality of a drug-addicted woman is defined, the main socio-demographic characteristics of the personality of women who committed drug crimes are revealed (age at the time of the crime, source of income, marital status, children, education), an average portrait of a drug-addicted woman is compiled.

Keywords: the personality of a drug-addicted woman, socio-demographic characteristics, portrait of a drug-addicted woman, female crime, drug crimes, studies of the criminal's personality, socio-demographic characteristics.

For citation: Morozov D.V. Selected criminological characteristics of the personality of female drug offenders // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 77–81.

Информационно-телекоммуникационная сеть Криминологическое исследование личности преступника складывается на основе получения данных по трем составляющим: социальной, психической и биологической [1, с. 6–7]. С социальной стороны изучению подлежат общегражданские характеристики (образование, источник дохода, гражданство и т.д.), семейно-бытовые (семейное положение, количество браков, наличие детей, условия проживания и др.), профессиональные (вид и характер трудовой деятельности, занимаемая должность, квалификация и т.п.) и антиобщественные – «действия, выходящие за рамки общепринятых норм поведения и морали, вызывающие осуждение в обществе» [2, с. 104] (бродяжничество, попрошайничество, проституция, алкоголизм и т.д.).

В характеристике психической сущности человека акцент делается на психологические свойства: характер, темперамент, таланты, задатки [3, с. 16] и возможную психопатию – «болезненное уродство характера» [4, с. 12]. В необходимости изучения двух рассмотренных сущностей личности преступника проблем не возникает, так как практически во всех ее дефинициях указывается на совокупность социально-психологических свойств.

Что же касается биологической сущности, мы, в отличие от Ч. Ломброзо с его теорией о наличии у преступников врожденных физических и психических дефектов, акцентируем внимание на том, что биологическая особенность человека рассматривается лишь как «условие для совершения преступления» [5, с. 51]. Исследователями из Шанхайского университета спорта доказано, что процессы, происходящие в организме женщины в период менструального цикла, напрямую влияют на ее психологическое и мотивационное поведение¹. Интересны выводы ученых из Калифорнийского университета, которые в ходе своих исследований установили, что нарастание нейронной активности мозга у психопатов приводит к убийству². Немаловажным фактором в анализе совершения преступлений является состав крови исследуемых преступни-

ков. Так, под руководством профессора кафедры клинической нейробиологии в Институте Каролинска (Швеция) Йари Тиихонен в Финляндии у 794 преступников были взяты образцы крови. Результаты исследований показали наличие во всех образцах гена CDH13 (MAOA³), что объяснило преимущественное наличие мужчин среди маньяков-убийц⁴. Российские деятели науки установили прямую зависимость агрессии и враждебности от активности гена MAOA [6, с. 121]: нейробиологи и генетики из Новосибирска выяснили, что имеющаяся хорошо сформированная «холодная» спланированная агрессивность близко связана с некоторыми малоактивными формами рецептора дофамина DRD4⁵.

Целесообразно всесторонне рассмотреть сведения, касающиеся антропологии: человека как биологического вида с изменениями, вызванными временем и пространством [7, с. 7]; анатомию, начиная от внешнего вида, заканчивая строением ДНК; биохимию – состав и свойства веществ, составляющих человеческий организм, их трансформацию в процессе обмена веществ с влиянием на функционирование частей тела и тканей в норме и при отклонении [8, с. 6]; функциональные сведения – позу, движения при ходьбе, жестикуляцию, особенности поведения, артикуляцию [9, с. 23].

Таким образом, под личностью преступника предлагаем понимать междисциплинарную категорию, отражающую весь спектр особенностей преступника. Говоря о женской наркопреступности, под личностью женщины, совершившей преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, необходимо понимать комплекс биологических, психических и социальных характеристик, которые во взаимодействии с обществом обусловили совершение ею преступлений указанной категории. Однако акцентируем внимание на том, что отдельно взятая характеристика личности женщины, совершившей наркопреступление, ни в коем случае не должна восприниматься как криминогенно гарантированная, а только как обусловленная совокупностью всех

³ MAOA – моноаминоксидаза.

⁴ Исследование сибирских ученых включили в США в учебник по криминологии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20190703/1556147983.html>

⁵ Ген серийного убийцы PSYCHOLOGIES [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.psychologies.ru/articles/gen-seriyogo-ubiytsyi/>

¹ Влияние фаз менструального цикла на поведение избегания подхода у женщин: данные сознательных и бессознательных процессов [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.3390/brainsci12101417>

² Ученые выяснили, как появляются самые опасные люди на планете [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20190919/1558820968.html>

таких черт. Но и наличие всех характеристик личности, присущих женщине-наркопреступнице, не означает, что они заранее и с неизбежностью приведут ее к преступлению. Хотя риск возникновения у нее умысла на совершение преступления будет велик.

Далее обратим внимание на те характерные черты женщин, совершающих наркопреступления, которые относятся к социально-демографическим. В контексте данных признаков наркопреступниц подлежат рассмотрению возраст женщин на момент совершения преступлений, источник дохода, семейное положение, наличие детей, образование.

На втором месте по значимости в характеристике личности после пола находится возраст. Л.М. Щербакова это связывает с тем, что определенному возрасту характерны свои особенности мировосприятия [10, с. 203]. Х.Г. Джалолов значимость данного признака объясняет физическим состоянием человека в том или ином возрасте [11, с. 76]. Т.А. Смолина в своем диссертационном исследовании указывает на различные социальные роли женщины в разные возрастные периоды ее жизни [12, с. 52]. Все указанные авторы правы и дополняют друг друга – мы лишь отметим, что от возраста напрямую зависит привлечение к уголовной ответственности и специфика воспитательных мер в отношении преступниц. В ходе проведенного нами исследования было установлено, что в сфере незаконного оборота наркотиков наиболее криминально активны женщины в возрасте от 25 до 35 лет, что составляет 53%, от 35 до 55 лет – 33%, 11% составляют девушки от 18 до 25 лет и 3% – женщины возрастом старше 55 лет⁶. Доля женщин, входящих в группу старше 55 лет (3%), подтверждается и данными Судебного департамента при Верховном Суде России, отраженными в отчете о составе осужденных, месте совершения преступлений формы № 11⁷ (2,8%). Такое распределение по возрастным группам Л.М. Щербакова объясняет тем, что женщины в возрасте 25–49 лет имеют самый большой уровень накопленных переживаний: в этот жизненный период происходит основная масса семейных конфликтов и неурядиц [10, с. 205], что в дальнейшем может привести к разводу. Данный

⁶ Социально-демографические характеристики наркопреступниц: основаны на изучении материалов 300 уголовных дел, анкетировании 330 женщин, отбывавших наказание в Федеральном казенном учреждении «Исправительная колония № 7» УФСИН России по Липецкой области.

⁷ Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в ред. приказа от 08.05.2018 № 75) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

факт подтверждается официальной статистикой, согласно которой россияне в возрасте от 30 до 34 лет чаще всего расторгают брак⁸. С другой стороны, возраст с 25 до 45 лет – это период активной трудовой деятельности. Основная масса наркопреступниц, соответствующая данной возрастной категории, по свидетельству Т.М. Явчуновской и И.Б. Степановой, является признаком распространения деструктивной формы социальной адаптации, проявившейся в виде участия все новых лиц в незаконном обороте наркотиков с целью обогащения, приобретения материальных благ за счет несчастья других [13, с. 102].

У лиц женского пола криминогенные качества выражены острее, чем у рецидивистов-мужчин: алкоголизация, многократность судимостей, утрата социально полезных связей, бездомность, нравственная деградация [14, с. 73]. Л.М. Щербакова в ходе изучения женской насильственной преступности в России пришла к выводу, что 25% женщин-рецидивисток совершали наркопреступления и 20% таковых являлись наркоманками [10, с. 225]. Проведенное нами анкетирование показало, что 149 женщин (45%) из всего числа опрошенных признались в немедицинском употреблении наркотиков. Из них 29% первый раз попробовали наркотики в возрасте с 12 до 18 лет, 45% – в 18–25 лет, 20% – уже в возрасте 25–35 лет, оставшиеся 6% сделали это в возрасте старше 35 лет. Таким образом, в возрасте до 25 лет 74% исследуемых женщин хоть раз пробовали наркотики.

По официальной статистике, в среднем за период 2019–2023 г. доля женщин, совершивших наркопреступления и лично употребляющих наркотики и психотропные вещества, составляет 93%. Доля наркопреступниц, находящихся на учете в наркологических диспансерах в связи с наркоманией или потреблением наркотических средств и психотропных веществ с вредными последствиями, возросла на 42,4% в 2019 году и составила 2 738 чел., в 2023 году – уже 3 898. Как указывает Н.В. Киркина, практически 80% осужденных женщин наркоманок как минимум два раза лечились от наркомании, но безрезультатно [15, с. 157].

Одним из основных условий, влияющих на формирование личности, является наличие образования. Его уровень служит фактором, сдерживающим либо усиливающим стремление к воплощению преступного умысла. По отношению к наркопреступницам установлено, что на момент проведения исследования основная масса имела полное среднее образование – 46%, группа с не-

⁸ Назван возраст россиян, на который приходится больше всего разводов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ridus.ru/nazvan-vozrast-rossiyan-na-kotoryj-prihoditsya-bolshevsogo-razvodov-309325.html>

полным средним (начальным основным) образованием составила 26%, у 25% было среднее профессиональное образование и у 3% – высшее.

Установление вида трудовой деятельности, которой занималась женщина до совершения наркопреступления, является существенным моментом в предупреждении рассматриваемого вида преступности. С учетом полученных результатов в ходе анкетирования наркопреступниц и изучения материалов уголовных дел было установлено, что 78% женщин имели официальный источник дохода, 1% являлись самозанятыми и 21% не работали. При этом все 100% опрошенных указали, что имели уровень материальных доходов ниже среднего. Практически у всех наркопреступниц не было достойного уровня доходов, несмотря на то что 80% женщин были трудоустроены, таким образом, они уже изначально были предрасположены к совершению наркопреступлений с целью улучшения своего материального положения.

Общеизвестно, что семья является наивысшей ценностью человечества. Семейные ценности – супруг, дети, домашний уют очень важны. Поэтому семейный статус имеет значение для характеристики личности женщины-преступницы. В результате проведенного нами исследования установлено, что 36% женщин на момент совершения преступления находились в официальных брачных отношениях, при этом для 76% это был уже не первый брак, 32% не состояли в браке на момент совершения преступления, 11% были в разводе, 6% являлись вдовами и 15% не состояли в официальном браке, однако сожительствовали с мужчинами, находясь в так называемом гражданском браке, для 48% из них опыт гражданского брака был не первым. У 39% опрошенных женщин факт совершенного противоправного деяния пагубно повлиял на семейные отношения: так, у 75% брак сразу распался на стадии привлечения к уголовной ответственности, у 25% – после вынесения судом приговора. При этом Л.М. Щербакова отмечает, что у женщин, приговоренных к фактическому лишению свободы, в сравнении с такой же категорией мужчин, брак распадается в два раза чаще, а у женщин, не оформивших с мужчинами свой брак официально, это происходит значительно быстрее, нежели у тех, у кого брак был зарегистрирован. [10, с. 215].

Независимо от семейного положения, 66% осужденных имели ребенка, а 31% – двоих детей и более. Практически каждая четвертая (24%) из числа матерей была лишена своих прав. В дополнение к этому, согласно официальным статистическим данным, 1,6% наркопреступниц на момент осуждения были беременны, что является третьим местом (9%) по concentra-

ции среди осужденных женщин данной категории, где большинство составляют осужденные за преступления против собственности (53%), на втором месте (10%) женщины, осужденные за совершение преступлений против жизни и здоровья. Кроме того, 4,9% женщин имели ребенка в возрасте до 3 лет, данная категория по массовости является третьей (9%) после женщин, осужденных за преступления против собственности (52%), и женщин, осужденных за преступления против жизни и здоровья (13%).

В 91,1% случаев наркопреступницы совершили деяния, предусмотренные ст. 228–228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, практически всегда выражавшиеся в формах приобретения, хранения или сбыта. В ходе своей преступной деятельности 37,4% наркопреступниц совершили противоправные деяния с наркотиками в крупном размере, 43,8% – в особо крупном размере. Практически каждая пятая (23,4%) совершила преступление в составе группы и 74% – в составе группы лиц по предварительному сговору⁹.

Таким образом, среднестатистическая женщина, совершающая преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, имеет возраст 25–35 лет, является наркоманкой, первый раз употребившей наркотики в несовершеннолетнем возрасте в кругу своих друзей, со средним полным образованием, официально трудоустроена, однако не имеющая достаточных материальных средств для достойного проживания, не первый раз состоящая в отношениях с мужчиной (официально либо сожительствует), имеющая детей, воспитывавшаяся в полной семье с родным братом и (или) сестрой, совершает преступления, предусмотренные ст. 228–228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в форме сбыта, приобретения либо хранения наркотиков в крупном или особо крупном размере. Каждая пятая совершает преступление в составе группы и, как правило, по предварительному сговору.

Особенности личности наркопреступницы проявляются в результате условий ее жизни, воспитания и т.п., а под воздействием внешних условий и сложившихся обстоятельств, возникшей конкретной жизненной ситуации приводят к совершению преступления. В женщине, совершающей наркопреступления, неприемлемо усматривать лишь причину общественного зла, но всякий раз следует обращать внимание на личность с ее индивидуальностью, стремлениями и слабостями, с ее жизненным опытом, каким бы предосудительным он не казался.

⁹ Данные ГИАЦ МВД России о лицах, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (Ф.171 КН.4) за 2019–2023 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

Литература

1. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. – Москва: Проспект, 2016. – 224 с.
2. **Лунин Д.Н.** Понятие и виды антиобщественного поведения // Виктимология. – 2022. – № 1. – С. 99–107.
3. **Шаханян В.А.** Психические свойства личности: учебное пособие. – Казань: Бук, 2021. – 88 с.
4. **Яснникова Е.Е., Собенников В.С.** Характер. Акцентуации характера. – Иркутск: ИГМУ, 2013. – 28 с.
5. **Думан Е.Д.** Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 48–55.
6. **Крючкова А.С., Ермаков П.Н., Абакумова И.В.** Анализ ассоциаций полиморфизма гена MAOA с агрессивными и враждебными стратегиями в поведении у подростков и молодых людей // Российский психологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 115–124.
7. **Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.** Антропология: учебник. – 4-е изд. – Москва: изд-во Московского университета: Наука, 2005. – 400 с.
8. **Емельянов В.В., Максимова Н.Е., Мочульская Н.Н.** Биохимия: учебное пособие. – Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2016. – 132 с.
9. **Берова Д.М., Гаужаева В.А.** Функциональные признаки внешности: Проблемы установления и описания // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 22–23.
10. **Щербакова Л.М.** Женская насильственная преступность в современной России: динамика, детерминанты и проблемы предупреждения. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2007. – 419 с.
11. **Джалолов Х.Г.** Криминологическая характеристика женской преступности в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2020. – 179 с.
12. **Смолина Т.А.** Женская преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам Тюменской области): дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2005. – 257 с.
13. **Явчуновская Т.М., Степанова И.Б.** Социальная характеристика женской наркопреступности // Социологические исследования. – 2008. – № 2 (286). – С. 102–106.
14. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова [и др.]. – Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
15. **Киркина Н.В.** Женщина наркоманка и наркопреступница // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 157–158.

References

1. Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti: nauchno-prakticheskoe posobie dlya magistrov / отв. red. Ya.V. Komissarova. – Moskva: Prospekt, 2016. – 224 s.
2. **Lunin D.N.** Ponyatie i vidy antiobshchestvennogo povedeniya // Viktimologiya. – 2022. – № 1. – S. 99–107.
3. **Shakhanin V.A.** Psikhicheskie svoystva lichnosti: uchebnoe posobie. – Kazan': Buk, 2021. – 88 s.
4. **Yasnnikova E.E., Sobennikov V.S.** Kharakter. Aktsentuatsii kharaktera. – Irkutsk: IGMU, 2013. – 28 s.
5. **Duman E.D.** Osobennosti lichnosti narkoprestupnika, bol'nogo narkomaniei // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2013. – № 2 (78). – S. 48–55.
6. **Kryuchkova A.S., Ermakov P.N., Abakumova I.V.** Analiz assotsiatsii polimorfizma gena MAOA s agresivnymi i vrazhdebnyimi strategiyami v povedenii u podrostkov i molodykh lyudei // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. – 2016. – № 1. – S. 115–124.
7. **Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V.** Antropologiya: uchebnik. – 4-e izd. – Moskva: izd-vo Moskovskogo universiteta: Nauka, 2005. – 400 s.
8. **Emel'yanov V.V., Maksimova N.E., Mochul'skaya N.N.** Biokhimiya: uchebnoe posobie. – Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo universiteta, 2016. – 132 s.
9. **Berova D.M., Gauzhaeva V.A.** Funktsional'nye priznaki vneshnosti: Problemy ustanovleniya i opisaniya // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 3. – S. 22–23.
10. **Shcherbakova L.M.** Zhenskaya nasil'stvennaya prestupnost' v sovremennoi Rossii: dinamika, determinanty i problemy preduprezhdeniya. – Stavropol': izd-vo SGU, 2007. – 419 s.
11. **Dzhalolov Kh.G.** Kriminologicheskaya kharakteristika zhenskoi prestupnosti v Respublike Tadjikistan: dis. ... kand. yurid. nauk. – Dushanbe, 2020. – 179 s.
12. **Smolina T.A.** Zhenskaya prestupnost', svyazannaya s nezakonnyim oborotom narkoticheskikh sredstv (po materialam Tyumenskoii oblasti): dis. ... kand. yurid. nauk. – Tyumen', 2005. – 257 s.
13. **Yavchunovskaya T.M., Stepanova I.B.** Sotsial'naya kharakteristika zhenskoi narkoprestupnosti // Sotsiologicheskii issledovaniya. – 2008. – № 2 (286). – S. 102–106.
14. Kompleksnyi analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskii obzor / Yu.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova [i dr.]. – Moskva: FGKU «VNIИ MVD Rossii», 2018. – 86 s.
15. **Kirkina N.V.** Zhenshchina narkomanka i narkoprestupnitsa // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2014. – № 4. – S. 157–158.

(статья сдана в редакцию 27.06.2024)

**ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ
СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 6.1.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ****FEATURES OF QUALIFICATION OF OBJECTIVE SIGNS
OF ADMINISTRATIVE OFFENSE PROVIDED FOR IN ART. 6.1.1 CODE
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 342.951:351.82

Е.В. ДОЛЖНИКОВА,

адъюнкт

(Краснодарский университет МВД России,
Россия, Москва)
katyadoll1994@mail.ru**EKATERINA V. DOLZHNIKOVA,**

Postgraduate

(Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia,
Krasnodar, Russia)

Аннотация: в статье проанализированы признаки объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Выделяется основной непосредственный объект состава административного правонарушения, предусмотренного данной статьей, которым выступают общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности здоровья человека. Наряду с основным предлагается признать наличие дополнительного объекта, выраженного в общественных отношениях, складывающихся по поводу обеспечения личного достоинства человека. В результате исследования объективной стороны изучаемого состава административного правонарушения автор приходит к выводу, что вне зависимости от вида насильственного действия, количества и характера ударов для оконченого административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, характерно наличие последствия в виде физической боли. Следовательно, побои представляют собой физическое насилие, влекущее за собой только боль. Исходя из этого, по характеру и степени общественной опасности причинение побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, можно считать насилием, не опасным для здоровья человека. В случае, когда причинение побоев и иных насильственных действий не оставляют объективно диагностируемых телесных повреждений, последствия выражаются только в виде физической боли у потерпевшего лица.

Проанализировано понятие «иные насильственные действия», которое истолковывается довольно широко – автором предлагается акцентировать внимание не на перечислении конкретных действий, относящихся к «иным насильственным», а отличать их по указанным в статье критериям. Анализ значительного количества определений боли приводит к выводу, что в процессе квалификации административных побоев субъекту правоприменения необходимо понимать, что физическая боль предполагает четыре фазы, указанные в выводе.

Ключевые слова: состав административного правонарушения, объект административного правонарушения, объективная сторона, побои, здоровье, личное достоинство, иные насильственные действия, физическая боль.

Для цитирования: Должникова Е.В. Особенности квалификации объективных признаков состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 82–89.

Abstract: the article analyzes the signs of the objective side of the composition of an administrative offense provided for in Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The main direct object of the composition of the administrative offense provided for in this article is highlighted, which is public relations related to ensuring the safety of human health. Along with the main one, it is proposed to recognize the existence of an additional object, expressed in public relations, developing in relation to ensuring the personal dignity of a person. As a result of the study of the objective side of the studied composition of an administrative offense, the author comes to the conclusion that, regardless of the type of violent act, the number and nature of blows, a completed administrative offense provided for in Art. 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is characterized by the presence of consequences in the form of physical pain. Therefore, beatings are physical violence that entails only pain. Based on this, by the nature and degree of public danger, the infliction of beatings provided for in art. 1.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation can be considered violence that is not dangerous to human health. In the case when beatings and other violent acts do not leave objectively diagnosed bodily injuries, the consequences are expressed only in the form of physical pain in the victim.

The concept of «other violent acts» is analyzed, which is interpreted quite broadly – the author suggests focusing not on listing specific actions related to «other violent», but distinguishing them according to the criteria specified in the article. An analysis of a significant number of definitions of pain leads to the conclusion that in the process of qualifying administrative beatings, a law enforcement agent needs to understand that physical pain involves the four phases indicated in the conclusion.

Keywords: elements of an administrative offense, object of an administrative offense, objective side, beatings, health, personal dignity, other violent actions, physical pain.

For citation: Dolzhnikova E.V. Features of qualification of objective signs of administrative offense provided for in Art. 6.1.1 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 82–89.

В современном обществе административные правонарушения носят массовый характер и образуют значительную по количеству совокупность конфликтных отношений. Согласно статистическим данным, в 2022 году судами общей юрисдикции и мировыми судьями было рассмотрено 170 608 административных дел по административному правонарушению, предусмотренному ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), из них административному наказанию было подвергнуто 108 420 правонарушителей, а оправдано 15 379, в 2023 году было рассмотрено 146 837 дел, по которым 91 964 правонарушителя подвергнуто административному наказанию, оправдано 13 065¹. Доля оправданных, согласно статистическим данным, как в 2022 году, так и в 2023 году составляет 9%, что указывает на наличие определенных обстоятельств, осложняющих первичную квалификацию административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникаю-

щих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»², установлено, что КоАП РФ определяет условие привлечения к административной ответственности только за оконченное правонарушение, которое признается таковым, если в результате действия (бездействия) правонарушителя имеются все признаки состава административного правонарушения. В науке административного права сложилось традиционное мнение, что состав административного правонарушения состоит из четырех элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Д.Н. Бахрах считал, что состав административного правонарушения образует система объективных и субъективных признаков, характеризующих объект и субъект проступка [1]. Результаты проведенного нами анкетирования среди сотрудников органов внутренних дел³ показали, что ква-

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 6.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645>

³ Анкета для диссертационного исследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSf-8B-mBT5HvbCC8clchvu8o4FR3tzyMQ1RJL7scdErxXDFQ/viewform>

лификация административных правонарушений осуществляется последовательно с учетом всех элементов состава, но чаще всего приоритет остается за оценкой объективных признаков. Типичной ситуацией для побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, является оценка того признака, в котором содержится указание на событие правонарушения, т.е. на внешние признаки, характеризующие нанесение побоев, или выполнение других насильственных действий, причинивших физическую боль, но не имеющих признаков преступления. По мнению большинства опрошенных сотрудников полиции, первичным следует считать оценку признаков объективной стороны. Такой подход к квалификации административных правонарушений имеет подтверждение в значительном количестве научных исследований и во многом связан с симультанным узнаванием субъектом правоприменения признаков известного ему состава по прошлому опыту. С другой стороны, даже не опираясь на классический подход в последовательности элементов состава, по нашему мнению, в связи с частичной декриминализацией побоев в составе правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, необходимо оценивать прежде всего объективные признаки.

С того момента, как законодательно КоАП РФ был дополнен ст. 6.1.1 «Побои», содержание ч. 1 ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) было текстуально перераспределено в указанную норму и, казалось бы, структура и содержание имплементированного состава уже не требует доказательства, однако при обращении к научным исследованиям состава побоев, проведенными ранее специалистами уголовного права, не все так очевидно [2; 3]. В современной доктрине и правоприменительной практике актуален вопрос о характере вреда, причиняемого побоями, предусмотренными ст. 6.1.1 КоАП РФ, который представлен двумя принципиальными позициями. Согласно первой побию вреда здоровью не причиняют и объектом данного состава административного правонарушения следует считать общественные отношения, характерные для обеспечения телесной неприкосновенности [4; 5; 6]. По нашему мнению, содержание телесной (личной) неприкосновенности непосредственно касается комплекса вопросов обеспечения личной безопасности и, следовательно, рассматривать ее как объект правовой защиты необходимо в пределах гл. 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». Сторонники второй позиции придерживаются собственного мнения о том, что объектом исследуемого вида административного правонарушения выступают общественные отношения, связанные с со-

хранением здоровья человека [7; 8; 9]. При этом М.Ю. Водяная и А.В. Ляшук считают, что объектом побоев выступает совокупность охраняемых законом прав граждан на психическую и физическую целостность личности [10]. Однако теоретическое словосочетание «целостность личности», по нашему мнению, не находит аргументов для квалифицированного истолкования.

Рассматривая данный вопрос с позиции медицины, считаем вторую точку зрения более обоснованной, а поскольку состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, помещен в гл. 6 КоАП РФ, охраняющую общественные отношения в сфере здоровья, санитарно-эпидемиологической безопасности населения и общественной нравственности, полагаем логичным обосновать приемлемое для данного исследования понятие здоровья человека. Многозначность этого термина возможно констатировать начиная с преамбулы Устава Всемирной организации здравоохранения, которым установлено, что «здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов»⁴. Согласно законодательно определенному, содержащемуся в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», понятие «здоровье» представлено как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»⁵. Исходя из текста данного закона, вред здоровью можно определить как нарушение и снижение состояния физического, психического и социального благополучия человека, в результате которого могут проявиться заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Однако не каждый человек изначально является здоровым, поэтому необходимо учитывать исходное состояние человека и вред здоровью рассматривать как снижение его уровня. Поскольку нанесением побоев человеку может быть причинен вред, независимо от его индивидуального уровня здоровья, последнее следует понимать как определенное физиологическое состояние человека, которое имело место до совершения в отношении него административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ. Следовательно, вред,

⁴ Устав Всемирной организации здравоохранения: Министерство здравоохранения [Электронный ресурс]. – URL: <https://apps.who.int/gb/bd/pdf/bd47/ru/constitution-ru.pdf>

⁵ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

причиненный здоровью, представляет собой снижение физиологического потенциала человека относительно того уровня, который имел место до противоправного воздействия.

В нормативных правовых источниках, регламентирующих судебно-медицинскую экспертную деятельность, вопрос о вреде здоровью выходит на новый уровень актуальности. Правилами определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека⁶, дано общее определение, согласно которому вред здоровью человека представляет собой «нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды». Кроме того, согласно Приложению к приказу Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» установлено, что «поверхностные повреждения, в том числе ссадины, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека»⁷. Перечисленные последствия могут и не наступить от причинения побоев, а наличие физической боли у потерпевшего является обязательным для квалификации. Следовательно, побои представляют собой физическое насилие, влекущее за собой только боль. Исходя из этого, по характеру и степени общественной опасности причинение побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, можно считать насилием, не опасным для здоровья человека. В том случае, когда причинение побоев и иных насильственных действий не оставляют объективно диагностируемых телесных повреждений, последствия выражаются только в виде физической боли у потерпевшего лица.

Таким образом, учитывая, что рецепция состава побоев была осуществлена в гл. 6 КоАП РФ, непосредственный объект данного

состава сохраняет в своем содержании совокупность общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности здоровья человека. Непосредственный объект исследуемого состава, прямо влияющий на правовую оценку деяния, по нашему мнению, является сложным. То есть наряду с основным следует признать наличие не менее содержательного дополнительного объекта, нашедшего выражение в общественных отношениях, складывающихся по поводу обеспечения личного достоинства человека [11].

Поскольку квалифицировать административные правонарушения по объекту крайне сложно в силу того, что в большинстве случаев в гипотезах и диспозициях правовых норм непосредственный объект не указывается, то в правоприменительной практике первичную квалификацию чаще всего начинают с разбора признаков объективной стороны состава административного правонарушения. В целях квалификации деяния лица, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, с точки зрения его объективной стороны обязательно исключение последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, в виде причинения легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, а также признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ. Деяние, выраженное в форме побоев, как компонент объективной стороны состава административного правонарушения является разновидностью насильственных действий, которыми причиняется физическая боль, но не причиняются потерпевшему последствия в виде легкого вреда здоровью. Если основываться на разъяснениях толкового словаря, «побои определяются как удары по телу, причиняющие боль» [12]. Нанесение ударов по телу человека зачастую осуществляется руками, ногами, головой, также могут быть использованы какие-либо предметы материального мира, которыми причиняется физическая боль потерпевшему. Следовательно, побои представляют собой разновидность насильственных действий, не опасных для здоровья человека, совершенных путем нанесения ударов по его телу. Исследование 1 030 постановлений судов общей юрисдикции по 32 субъектам Российской Федерации за период с 2019 по 2023 г. показывает, что очень часто под нанесением побоев предполагается многократное нанесение ударов, причинивших потерпевшему физическую боль, но не повлекших причинение вреда здоровью. Соответственно, всегда остается причина для вопросов: какое количество ударов позволяет

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 17.11.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.

⁷ Приказ Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – 2008. – № 188.

рассматривать их в качестве побоев и что следует считать болью при квалификации побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ?

В административно-правовых источниках отсутствует единое мнение относительно количества ударов или толчков, нанесение которых является достаточным для квалификации побоев как административного правонарушения. При составлении протокола об административном правонарушении по ст. 6.1.1. КоАП РФ от компетентного должностного лица (чаще всего таковым является участковый уполномоченный полиции) в соответствии с ч. 2 ст. 28.2. КоАП РФ требуется не просто фиксация события административного правонарушения, но и точное описание того, что именно было совершено, побои или иные насильственные действия. А.Н. Павлов отмечает, что если сотрудник полиции при составлении протокола неправильно, по мнению судьи, опишет один удар, то документ могут вернуть для устранения недостатков, даже несмотря на наличие в нем правильного описания события административного правонарушения и квалификации [13].

Многие исследователи проблем квалификации побоев придерживаются мнения о том, что слово «побои» в законе употребляется во множественном числе – соответственно, количество ударов должно быть не менее двух или трех. Большинство научных публикаций такого толка вошли в дискуссию по данному вопросу еще до частичной декриминализации побоев. Отсутствие законодательного определения понятия побоев с момента вступления в силу действующего Уголовного кодекса Российской Федерации вызывает расхождения в их трактовке как в судебной правоприменительной практике, так и в научных взглядах. Например, в Надзорном определении Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 85-Д08-17 на содержащиеся в жалобе осужденного доводы о том, что один удар не может расцениваться как побои, было указано, что ответственность для виновного наступает за совершение любого насильственного действия, даже в виде одного удара, если им была причинена физическая боль потерпевшему, без наступления последствий, закрепленных в ст. 115 УК РФ⁸. Не имеет юридической платформы обоснование многократности нанесения ударов множественным числом при использовании термина «побои» в названии ст. 6.1.1 КоАП РФ. В русском языке у слова «побои» нет формы единственного числа –

следовательно, количество ударов или иных насильственных действий не представляют никакого административно-правового значения, а исходя из этого, один удар тоже образует побои. Косвенным подтверждением этому служат результаты системного анализа признаков объективной стороны исследуемого административного правонарушения, из которого очевиден признак наличия физической боли, свойственной насильственным действиям независимо от их множественности. Отмечая совершенно разный характер действий при нанесении удара (ударов), следует признать, что ударное воздействие и иное насильственное действие существенно различаются. К примеру, один удар профессионального спортсмена может нанести более существенную физическую боль, чем множество ударов неподготовленного человека.

Подтвердить свою убежденность в том, что многократность нанесения ударов и иных насильственных действий не является существенным условием в объективной стороне побоев, постараемся посредством анализа содержания описательно-мотивировочной части постановлений судов общей юрисдикции по 78 субъектам Российской Федерации, вынесенных по ст. 6.1.1 КоАП РФ, где нанесение одного удара потерпевшему описывается по-разному:

- 37% решений называют один удар иным насильственным действием;
- 29% решений называют один удар побоями;
- 34% никак не описывают в описательно-мотивировочной части постановления факт совершения одного удара.

Довольно объемное исследование результатов судебной практики в различных регионах Российской Федерации позволяет констатировать наличие заметной разницы в решениях судей судов общей юрисдикции и мировых судей по данному вопросу. Считаем возможным, опираясь на полученные результаты, квалифицировать побои, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, как нанесение даже одного умышленного удара, если им причиняется физическая боль потерпевшему.

Не менее проблемным следует считать понятие «иные насильственные действия», которое истолковывается субъектами правоприменительной практики довольно широко, при этом динамика в их перечне очевидна. Например, по мнению О.В. Артюшиной, «к ним относятся любые иные юридические тождественных насильственные действия – щипание, царапание, прижигание кожи, сечение, нанесения поверхностных порезов, заламыва-

⁸ Надзорное определение суда СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 85-Д08-17 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

ние и выкручивание рук, защемление, выдиранье волос и т.п.» [14]. В то же время к такому, на первый взгляд, безграничному набору действий нормами права установлены их следующие критерии:

– не должны образовывать последствия, предусмотренные ст. 115 УК РФ, либо содержать признаки другого уголовно наказуемого деяния;

– сопровождаются только причинением физической боли;

– не образуют вреда здоровью человека, что устанавливается судебно-медицинским экспертом в ходе проведения судебно-медицинской экспертизы или индивидуальным предпринимателем, обладающим специальными знаниями и имеющим лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работу по судебно-медицинской экспертизе;

– отсутствие телесных повреждений у потерпевшего не свидетельствует об отсутствии состава административного правонарушения, поскольку для квалификации необходимы последствия только в виде физической боли.

Самая первая трудность для выработки исчерпывающего определения боли, по мнению И.В. Понкина и А.А. Понкиной, заключается в том, что «боль субъективна и с трудом поддается объективной оценке, ее восприятие зависит от личностных ценностно-культурных ориентаций, особенностей, проистекающих из пола и возраста человека, его психологического склада, соответственно, параметры такого восприятия и параметры основанного на нем оценивания болевых ощущений и переживаний могут варьироваться» [15]. В действительности наличие физической боли преимущественно обосновывается показаниями потерпевших, с учетом обстоятельств формирования признаков объективной стороны состава правонарушения, даже когда нанесение побоев не оставляет никакого очевидного повреждения. В то же время необходимо учитывать наличие судебных решений о прекращении производства по делу в соответствии со ст. 24.5 КоАП РФ в тех случаях, когда лицо, признанное потерпевшим, не апеллирует к претерпеванию физической боли.

Анализ значительного количества определений боли, приемлемых для использования в юриспруденции, позволяет отметить мнение В.Ф. Чижова, основная суть которого заключалась в том, что боль является первой реакцией на любое воздействие, раздражающее живую ткань, которую не всегда можно зафиксировать при помощи имеющихся методов исследования [16]. В условиях отсутствия юридически

закрепленного определения, даже основываясь на имеющихся в настоящий момент в научной литературе понятиях боли, очень сложно представить для целей правоприменения универсальный вариант ее содержания.

Исходя из этого, находим возможным посредством комплекса признаков исследуемого понятия согласиться с мнением В.А. Егунова и считать, что «...боль – сложное психоэмоциональное ощущение, возникающее в ответ на действующие ноцицептивных факторов, реализующееся системой болевой чувствительности, зависящее от индивидуальных, ситуационных и социальных факторов и имеющее преимущественно защитный характер» [17].

Принципиальным в процессе квалификации административных побоев считается понимание субъектом правоприменения того, что физическая боль предполагает четыре фазы:

1. Ноцицепция (этап, на котором начинает формироваться болевое ощущение, боль, возникающая при действии повреждающего фактора на периферические болевые рецепторы) [18].

2. Ощущение боли (т.е. ожидание и опасение усиления болевых ощущений, которые побуждают к прекращению контактов с повреждающими факторами) [19].

3. Переживание боли (спектр субъективного переживания боли включает проявления тревоги, депрессии, страха, отчаяния) [20].

4. Болевое поведение (внешняя реакция на боль).

Учитывая все вышесказанное, также приходим к выводу, что, во-первых, любое незначительное повреждение кожного покрова потерпевшего по медицинским критериям вызывает нарушение ряда биологических процессов, отражающих негативное функционирование некоторых органов и тканей, и ухудшает состояние потерпевшего, что в значительной мере может не сразу ощутить сам потерпевший; во-вторых, если при условии отсутствия физической боли у потерпевшего от нанесения ударов или иных насильственных действий нет достаточных признаков объективной стороны, необходимых для квалификации административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ, то, соответственно, нет состава административного правонарушения; в-третьих, состав правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, следует считать материальным, так как для его объективной стороны характерно наличие общественно опасного действия, ответствующих действию последствий и причинной связи между деянием и возникшими последствиями.

Литература

1. **Бахрах Д.Н.** Административное право / учебник для вузов. – Москва: БЕК, 2004. – 287 с.
2. **Кабанов П.Н.** Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 30 с.
3. **Вениаминов В.Г.** Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 30 с.
4. **Дрозд А.О., Равнюшкин А.В.** О нарушении логики правового механизма привлечения к ответственности за побои и дополнительных мерах их профилактики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 178–185.
5. **Артюшина О.В.** Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни или здоровья // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 141–152.
6. **Воропаев С.А., Косарев М.Н.** О некоторых проблемах применения норм об ответственности за побои // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 95–98.
7. **Клевакина А.Н.** Проблемы квалификации побоев с административной преюдицией / Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Вып. 2. – Ханты-Мансийск, 2019. С. 231–233.
8. **Филиппов, В.В., Новохатский Д.А.** Вопросы в квалификации побоев, сущность декриминализации побоев // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2022. – № 2 (59). – С. 82–85.
9. **Краснов К.А., Пономарев А.В.** Основания привлечения к административной ответственности по ст. 6.1.1 «Побои» // Российский государственный университет правосудия. – 2022. – № 6–3. – С. 163–165.
10. **Водяная М.Ю., Ляшук А.В.** Теоретическое осмысление и практическая реализация административной ответственности за побои // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 6. – С. 50–62.
11. **Должникова Е.В.** Исторические особенности формирования объекта состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 2 (60). – С. 93–97.
12. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи. – Москва: Олма-медиа-групп, 2009. – 573 с.
13. **Павлов А.Н.** Один удар – побои или иные насильственные действия? // Закон.ру. 5 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/10/05/odin_udar_poboi_ili_inye_nasilstvennyye_dejstviya_92160
14. **Артюшина О.В.** Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни и здоровья // Правоведение. – 2020. – № 4. – С. 141–152.
15. **Понкин И.В., Понкина А.А.** Юридическое определение понятия «боль» // Медицина. – 2016. – № 1. – С. 1–15.
16. **Чиж В.Ф.** Боль. Речь на актах Юрьевского университета 12 декабря 1899 г. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. – 1899. – № 2. – С. 1–23.
17. **Егунов В.А.** Проблемы административной и гражданско-правовой ответственности за побои под призмой психологии права в контексте теории боли при нанесении тату / Актуальные проблемы современной России: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.П. Вершинин, А.Л. Третьяков. – Москва, 2023. С. 794–800.
18. **Магжанов Р.В., Ибатуллин Р.А.** Болевые синдромы в неврологии: учебное пособие. – Уфа: ФГ БОУ ВО БГМУ Минздрава России, 2021. – 91 с.
19. **Карелов А.Е.** Боль как клинический феномен (методологический аспект) [Электронный ресурс]. – URL: www.akarelov.ru
20. **Швайко Е.Г.** Особенности субъективного переживания боли // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11. – № 2. – С. 141–147.

References

1. **Bahrah D.N.** Administrativnoe pravo / uchebnik dlya vuzov. – Moskva: BEK, 2004. – 287 s.
2. **Kabanov P.N.** Ugolovnaya otvetstvennost' za poboi i istyazanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2006. – 30 s.
3. **Veniaminov V.G.** Ugolovnaya otvetstvennost' za poboi i istyazanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2005. – 30 s.
4. **Drozd A.O., Ravnyushkin A.V.** O narushenii logiki pravovogo mekhanizma privlecheniya k otvetstvennosti za poboi i dopolnitel'nyh merah ih profilaktiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 3 (91). – S. 178–185.
5. **Artyushina O.V.** Kvalifikaciya poboev kak nasiliya, ne opasnogo dlya zhizni ili zdorov'ya // Pravoprimerenie. – 2020. – T. 4. – № 4. – S. 141–152.
6. **Voropaev S.A., Kosarev M.N.** O nekotoryh problemah primeneniya norm ob otvetstvennosti za poboi // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo institutu MVD Rossii. – 2018. – № 4. – S. 95–98.
7. **Klevakina A.N.** Problemy kvalifikacii poboev s administrativnoj preyudiciej / Strategicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti na nacional'nom i transnacional'nom urovnyah: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vyp. 2. – Hanty-Mansijsk, 2019. S. 231–233.
8. **Filippov, V.V., Novohatskij D.A.** Voprosy v kvalifikacii poboev, sushchnost' dekriminalizacii poboev // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk. – 2022. – № 2 (59). – S. 82–85.
9. **Krasnov K.A., Ponomarev A.V.** Osnovaniya privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti po st. 6.1.1 «Poboi» // Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya. – 2022. – № 6–3. – S. 163–165.
10. **Vodyanaya M.Yu., Lyashuk A.V.** Teoreticheskoe osmyslenie i prakticheskaya realizaciya administrativnoj otvetstvennosti za poboi // Administrativnoe i municipal'noje pravo. – 2023. – № 6. – S. 50–62.
11. **Dolzhenikova E.V.** Istoricheskie osobennosti formirovaniya ob'ekta sostava administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo st. 6.1.1 KoAP RF «Poboi» // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 2 (60). – S. 93–97.
12. **Dal' V.I.** Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: izbrannye stat'i. – Moskva: Olma-media-grupp, 2009. – 573 s.

13. **Pavlov A.N.** Odin udar – poboï ili inye nasil'stvennyye dejstviya? // Zakon.ru. 5 oktyabrya 2021 g. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/10/05/odin_udar__poboï_ili_inye_nasil'stvennyye_dejstviya_92160
14. **Artyushina O.V.** Kvalifikaciya poboev kak nasiliya, ne opasnogo dlya zhizni i zdorov'ya // Pravovedenie. – 2020. – № 4. – S. 141–152.
15. **Ponkin I.V., Ponkina A.A.** Yuridicheskoe opredelenie ponyatiya «bol'» // Medicina. – 2016. – № 1. – S. 1–15.
16. **Chizh V.F.** Bol'. Rech' na aktah Yur'evskogo universiteta 12 dekabrya 1899 g. // Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta. – 1899. – № 2. – S. 1–23.
17. **Egurov V.A.** Problemy administrativnoj i grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za poboï pod prizmoj psihologii prava v kontekste teorii boli pri nanesenii tatu / Aktual'nye problemy sovremennoj Rossii: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. V.P. Vershinin, A.L. Tret'yakov. – Moskva, 2023. S. 794–800.
18. **Magzhanov R.V., Ibatullin R.A.** Bolevye sindromy v nevrologii: uchebnoe posobie. – Ufa: FG BOU VO BGMU Minzdrava Rossii, 2021. – 91 s.
19. **Karelov A.E.** Bol' kak klinicheskij fenomen (metodologicheskij aspekt) [Elektronnyj resurs]. – URL: www.akarelov.ru
20. **Shvajko E.G.** Osobennosti sub»ektivnogo perezhivaniya boli // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. – 2022. – T. 11. – № 2. – S. 141–147.

(статья сдана в редакцию 07.11.2024)

**РЕЙТИНГИ ГУБЕРНАТОРОВ, ИЛИ ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****RATINGS OF GOVERNORS, OR THE LEGAL ASPECT OF EVALUATING
THE ACTIVITIES OF THE SUPREME EXECUTIVE AUTHORITIES
OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 34

М.А. КАПУСТИН(Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Москва)
s2003072@msal.edu.ru**MAXIM A. KAPUSTIN**(Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia)

Аннотация: настоящая статья является обзором существующего нормативного регулирования в сфере оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, а также их аппаратов. В работе рассматривается историческое формирование действующей плановой системы оценки, предпосылки и изменения, произошедшие в 2021 году в связи с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в новой редакции. В статье анализируются преимущества и недостатки настоящей плановой системы, целесообразность и наглядность учитываемых показателей, произошедшие за годы изменения перечней таких показателей, их влияние на принятие взвешенных управленческих решений, рассматриваются введение рейтинговой системы вместо плановой оценки деятельности высших должностных лиц в Российской Федерации, возможные показатели, предполагаемые проблемы, перспективы введения такой системы, а также получаемые преференции и способы стимулирования принятия благоприятных общественно полезных решений. Затрагивается вопрос о недостаточной осведомленности общественности о действующей системе оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, например о частных исследованиях известных рейтингов губернаторов.

Ключевые слова: оценка эффективности, рейтинг губернаторов, эффективность власти.

Для цитирования: Капустин М.А. Рейтинги губернаторов, или правовой аспект оценки деятельности высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 90–95.

Annotation: this article is an overview of the existing regulatory framework in the field of assessing the performance of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation and their apparatuses. The article discusses the historical formation of the current «planned» assessment system, as well as the prerequisites and changes that occurred in 2021 in connection with the adoption of the new Federal Law «On the general principles of organizing legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation». The advantages and disadvantages of the current planned system, the feasibility and visibility of the indicators taken into account, changes in the lists of such indicators that have occurred over the years, their impact on making informed management decisions. The article also discusses the introduction of a rating system for assessing the performance of senior officials in the Russian Federation to replace the planned one, possible indicators, anticipated problems, prospects for introducing such a system, as well as the preferences received and ways to stimulate the adoption of favorable socially useful decisions. In addition, the article also addresses the issue of insufficient public awareness regarding the current system for assessing the performance of senior officials in the constituent entities of the Russian Federation, in particular questions about private studies that make up the well-known “governor ratings”.

Keywords: efficiency assessment, rating of governors, effectiveness of government.

For citation: Kapustin M.A. Ratings of governors, or the legal aspect of evaluating the activities of the supreme executive authorities of the subjects of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 90–95.

Следует отметить, что официального общедоступного рейтинга губернаторов не существует. Все, что имеется под данным и подобными ему названиями, является исследованиями частных информационных и статистических агентств. Однако в современном мире нельзя обойтись без наличия какой-либо метрики, тем более в случае оценки государством уровня работы своих служащих. Именно поэтому с 2007 года в российском законодательстве существует правовое регулирование оценки эффективности органов исполнительной власти субъектов¹. С принятием нового федерального закона в 2021 году² данная норма перекочевала и в него, но не без изменений, о чем будет также указано ниже.

Вопрос о действенности текущих методов оценки эффективности высших должностных лиц субъектов нечасто рассматривается в научной литературе, особенно правовой, поскольку он стоит на стыке права и политологии. При том что правовым анализом, как правило, занимаются исследователи более консервативных взглядов, а политологическим – реформистских [1, с. 117], количество научных работ на стыке двух областей крайне немногочисленно.

Намного чаще исследователями в данной области затрагиваются экономические вопросы, например Г.Я. Беляковой и Т.Н. Воробьевой [2, с. 10], предлагающими применить принципы, используемые в частном предпринимательстве. Наша работа, несмотря на то что основывается больше на экономической стороне вопроса, затрагивает тему об оценке эффективности высших должностных лиц и с правовой точки зрения. Предлагаемые принципы можно учитывать в дальнейшем при формировании именно рейтинговой системы оценки губернаторов.

Политолого-правовой анализ действующей системы в 2014 году сделал А.Н. Мещеряков [3]. Его исследование имело крайне схожий с настоящим характер, однако с течением времени некоторые тезисы стали неактуальными в связи с принятием в 2021 году нового закона, регулирующего данную сферу. Тем не менее нельзя не согласиться с заключениями ученого о том, что действующая система является не

настолько эффективной, какой могла бы быть, поскольку в ней содержится некоторое количество показателей, которые не зависят от деятельности тех или иных органов власти, и в них отсутствует оценка некоторых показателей, а также методы их исчисления [3, с. 33–34].

Норма, о которой в дальнейшем будет идти речь, в обеих редакциях состоит из четырех частей. В первой части указывается, что перечень показателей, на основе которых производится оценка эффективности, устанавливается указом Президента Российской Федерации. Указанный ранее перечень был впервые установлен в 2007 году, спустя полгода после введения статьи в закон 1999 года, в связи с чем подготовка отчетности за 2006 год проходила в некоторой спешке. При этом перечень устанавливал 43 показателя оценки эффективности. Конечно, перечислять все указанные параметры не имеет смысла, но нельзя не отметить представляющие особый интерес (не указанные на текущий момент в качестве таковых).

Во-первых, это показатель отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников государственных и муниципальных учреждений к среднемесячной заработной плате работников, занятых в сфере экономики региона, который отражает как общее состояние рынка труда, так и степень привлекательности государственных учреждений с точки зрения работника, что, в свою очередь, косвенно демонстрирует качество персонала и оказываемых услуг. Во-вторых, это отношение средней цены одного квадратного метра общей площади на рынке жилья к среднедушевым доходам населения в субъекте Российской Федерации. Данный показатель в совокупности с общей площадью жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя субъекта, показывает состояние рынка жилья в регионе и косвенно соответствует уровню достатка. В-третьих, это данные по доле преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии в общем числе зарегистрированных преступлений, в совокупности с другими данными, например о качестве образования, которые позволяют предсказать перспективу развития региона в будущем (подобный параметр существует и сейчас, но в более общем варианте «условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности»).

Следует отметить, что в связи с тем что регулирование вынесено на подзаконный уровень, изменение показателей оценки эффективности осуществляется в упрощенном режиме, позволяющем быстрее адаптироваться к изменениям в обществе. При этом описанное выше сравне-

¹ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. № 165 от 21.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ние первоначального указа с текущим является не совсем верным, поскольку документов было несколько. Здесь оно показывается, скорее, в качестве сравнения детализированности изначального перечня и последующих, поскольку, например, в следующем полноценном указе³ список параметров был сокращен до двенадцати (с учетом последующих изменений) и в дальнейшем не сильно превышал данное количество (по сравнению с изначальным указом, в котором их насчитывалось 48 со всеми дополнениями). С.А. Лубенникова отмечает, что такое уменьшение количества показателей не всегда ведет к положительным результатам, с чем мы согласны [4, с. 71].

С этим также можно связать интереснейший момент, относящийся к юридической технике. Первые редакции данных перечней были в последующем дополнены (указы Президента 2007 и 2012 гг. дополнялись в 2008, 2012, 2015 гг. и т.д.), начиная с указа 2017 года⁴ перечень не дополняется последующими указами – взамен этого издается совершенно новый акт, в котором, как правило, не меняется суть основных параметров, но изменяется название. При этом не совсем ясно, с чем связано такое изменение с практической точки зрения. К тому же важно отметить постепенное изменение названия данного указа. Изначально устанавливался перечень для измерения эффективности органов исполнительной власти субъектов. В 2019 году вводится формулировка об оценке деятельности именно высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Однако на практике каждый последующий указ отменял предыдущий, тем самым создавая противоречия, ведь фактически они составляют единую цепь, в которой постепенно изменяется объект оценки.

При этом в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁵ (далее – закон 1999 года) указывается, что производится оцен-

ка деятельности именно органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, а не должностных лиц, как в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁶ (далее – закон 2021 года).

Изменения, связанные с необходимостью уменьшения количества и видов параметров, учитываемых при оценке эффективности органов исполнительной власти субъектов, также довольно непросто объяснить. В приказе 2007 г. они были излишне детализированы, в связи с чем ясность, прозрачность и доступность для населения результатов деятельности была выше, нежели после издания указа 2012 года, что, скорее всего, связано с политической обстановкой. В данном случае можно привести позицию А.С. Кислякова и Т.К. Чернышевой, указывающих на то, что критерии оценки должны «вращивать» критерии социальной оценки, а не государственной. То есть эффективность должно определять не звено, находящееся выше в иерархии, а граждане, чьи интересы защищаются государством, в связи с чем и необходима прозрачность таких критериев [5, с. 27].

Переходя к ч. 2 ст. 35 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», пришедшего на смену закону 1999 года, необходимо отметить тот факт, что обязанность предоставлять отчеты о результатах деятельности была переложена с высших должностных лиц субъектов Российской Федерации на Правительство Российской Федерации в целом и профильные министерства в частности.

Так, в сети Интернет можно найти информацию по форме доклада высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»⁷. В примечании к форме установлено, что

³ Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. № 165 от 21.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Информация по форме доклада высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт правительства Тамбовской области. – URL: https://www.tambov.gov.ru/assets/files/org/effect/info/forma_doklada_visshih_dolzhnostnih_lic.pdf (дата обращения: 02.06.2024).

указанные показатели рассчитываются органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации самостоятельно в соответствии с инструкцией, утверждаемой Минрегионом России. Из чего следует, что ранее управленческая структура отчетности состояла из трех звеньев, где региональные отделения федеральных органов исполнительной власти подавали отчетность высшему должностному лицу субъекта, а тот, в свою очередь, уже Президенту Российской Федерации.

В противовес этому, как было сказано ранее, с 2021 года действует иная система, когда подготовкой отчетности об эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации занимаются федеральные органы исполнительной власти. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 03.04.2021 № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации», а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июня 2019 г. № 915»⁸ подсчет восьми показателей осуществляется Федеральной службой государственной статистики, одиннадцати – министерствами Российской Федерации, методика расчета параметра «доверие к власти», что интересно, не установлена. При этом, как отмечают А.А. Зубарев и А.А. Зюбин в своей работе, существует дисбаланс в количестве показателей, захватывающих определенные сферы [6, с. 23].

Считаем необходимым описать действующую систему. Из приведенного ранее видно, что система оценки эффективности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации является плановой, а не рейтинговой. В подтверждение этому можно обратиться к чч. «а» и «б» ст. 5 актуального Указа Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти

субъектов Российской Федерации», в котором говорится, что сначала утверждаются планируемые показатели, а затем предоставляются доклады о достигнутых значениях⁹. В связи с чем можно утверждать, что официального рейтинга губернаторов Российской Федерации не существует потому, что методика оценки эффективности имеет иной тип. Однако данная особенность не мешает на базе уже имеющихся данных создать методику составления именно рейтинга высших должностных лиц субъектов, как того желают граждане, проводя собственные частные исследования, с чем также соглашается О.А. Денисова, рассматривая данную проблему [7, с. 91].

При этом хотелось бы отметить, что текущий перечень показателей не показывает действительной картины эффективности тех или иных должностных лиц. Субъекты, имеющие больший доход, как, например, Москва или Республика Татарстан, в силу своей обеспеченности показывают лучшие показатели, нежели субъекты с крайне ограниченным бюджетом, а оценка эффективности деятельности тех или иных должностных лиц заключается в том числе и в максимально продуктивном использовании имеющегося количества денежных средств. В связи с чем при создании рейтинговой методики необходимо обращаться к указу 2007 г., в котором параметры, связанные с расходованием бюджета, раскрыты более полно. Также можно воспользоваться опытом международной практики применения различных оценок эффективности государственного управления, о чем говорит И.Н. Барциц в своем исследовании [8, с. 66–67], или применять систему репутационного подхода, предложенного Н.Н. Розановой, однако, как видится, применение подобного подхода находится в области политологических наук, нежели юридических [9]. При составлении такого рейтинга, несомненно, встанет вопрос о его необходимости для самих губернаторов: как будут отмечены высшие должностные лица субъектов, находящиеся на верхних строчках, или какие будут применены санкции к тем, кто находится ближе к концу? Ч. 3 ст. 35 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Фе-

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2021 № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июня 2019 г. № 915» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дерации»¹⁰ устанавливает, что возможно выделение грантов тем субъектам, которые достигли планируемых показателей или их превысили, такая же возможность предоставлялась Президенту и Правительству Российской Федерации и по закону 1999 года.

Однако в таком случае образовывается некоторого рода лагуна. Гранты, как уже было сказано ранее, выделяются субъекту в целом, но при этом поощрение высших должностных лиц субъектов отсутствует, несмотря на то что производится оценка именно их эффективности. К тому же данный механизм поощрения создает так называемый порочный круг, когда у региона изначально очень небольшой бюджет, препятствующий достижению тех или иных плановых показателей, поэтому гранты Президента и (или) Правительства Российской Федерации ему не выделяются, а регион не может даже начать достигать планируемых показателей в связи с недостатком финансирования.

Таким образом, формируется вывод о том, что у высших должностных лиц субъектов отсутствует какая-либо мотивация эффективно управлять своим регионом, ведь единственной мерой ответственности может являться снятие их с должности и замена иным лицом, что зависит не только от эффективности самого лица, но и от внешних факторов.

В связи с чем при создании рейтинга высших должностных лиц субъектов Российской Федерации необходимо создавать и систему поощрений за добросовестное исполнение своих

должностных обязанностей. Предположительно, построить такую систему можно на основе различных экономических поощрений, таких, например, как надбавки к заработной плате в зависимости от положения в рейтинге, возможно, следует выдавать государственные награды тем лицам, которые находятся на верхних позициях рейтинга на протяжении нескольких лет, и лишать должности тех, кто продолжительное время находится на последних позициях. Также необходимо ведение отчетности для оценки деятельности лиц, занимающих должности в одном и том же субъекте Российской Федерации, поскольку может сложиться такая ситуация, при которой проблема отставания региона кроется не в конкретных должностных лицах, а в недостаточном финансировании, в связи с чем лица, занимающие должности в данном регионе, чаще других будут находиться на последних строках рейтинга. Подобную работу можно поручить «службе контроля качества услуг», предложенной О.В. Малаховой, в качестве признания зарубежного опыта [10, с. 83].

В заключение хотелось бы отметить, что введение рейтинговой системы с поощрением тех или иных должностных лиц позволит создать конкурентную среду управленцев в рамках системы государственного управления, что, в свою очередь, увеличит инвестиционную привлекательность отечественного рынка, а также позволит более эффективно использовать государственный бюджет. В таком случае главное, чтобы у лиц, замещающих должности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, появилась мотивация работать действительно эффективно и на благо подчиненного им субъекта.

¹⁰ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Ефремова В.Н.** Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов) // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 112–124.
2. **Белякова Г.Я., Воробьева Т.Н.** О принципах проведения оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области развития экономики // АНИ: экономика и управление. – 2016. – № 1 (14). – С. 7–12.
3. **Мещеряков А.Н.** Правовое регулирование и проблемы оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 3 (30). – С. 28–35.
4. **Лубенникова С.А.** Об оценке эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти Российской Федерации // Lex Russica. – 2020. – № 6 (163). – С. 68–76.
5. **Кисляков А.С., Чернышева Т.К.** К вопросу об эффективности и результативности деятельности федеральных органов исполнительной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 10. – С. 26–29.
6. **Зубарев А.А., Зюбин А.А.** Совершенствование оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 3. – С. 22–25.
7. **Денисова О.А.** Эффективность деятельности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: критерии оценки // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 2. – С. 90–97.
8. **Барциц И.Н.** Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 64–71.

9. **Розанова Н.Н.** Концептуальные основы репутационного подхода к оценке эффективности власти на уровне региона // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – № 3. – С. 334–350.

10. **Малахова О.В.** Модернизация Российской административной системы: возможности участия гражданского общества // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1. – С. 81–84.

References

---

1. **Efremova V.N.** Ekspertnye reitingi kak instrumenty otsenki deyatel'nosti glav regionov (na primere reitingov effektivnosti gubernatorov) // Politicheskaya nauka. – 2015. – № 3. – С. 112–124.

2. **Belyakova G.Ya., Vorob'eva T.N.** O printsipakh provedeniya otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii v oblasti razvitiya ekonomiki // ANI: ekonomika i upravlenie. – 2016. – № 1 (14). – С. 7–12.

3. **Meshcheryakov A.N.** Pravovoe regulirovanie i problemy otsenki effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits sub»ektov Rossijskoj Federatsii // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2014. – № 3 (30). – С. 28–35.

4. **Lubennikova S.A.** Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti Rossijskoj Federatsii // Lex Russica. – 2020. – № 6 (163). – С. 68–76.

5. **Kislyakov A.S., Chernysheva T.K.** K voprosu ob effektivnosti i rezul'tativnosti deyatel'nosti federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2019. – № 10. – С. 26–29.

6. **Zubarev A.A., Zyubin A.A.** Sovershenstvovanie otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii // Izvestiya vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. – 2012. – № 3. – С. 22–25.

7. **Denisova O.A.** Effektivnost' deyatel'nosti vysshego dolzhnostnogo litsa sub»ekta Rossijskoj Federatsii: kriterii otsenki // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2016. – № 2. – С. 90–97.

8. **Bartsits I.N.** Konstitutsionnoe pravo na khoroshee (effektivnoe) upravlenie: kriterii, pokazateli, otsenki // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013. – № 11. – С. 64–71.

9. **Rozanova N.N.** Kontseptual'nye osnovy reputatsionnogo podkhoda k otsenke effektivnosti vlasti na urovne regiona // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. – 2018. – № 3. – С. 334–350.

10. **Malakhova O.V.** Modernizatsiya Rossijskoj administrativnoi sistemy: vozmozhnosti uchastiya grazhdanskogo obshchestva // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. – 2010. – № 1. – С. 81–84.

(статья сдана в редакцию 31.07.2024)

**ОБМАН КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ
МОШЕННИЧЕСТВА****DECEPTION AS THE ONLY WAY TO COMMIT FRAUD**

УДК 343.2/.7

Е.А. СЛЮСАРЕВА,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
nprn@yandex.ru**EVGENIYA A. SLYUSAREVA,**

Postgraduate

(Saint Petersburg University of the Ministry of
the Interior of Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в теории уголовного права проблема отграничения обмана от злоупотребления доверием является дискуссионной, поскольку на протяжении более чем 100 лет юридическому сообществу не удалось прийти к единому мнению относительно разрешения данного вопроса. Тенденция в непонимании отличительных признаков рассматриваемых способов совершения мошенничества прослеживается и в постановлениях высшей судебной инстанции, что в совокупности приводит к допущению правоприменителями ошибок как при квалификации мошенничества, так и при вынесении итогового решения по делу. Для достижения цели и решения задач исследования применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение и описание. Помимо этого, использовались частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой и метод правовой статистики. В рамках настоящей статьи были проанализированы подходы к пониманию понятия, содержания и формы способов совершения мошенничества на разных исторических этапах развития уголовного законодательства Российской Федерации.

По итогам исследования сделан вывод о том, что только обман является способом совершения мошенничества, а злоупотребление доверием выступает в отдельных случаях лишь условием для совершения мошеннического обмана.

Ключевые слова: хищение, мошенничество, способ преступления, обман, злоупотребление доверием.

Для цитирования: Слюсарева Е.А. Обман как единственный способ совершения мошенничества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 96–102.

Annotation: in the theory of Criminal Law the problem of distinguishing deception from abuse of trust is debatable, since for more than 100 years the legal community has not been able to come to a consensus on how to resolve this issue. The tendency to misunderstand the distinguishing features of the methods of fraud under consideration can also be traced in the decisions of the highest court, which together leads to mistakes by law enforcement officers both in qualifying fraud and in making the final decision on the case. To achieve the goals and solve the research tasks, such general scientific methods as analysis, synthesis, induction, deduction, observation and description were used. In addition, private scientific methods were used: historical-legal, comparative-legal and the method of legal statistics. Within the framework of this article, approaches to understanding the concept, content and form of fraud methods at different historical stages of the development of the criminal legislation of the Russian Federation have been analyzed.

Based on the results of the study, it was concluded that only deception is a way to commit fraud, and abuse of trust is in some cases only a condition for committing fraudulent deception.

Keywords: embezzlement, fraud, method of crime, deception, abuse of trust.

For citation: Slyusareva E.A. Deception as the only way to commit fraud // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 96–102.

Введение. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ, кодекс) обман и злоупотребление доверием являются альтернативными способами совершения мошенни-

чества, о чем свидетельствует диспозиция ст. 159 УК РФ. Об обмане как о способе завладения чужим имуществом в контексте способа совершения рассматриваемого преступления впервые

упоминается в именном Указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях»¹. Злоупотребление доверием было впервые законодательно закреплено как самостоятельный способ совершения указанного преступления значительно позже, а именно: в ст. 187 гл. VI «Имущественные преступления» Уголовного кодекса РСФСР от 1922 года² и с последующим неоднократным изменением кодифицированного уголовного законодательства (в 1926, 1960, 1996 гг.) оно являлось и является, наряду с обманом, способом совершения мошенничества.

Стоит отметить, что в ст. 159 УК РФ, как в целом и в тексте кодекса, не содержится понятий, раскрывающих отличительные признаки обмана и злоупотребления доверием, которые позволили бы правоприменителю юридически обоснованно их отграничивать друг от друга при квалификации деяния и вынесении итогового решения по делу. В этой связи в целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона об ответственности за мошенничество данные понятия были закреплены постановлением высшей судебной инстанции, а именно пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ (далее – ППВС № 48). Однако в полном объеме достигнуть поставленной цели ППВС № 48 (как и предыдущему постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51, утратившему силу⁴) не удалось, о чем свидетельствует неоднозначная следственно-судебная практика по делам о мошенничестве. Так, например, отсутствие понимания практическими работниками отличительных признаков обмана и злоупотре-

бления доверием приводит к необоснованному одновременному вменению подсудимому двух способов совершения указанного преступления. Подтверждает обозначенную позицию текст приговора № 1[1]-251/2020 от 25 сентября 2020 года по делу № 1[1]-251/2020⁵. Обман и злоупотребление доверием вменяются в той части, где подсудимый заведомо не намеревался исполнять в полном объеме принятые на себя обязательства по выплате кредита. Однако такие действия являются разновидностью обмана в намерениях и к злоупотреблению доверием отношения не имеют.

Помимо этого, стоит отметить, что на протяжении более чем 100 лет в юридическом сообществе развиваются дискуссии не только относительно целесообразности введения злоупотребления доверием как альтернативного способа в состав рассматриваемого преступления, но и в целом поиска признаков, принципиально отграничивающих ныне существующие способы совершения мошенничества. Исследования мошенничества и способов его совершения наиболее глубоко представлены в работах И.И. Аносова, А.А. Бакрадзе, А.Г. Безверхова, Г.Н. Борзенкова, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, А.А. Жижиленко, Ю.И. Ляпунова, С.В. Познышева, А.И. Рарога, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, В.В. Хилюты, П.С. Яни и других ученых.

Вопросами отграничения обмана от злоупотребления доверием в составе мошенничества занимались такие юристы и правоведа, как Л.В. Иванова, А.Г. Кибальник, С.В. Корытько, Ю.Ю. Малышева, С.А. Пичугин, И.А. Тараканов, Р.Ю. Шергин, З.Л. Шагапсов и другие. Например, отдельные авторы считают, что злоупотребление доверием является разновидностью обмана. Этой точки зрения придерживаются Ю.Ю. Малышева [1, с. 10], А.Г. Кибальник [2, с. 62–63], З.Л. Шагапсов [3, с. 102] и другие. Некоторые высказываются о том, что злоупотребление доверием есть способ иного преступного посягательства, отличного от мошенничества. Среди них можно отметить Г.Н. Борзенкова [4, с. 7], А.Г. Безверхова [5, с. 276], В.В. Хилюту [6, с. 553–554]. Однако существует мнение, при котором юристы и правоведа соглашаются с решением законодателя относительно закрепления в диспозиции ст. 159 УК РФ двух альтернативных способов совершения мошенничества, поскольку данный шаг является исторически обусловленным и обоснованным. Сторон-

¹ Указ от 3 апреля 1781 года «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/37GV3E> (дата обращения: 10.07.2024).

² Приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. № 1551 «Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/37GtYw> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Приговор № 1[1]-251/2020 от 25 сентября 2020 года по делу № 1[1]-251/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/37yY75> (дата обращения: 10.07.2024).

ником такой позиции является, например, Е.В. Красноперов [7, с. 9].

Вышеперечисленное, во-первых, свидетельствует о том, что обозначенная проблема в теории уголовного права носит в достаточной степени дискуссионный, а потому актуальный характер, во-вторых, указывает на то, что до тех пор пока не будет достигнуто определенное единство между теорией и законотворческой деятельностью, в следственно-судебной практике будут в большей степени допускаться ошибки при квалификации мошенничества.

Описание исследования. Для решения цели и задач исследования применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение и описание. На основе применения анализа и синтеза было осуществлено не только детальное изучение обмана и злоупотребления доверием как способов совершения мошенничества (их лексического значения, а также понятия, содержания и формы), но и специфики их обобщенных характеристик. Методы индукции и дедукции позволили сформулировать выводы по результатам проведенного исследования. С помощью наблюдения был осуществлен сбор информации для формирования первоначального представления о способах совершения мошенничества, а также для постановки проблемы исследования. Метод описания позволил передать основные характеристики способов совершения мошенничества, используя научную терминологию и частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой и метод правовой статистики. Историко-правовой метод позволил провести ретроспективный анализ закономерностей и тенденций развития научных представлений о способах совершения мошенничества в отечественном уголовном законодательстве. С помощью сравнительно-правового метода были отграничены друг от друга такие уголовно-правовые категории, как обман и злоупотребление доверием. Использование метода правовой статистики позволило обогатить проведенное исследование эмпирической базой, а именно примерами из судебно-следственной практики.

Для того чтобы в рамках настоящей статьи процесс отграничения обмана от злоупотребления доверием был в наибольшей степени обоснованным, необходимо в первую очередь установить смысловое значение указанных понятий и только потом переходить к анализу и сравнению их юридического содержания.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «*обман*» – это «то же, что и

ложь, то есть намеренное искажение истины, неправда», а «*обмануть*» значит «ввести в заблуждение, сказать неправду»; в толковом словаре Д.Н. Ушакова «*обмануть*» значит «сознательно ввести в заблуждение», а «обманные действия» являются синонимом «мошеннических действий». Как словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, так и словарь Д.Н. Ушакова указывают на важное обстоятельство: лицо, прибегающее к обману, достоверно осознает, что искажает истину, то есть делает это «намеренно, сознательно». Следовательно, такие действия по существу своему не могут быть заблуждением со стороны обманываемого лица, то есть ошибкой или неправильным, ложным мнением. Помимо этого, указанными действиями обманщик вводит другое лицо в состояние заблуждения относительно каких-либо явлений действительности. Значение слова «доверие» в словаре Д.Н. Ушакова объясняется как «убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь», а «*злоупотребить*» – это «сознательно употребить во зло, во вред, незаконно использовать что-нибудь, принадлежащее по праву, находящееся в пределах власти (того, кто злоупотребляет)», то есть указывает на такую важную составляющую злоупотребления, как сознательность действий при употреблении чего-либо во зло, во вред или незаконно⁶.

Вопросы, связанные с определением существенных признаков обмана в теории уголовного права, имеют принципиальные отличия на разных исторических этапах развития России. Так, в дореволюционный период И.Я. Фойницкий под обманом понимал деятельность, совершенную посредством обольщения, которая направлена на побуждение лица к передаче виновному своего имущества [8, с. 89–90]. По его мнению, содержание обмана ограничивается «областью фактов прошедшего или настоящего времени, в которую не входят лживые обещания, ожидания и надежды» [8, с. 91]. С.В. Познышев обманом называл «умышленное искажение истины», а в содержание указанного понятия включал не только искажение явлений настоящего или прошедшего времени, но и ложное представление потерпевшего о правомерности передачи своего имущества виновному лицу [9, с. 253]. С.В. Познышев так же, как и И.Я. Фойницкий, отграничивал мошеннический обман от заведомо лживых уверений.

В ранний советский период развития российского уголовного права А.А. Жижиленко опреде-

⁶ Slovari. RU [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=221> (дата обращения: 10.07.2024).

лял обман как «заведомое извращение фактов с целью вызвать в другом лице не соответствующие действительности представления о них» [10, с. 153–154]. Его взгляд на содержание обмана схож со взглядами И.Я. Фойницкого и С.В. Познышева [10, с. 154–155] в части невозможности искажения явлений будущего.

Последующее представление об обмане в значительной степени изменилось. Так, Г.Н. Борзенков под обманом понимал «всякое искажение истины или умолчание об истине» [12, с. 30]. Он впервые отметил, что общественно опасным обманом, а потому наказуемым является обман путем умолчания об истине. Также он впервые определил, что в содержание обмана могут входить не только обстоятельства объективного характера, но и субъективного (намерения субъекта), следовательно, содержание обмана не может быть ограничено только лишь прошедшим или настоящим временем, поскольку оно включает в себя и те события, по поводу которых создается заблуждение и которые относятся к будущему. А.Г. Безверхов под обманом понимает «сообщение ложных сведений или сокрытие фактов, направленное на введение другого лица в заблуждение и склонение последнего к совершению действий (бездействия) в интересах обманщика» [5, с. 257]. Содержание обмана определяется им как «искажение фактов или умолчание о каких-либо жизненных обстоятельствах, знание о которых удержало бы потерпевшего от совершения акта поведения, значимого для обманщика» [5, с. 251].

По действующему уголовному законодательству обман – это «сознательное сообщение (представление) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо умолчание об истинных фактах, либо совершение умышленных действий, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»⁷. Обман как акт человеческой деятельности сам по себе не является уголовно наказуемым деянием, важно, чтобы он был именно общественно опасным. Таковым он становится в том случае, когда речь идет об обманном способе изъятия и (или) обращения чужого имущества, приобретения права на чужое имущество.

Содержанием обмана является введение другого лица в заблуждение относительно любых фактов прошлого, настоящего или будущего. При этом мы склонны согласиться с теми авто-

рами, которые считают, что ввести в заблуждение возможно с помощью ложных обещаний, поскольку это является разновидностью обмана в намерениях. Внешним выражением (формой) обмана является активный и пассивный обман. Активная форма обмана заключается в том, что преступник сознательно искажает истину, в результате чего она перестает соответствовать действительности. Искажение истины может быть как словесным (устным или письменным), так и происходить посредством умышленного совершения каких-либо действий.

Устное искажение истины, как правило, имеет место в момент общения мошенника и потерпевшего посредством разговорной речи. Не имеет значения, происходило ли общение непосредственно (при личной встрече) либо опосредованно (с помощью телефонной связи или связи иного вида). Письменное искажение истины имеет место либо тогда, когда мошенник и потерпевший находятся на расстоянии, либо в том случае, если для введения в заблуждение потерпевшего необходима письменная форма выражения несоответствующих действительности сведений (например, в заявлении виновного). Пример словесного (устного) искажения истины содержится в тексте приговора Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда по делу № 1-209/2024⁸. Так, *в ходе телефонного разговора Г.Ю.В. ввел К.П.В. в состояние заблуждения относительно предлагаемой помощи в приобретении репчатого лука у его знакомого продавца, намереваясь при этом распорядиться денежными средствами по своему усмотрению*. В результате заблуждения К.П.В. перевел последнему денежные средства в размере 205 000 рублей. Таким образом, в приведенном фрагменте отражен такой вид обмана, как обман в намерениях, совершенный посредством разговорной речи.

Искажение истины путем обманных действий осуществляется, как правило, в том случае, когда словесного обмана недостаточно для достижения преступного результата. Стоит отметить, что такие действия могут сопровождаться словесным обманом, однако могут быть самостоятельными. Наиболее частые случаи такого искажения истины связаны либо с предоставлением подложных документов, либо с использованием форменной одежды. Один из таких примеров содержится в тексте приговора Черноморского районного суда Республики Крым

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда по делу № 1-209/2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3Bv3JE> (дата обращения: 10.07.2024).

по делу № 1-55/2024⁹. Так, *ФИО 2 с целью хищения денежных средств при получении иных социальных выплат искажила истину обманными действиями, а именно путем представления заведомо ложных и недостоверных сведений в соответствующий государственный орган.*

Обман в пассивной форме является преступным бездействием, которое заключается в умышленном умолчании об истинных фактах. Такое умолчание (как причина) находится в прямой причинно-следственной связи с изъятием и (или) обращением чужого имущества или приобретением права на чужое имущество (как следствие). Пассивная форма обмана имеет место только в том случае, когда у виновного лица возникла обязанность сообщить потерпевшему истину, поскольку такое сообщение удержало бы последнего от неправомерной передачи имущества или права на имущество. Указанная обязанность может быть как юридической, так и нравственной, о чем свидетельствует следственно-судебная практика. Так, согласно приговору Плесецкого районного суда Архангельской области по делу № 1-130/2024, *«Д.С.В. обратился в военный комиссариат <...> с заявлением о назначении ему пенсии за выслугу лет с учетом районного коэффициента 1,2. <...> Д.С.В. утратил право получения пенсии с применением данного коэффициента, поскольку убыл на постоянное место жительства, о чем в военный комиссариат не сообщил, продолжив получать пенсию в повышенном размере»*¹⁰. В приведенном фрагменте гражданин совершил обман путем умолчания об истине. Указанное лицо по закону (это его юридическая обязанность) должно было сообщить о факте переезда на постоянное место жительства после увольнения со службы, поскольку данное обстоятельство лишает его права получать повышенную пенсию.

В приговоре Ленинского районного суда г. Курска по делу № 1-196/3-2017 говорится, что *«ФИО1, осознавая, что произошла ошибка по расходному кассовому ордеру в сумме начисления, достоверно зная, что ему по счету доступна сумма денежных средств в размере 10 584 рубля 00 копеек, решил умолчать об ошибочности начисления суммы денежных средств, сделав вид, что сумма денежных*

*средств в размере 840 343 рублей 89 копеек принадлежит ему, тем самым обманув кассира АО «Россельхозбанк»*¹¹. В приведенном фрагменте совершен обман путем умолчания об истине, в результате чего была добровольно осуществлена неправомерная передача денежных средств обвиняемому. Сообщение о допущенной ошибке было его нравственной обязанностью.

Процесс осознания злоупотребления доверием как юридической категории и способа совершения мошенничества в теории уголовного права неоднозначен. Активная полемика авторов относительно данного вопроса привела не только к расхождению мнений относительно места злоупотребления доверием в уголовном законодательстве России, но и в некоторых случаях к достаточно противоречивым суждениям. Так, например, А.А. Жижиленко понимал под злоупотреблением доверием «причинение вреда чужому имуществу, охрана которого лежала на обязанности виновного, посредством ненадлежащего пользования им правами, вытекающими для него из этой обязанности» [10, с. 126–127]. По мнению автора, виновное лицо при фактических отношениях (не юридических), используя определенные приемы, возбуждает у потерпевшего доверие к себе, с помощью которого в дальнейшем происходит незаконное приобретение имущества. «Эти особые приемы заключаются в такой деятельности, которая очень близко подходит к обману как таковому, являясь до известной степени его разновидностью, но не сливаясь окончательно с ним», – пишет А.А. Жижиленко [10, с. 160–161]. Указанным высказыванием ученый подводит читателя к логическому выводу: злоупотребление доверием схоже с обманом, но не является его разновидностью, следовательно, указанные способы совершения мошенничества альтернативные. Однако далее автор делает весьма противоречивый вывод: «оконченным мошенничеством должно считаться с момента получения виновным имущества посредством обмана» [10, с. 163]. Другими словами, даже несмотря на то что А.А. Жижиленко рассматривал злоупотребление доверием как альтернативный способ совершения мошенничества, моментом окончания рассматриваемого преступления автор в конечном итоге признает только такое получение виновным имущества, которое совершено посредством мошеннического обмана. И.И. Аносов определял злоупотребление доверием как «причинение вреда чужому имуществу лицом, уполномоченным в

⁹ Приговор Черноморского районного суда Республики Крым по делу № 1-55/2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3Bv5iR> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁰ Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области по делу № 1-130/2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3BvFE4> (дата обращения: 10.07.2024).

¹¹ Приговор Ленинского районного суда г. Курска по делу № 1-196/3-2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3BvKwR> (дата обращения: 10.07.2024).

силу закона, договора или правительственного распоряжения распоряжаться этим имуществом в интересах собственника посредством злоупотребления этим полномочием» [11, с. 272]. Г.Н. Борзенков считает, что «необходимым признаком рассматриваемого способа мошенничества являются особые отношения доверия между потерпевшим и виновным» [12, с. 70]. По его мнению, злоупотребление доверием достаточно часто путают с обманом в намерениях (например, ложными обещаниями). Б.С. Никифоров, напротив, относил ложные обещания не к обману, а к злоупотреблению доверием [13, с. 117]. Б.В. Волженкин считает, что «мошенничество путем злоупотребления доверием будет в случае, если виновный при хищении имущества или приобретении права на имущество пользуется доверительным к нему отношением собственника или иного владельца этого имущества» [14, с. 31]. В.А. Романцов отметил, что «злоупотребление доверием должно быть причиной перехода имущества во владение виновного или причинения им имущественного ущерба собственнику. Это важный момент для уяснения сущности данного способа преступления» [15, с. 73]. А.Г. Безверхов под указанной категорией понимает «использование в противоправных целях доверия, сложившегося между виновной и пострадавшей сторонами на основании юридических (гражданско-правовых, трудовых или служебных) и фактических отношений (родственных, дружеских, иных близких связей)» [5, с. 262].

По действующему уголовному законодательству Российской Федерации злоупотребление доверием – это «использование с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам»¹². Анализируя пп. 2 и 3 ППВС № 48, следует обратить внимание на их противоречивый смысл. Так, согласно п. 2 сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к «намерениям». Следовательно, указанным постановлением намерения виновного лица отнесены к разновидности обмана. Однако в п. 3 рассматриваемого постановления утверждается противоположное, а именно: злоупотребление доверием имеет место в случаях «принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсут-

ствия у него намерения их выполнить»¹³. Следовательно, исходя из смысла рассматриваемых пунктов, заведомо ложные обещания (намерения) при квалификации мошенничества можно относить равным образом и к обману, и к злоупотреблению доверием. Это означает, что даже законодатель не способен должным образом отграничить указанные способы. Причина таких противоречий (как в теории уголовно права, так и на законодательном уровне) видится в том, что в попытках определить сущность злоупотребления доверием и его место в уголовном законодательстве упускаются важные обстоятельства: во-первых, обман – более общественно опасное явление, нежели злоупотребление доверием, а многие деяния, которые формально подпадают под признаки злоупотребления доверием, не могут образовывать состав преступления в силу своей малозначительности; во-вторых, злоупотребление доверием, если и имеет место при совершении мошенничества, то является условием для совершения мошеннического обмана. Так, многие виды мошеннического обмана невозможно было бы совершить, если бы виновное лицо не использовало во зло доверительные отношения с потерпевшим (как по юридическому, так и по фактическому обстоятельству). Однако даже при наличии этого условия способом совершения указанного преступления выступает именно обман в качестве конструктивного признака, образующего такую форму хищения, как мошенничество.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, необходимо сделать выводы о том, что содержанием обмана является введение другого лица в заблуждение относительно любых фактов прошлого, настоящего или будущего (в том числе намерений). Внешним выражением (формой) обмана является активный и пассивный обман. Активная форма выражена в искажении истины с помощью словесного обмана либо обманных действий. Пассивная форма – это умолчание об истинных фактах, сообщение о которых было юридической либо нравственной обязанностью виновного лица. Конструктивным признаком мошенничества является обман как единственно возможный способ его совершения. Злоупотребление доверием в отдельных случаях может выступать только условием для совершения мошеннического обмана. По мнению автора, ч. 1 ст. 159 УК РФ следует изложить следующим образом: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана».

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/32MqCz> (дата обращения: 10.07.2024).

¹³ См: там же.

Литература

1. **Мальшева Ю.Ю.** Ответственность за преступления в сфере экономики, совершаемые путем обмана, по уголовному праву России: автореф. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 21 с.
2. **Кибальник А.Г.** Квалификация мошенничества в новом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 61–67.
3. **Шхагапсоев З.Л.** Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С. 97–102.
4. **Борзенков Г.Н.** Разграничение обмана и злоупотребления доверием // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 4–7.
5. **Безверхов А.Г.** Имущественные преступления: монография. – Самара: Самарский университет, 2002. – 360 с.
6. **Хилыута В.В.** Злоупотребление доверием как форма хищения // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2011. – № 3. – С. 540–554.
7. **Красноперов Е.В.** Разграничение обмана и злоупотребления доверием в составах преступлений против собственности // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 84 (10). – С. 1–10.
8. **Фойницкий И.Я.** Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование: монография. В 2 ч. – Санкт-Петербург: тип. товарищества «Общественная польза», 1871. Ч. 2. – 289 с.
9. **Познышев С.В.** Особенная часть русского уголовного права: сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений: монография. – Москва: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсона, 1912. – 506 с.
10. **Жижиленко А.А.** Имущественные преступления: монография. – Ленинград: Наука и школа, 1925. – 226 с.
11. **Аносов И.И.** Злоупотребление доверием: монография. – Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1916. – 382 с.
12. **Борзенков Г.Н.** Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации): монография. – Москва: Юридическая литература, 1971. – 168 с.
13. **Никифоров Б.С.** Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву: монография. – Москва: изд-во Академии наук СССР, 1952. – 180 с.
14. **Волженкин Б.В.** Мошенничество: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». – Санкт-Петербург: изд-во СПб ЮИ ГП РФ, 1998. – 35 с.
15. **Романцов В.А.** Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (уголовно правовые проблемы мошенничества): монография. – Санкт-Петербург, 1999. – 127 с.

References

1. **Malysheva Yu. Yu.** Otvetstvennost' za prestupleniya v sfere ekonomiki, sovershaemye putem obmana, po ugovolnomu pravu Rossii: avtoref. ... kand. jurid. nauk. – Kazan', 2004. – 21 s.
2. **Kibal'nik A.G.** Kvalifikatsiya moshennichestva v novom postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii // Ugolovnoe pravo. – 2018. – № 1. – S. 61–67.
3. **Shkhagapsoev Z.L.** Problemy kvalifikatsii prestuplenii protiv sobstvennosti, sovershaemykh putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem // Obshchestvo i pravo. – 2009. – № 3 (25). – S. 97–102.
4. **Borzenkov G.N.** Razgranichenie obmana i zloupotrebleniya doveriem // Ugolovnoe pravo. – 2008. – № 5. – S. 4–7.
5. **Bezverkhov A.G.** Imushchestvennye prestupleniya: monografiya. – Samara: Samarskii universitet, 2002. – 360 s.
6. **Khilyuta V.V.** Zloupotreblenie doveriem kak forma khishcheniya // Lex Russica (Nauchnye trudy MGYuA). – 2011. – № 3. – S. 540–554.
7. **Krasnoperov E.V.** Razgranichenie obmana i zloupotrebleniya doveriem v sostavakh prestuplenii protiv sobstvennosti // Nauchnyi zhurnal KubGAU. – 2012. – № 84 (10). – S. 1–10.
8. **Foinitskii I.Ya.** Moshennichestvo po russkomu pravu. Sravnitel'noe issledovanie: monografiya. V 2 ch. – Sankt-Peterburg: tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1871. Ch. 2. – 289 s.
9. **Poznyshch S.V.** Osobennaya chast' russkogo ugovolnogo prava: sravnitel'nyi ocherk vazhneishikh otdelov osobennoi chasti starogo i novogo ulozhenii: monografiya. – Moskva: Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levensona, 1912. – 506 s.
10. **Zhizhilenko A.A.** Imushchestvennye prestupleniya: monografiya. – Leningrad: Nauka i shkola, 1925. – 226 s.
11. **Anosov I.I.** Zloupotreblenie doveriem: monografiya. – Moskva: Pечатnya A.I. Snegirevoi, 1916. – 382 s.
12. **Borzenkov G.N.** Otvetstvennost' za moshennichestvo (voprosy kvalifikatsii): monografiya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1971. – 168 s.
13. **Nikiforov B.S.** Bor'ba s moshennicheskimi posyagatel'stvami na sotsialisticheskuyu i lichnyuyu sobstvennost' po sovetскому ugovolnomu pravu: monografiya. – Moskva: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. – 180 s.
14. **Volzhenkin B.V.** Moshennichestvo: Seriya «Sovremennye standarty v ugovolnom prave i ugovolnom protsesse». – Sankt-Peterburg: izd-vo SPb Yul GP RF, 1998. – 35 s.
15. **Romantsov V.A.** Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem (ugolovno pravovye problemy moshennichestva): monografiya. – Sankt-Peterburg, 1999. – 127 s.

(статья сдана в редакцию 22.07.2024)

ПРАКТИКА ПРИЗНАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

THE PRACTICE OF RECOGNIZING INFORMATION MATERIALS AS EXTREMIST IN COURT: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PROBLEMS AND WAYS OF SOLVING THEM

УДК 340

И.С. ХОВАНОВ,
аспирант
(Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева,
Россия, Орел)
khovanov.i@yandex.ru

ILYA S. KHOVANOV,
Postgraduate
(Orel State University named after I.S. Turgenev,
Orel, Russia)

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу правоприменительной практики признания информационных материалов экстремистскими в судебном порядке. Целью исследования является выявление на основе изучения нормативно-правовой базы материалов судебной практики, статистических данных и доктринальных источников основных проблем в данной сфере и определение возможных путей их решения.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, дедукция, правовое моделирование, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Автор диагностирует ряд системных проблем, возникающих в ходе реализации установленной законом процедуры признания информационных материалов экстремистскими, в том числе чрезмерную длительность судебного разбирательства, приводящую к продолжению свободного распространения противоправного контента; проблему сайтов-зеркал, обеспечивающих доступность экстремистских материалов даже после их официального запрета; сложности с мониторингом и контролем за исполнением судебных решений; недостатки межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и Роскомнадзора.

На основе анализа выявленных проблем автор предлагает комплекс мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет. В части оптимизации судебных процедур обосновывается целесообразность введения упрощенного порядка рассмотрения дел в отношении повторно размещаемого противоправного контента и наделения прокурора правом требовать внесудебной блокировки зеркал экстремистских сайтов. Предлагается также перестройка системы мониторинга и контроля за исполнением судебных решений на основе налаживания оперативного межведомственного взаимодействия, расширения полномочий территориальных прокуроров и создания единой информационной базы данных.

Научная и практическая значимость исследования заключается в развитии теоретических основ противодействия экстремизму в сети Интернет, выработке модельных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Сформулированные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности, в работе органов прокуратуры и судов, в образовательном процессе юридических вузов.

Ключевые слова: экстремистские материалы, судебный порядок, прокуратура, Роскомнадзор, правоприменение, противодействие экстремизму, Интернет, сайты-зеркала, межведомственное взаимодействие.

Для цитирования: Хованов И.С. Практика признания информационных материалов экстремистскими в судебном порядке: анализ проблем правоприменения и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 103–107.

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the law enforcement practice of recognizing information materials as extremist in court. The purpose of the study is to identify the main problems in this area and determine possible ways to solve them based on the study of the regulatory framework, judicial practice, statistical data and doctrinal sources.

The methodological basis of the study is general scientific and special methods of cognition: analysis, synthesis, deduction, legal modeling, and formal-legal and comparative-legal methods.

The author diagnoses a number of systemic problems that arise when implementing the rules for the provision of extremist information materials established by law. These include excessive duration of legal proceedings, leading to the continued free distribution of illegal content; the problem of «mirror sites», ensuring the availability of extremist materials even after their official ban; difficulty in monitoring and control over the execution of court decisions; shortcomings in interdepartmental cooperation between the prosecutor's office and Roskomnadzor.

Based on the identified problems, the author proposes a set of legal and organizational measures aimed at increasing the effectiveness of countering the dissemination of extremist materials on the Internet. In terms of optimizing judicial procedures, the paper substantiates the introduction of a simplified procedure for considering cases regarding the repeated posting of illegal content and empowering the prosecutor to demand extrajudicial blocking of «mirrors» of extremist sites. It also proposes restructuring the system and monitoring the execution of court decisions on the principles of operational interdepartmental interaction, expanding the powers of territorial prosecutors and creating a single information database.

The scientific and practical innovation of the study lies in the development of conceptual foundations for countering extremism on the Internet, the development of model proposals for improving legislation and law enforcement practice. The conclusions and recommendations formulated in the work can be used in lawmaking, in the work of prosecutorial authorities and courts, in the educational process of law schools.

Keywords: extremist materials, personal order, prosecutor's office, Roskomnadzor, law enforcement, countering extremism, Internet, mirror sites, interdepartmental interaction.

For citation: Khovanov I.S. The practice of recognizing information materials as extremist in court: analysis of law enforcement problems and ways of solving them // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 1. – P. 103–107.

Введение. Распространение экстремистских материалов в сети Интернет представляет серьезную угрозу национальной безопасности. В этой связи особое значение приобретает эффективность судебной процедуры признания информации экстремистской, поскольку именно судебное решение является правовым основанием для последующей блокировки доступа к противоправному контенту. Вместе с тем анализ правоприменительной практики выявляет ряд проблем, препятствующих быстрому и эффективному противодействию экстремизму в виртуальном пространстве. Цель настоящей статьи – на основе изучения действующего законодательства и правоприменительной практики обозначить основные проблемы в сфере признания материалов экстремистскими в судебном порядке и предложить возможные пути их решения.

Описание исследования. Действующее законодательство устанавливает судебный порядок признания информационных материалов экстремистскими. Ключевую роль в инициировании этой процедуры играет прокурор, который вправе обратиться в суд с соответствующим

административным иском заявлением. Правовая основа закреплена в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации.

Административное исковое заявление о признании материалов экстремистскими может быть подано в суд субъекта Российской Федерации по месту обнаружения, распространения данных материалов или по адресу организации, осуществляющей их производство. Закон устанавливает детальные требования к форме и содержанию искового заявления. Обязательными элементами являются адрес интернет-страницы, доменное имя сайта, мотивированное обоснование отнесения информации к экстремистской, доказательства (скриншоты страниц, протоколы осмотра, заключения экспертов).

Важно отметить, что процессуальное законодательство предусматривает специальный порядок рассмотрения данной категории дел. Он характеризуется сокращенными сроками (до 2 месяцев с момента поступления заявления в суд), возможностью принятия мер предва-

рительной защиты в виде ограничения доступа к материалам до решения суда, привлечением к делу владельцев и авторов информации. Бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для обращения в суд, лежит на прокуроре [1].

Изучение правоприменительной практики показывает, что, несмотря на достаточно четкую законодательную регламентацию судебной процедуры признания материалов экстремистскими, в ходе ее реализации возникает ряд проблем, существенно снижающих эффективность противодействия распространению противоправной информации в Интернете [2].

Одной из ключевых проблем является чрезмерная длительность судебного разбирательства по делам о признании материалов экстремистскими [3]. Хотя процессуальное законодательство устанавливает сокращенные сроки рассмотрения данной категории дел (до 2 месяцев), на практике с момента обращения прокурора в суд до вступления судебного решения в законную силу нередко проходит гораздо больше времени. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, средний срок рассмотрения дел о признании информации, запрещенной к распространению составил 3,5 месяца, а в отдельных случаях достигал 7–8 месяцев [4]. Затягивание судебного процесса обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. С одной стороны, дела данной категории, как правило, являются достаточно сложными и требуют тщательного исследования спорных материалов на предмет наличия признаков экстремизма, что предполагает проведение экспертиз, допрос специалистов, детальный анализ содержания публикации [5]. С другой стороны, имеют место и организационные проблемы: высокая загруженность судов, нехватка профильных специалистов в штате, технические сложности с извещением сторон. Негативным последствием длительности судопроизводства является то, что в течение всего периода разбирательства экстремистские материалы продолжают свободно распространяться в Интернете, воздействуя на сознание пользователей и вовлекая в орбиту деструктивной идеологии все новых адептов. По оценкам экспертов, с учетом вирусного характера распространения информации в современном цифровом пространстве даже 2–3 месяца свободного доступа к экстремистскому контенту способны увеличить аудиторию его потребления в десятки раз [6]. Таким образом, организационные и процессуальные издержки оборачиваются угрозой информаци-

онной безопасности общества и государства.

Не менее серьезной проблемой, тесно связанной с предыдущей, является появление многочисленных зеркал экстремистских сайтов после их блокировки на основании судебного решения. «Эффект гидры», когда на месте заблокированного ресурса практически мгновенно возникают десятки его копий, сводит на нет усилия правоохранительных органов. Пока по каждому новому зеркалу запускается процедура признания его экстремистским и длится судебное разбирательство, противоправный контент продолжает распространяться, находя все новых потребителей. Показательным примером является ситуация с сайтом одной из запрещенных в России экстремистских организаций. После признания его материалов экстремистскими решением Мосгорсуда в течение последующих 6 месяцев было выявлено более 50 зеркал, идентичных по содержанию исходному ресурсу, и пока в отношении каждого из них прокуратура инициировала новое судебное разбирательство, проходили недели и месяцы, в течение которых экстремистская пропаганда продолжала беспрепятственно распространяться [7].

Следующая группа проблем связана с контролем за исполнением судебных решений о признании информационных материалов экстремистскими. Прокуроры, добившиеся в суде запрета распространения противоправного контента, зачастую сталкиваются со сложностями в получении информации о реальном ограничении доступа к нему со стороны Роскомнадзора. Нередки случаи, когда экстремистские публикации остаются доступны даже после вступления в силу судебного решения¹. Фундаментальной причиной данной проблемы является отсутствие эффективной системы обратной связи между прокуратурой и Роскомнадзором. Надзорное ведомство не имеет прямого доступа к информации о технической реализации механизма блокировки, что не позволяет осуществлять полноценный мониторинг и своевременно реагировать на выявленные нарушения [8]. В результате правовой запрет распространения экстремистских материалов в ряде случаев остается декларативным, не подкрепленным действенными организационными и техническими мерами [9].

Наконец, последняя группа проблем касается организации взаимодействия между различными уровнями прокурорской системы и террито-

¹ В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялась расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprpf/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 15.08.2024).

риальными подразделениями Роскомнадзора в процессе мониторинга и блокировки экстремистских ресурсов. Действующий порядок не предусматривает право районных прокуроров, непосредственно осуществляющих надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму, напрямую обращаться в территориальные подразделения Роскомнадзора. Все запросы должны направляться в вышестоящую прокуратуру субъекта, которая уже взаимодействует с региональным управлением Роскомнадзора [10].

Подобный усложненный механизм коммуникации существенно замедляет процесс обмена информацией и принятия мер реагирования. Прокуроры на местах лишены возможности оперативно инициировать проверку по факту выявления экстремистских материалов, получать актуальные данные о результатах блокировки, указывать на недостатки в реализации ограничительных мер. Это приводит к потере времени, столь важного в условиях динамично меняющейся интернет-среды, снижает управляемость процессами борьбы с экстремизмом [11].

Таким образом, практика применения действующей процедуры признания информационных материалов экстремистскими обнаруживает целый комплекс взаимосвязанных проблем, начиная от длительности судебного производства и заканчивая недостатками межведомственной координации. Очевидно, что преодоление данных проблем требует выработки комплексных мер совершенствования правового регулирования и правоприменительной деятельности [12]. Революционным шагом могло бы стать наделение прокуратуры правом требовать внесудебной блокировки сайтов-зеркал с экстремистским контентом на основании ранее принятого судебного решения в отношении исходного ресурса. Такой подход успешно применяется в ряде зарубежных стран и уже доказал свою эффективность. Безусловно, реализация данной идеи потребует тщательной проработки процедуры и гарантий против злоупотреблений, но это в перспективе может кардинально повысить оперативность и действенность противодействия распространению экстремизма онлайн.

Ключевым направлением также должно стать налаживание эффективной системы мониторинга и контроля за исполнением судебных решений о признании материалов экстремистскими. Необходимо разработать и внедрить специальный механизм взаимодействия органов прокуратуры и Роскомнадзора, предполагающий оперативный обмен актуальной информацией о статусе блокировки противоправного контента

и незамедлительное реагирование на выявленные нарушения. Целесообразно также предоставление прокурорам районного звена возможности напрямую обращаться в территориальные подразделения Роскомнадзора по вопросам мониторинга и блокировки экстремистских материалов. Это позволит существенно повысить эффективность и своевременность реагирования на нарушения. Дополнительным фактором оптимизации может быть создание единой информационной системы, аккумулирующей сведения о выявленных экстремистских ресурсах и статусе их блокировки. Доступ к этой базе данных должны иметь все уполномоченные должностные лица органов прокуратуры и Роскомнадзора, что обеспечит координацию усилий и исключит дублирование функций. Кроме того, указанная система могла бы автоматически направлять уведомления заинтересованным субъектам о каждом случае изменения статуса мониторинга и блокировки противоправного контента [13].

Заключение. Проведенный анализ показывает, что противодействие распространению экстремистских материалов в Интернете путем их признания таковыми в судебном порядке сопряжено с рядом проблем правового и организационного характера. Ключевыми из них являются длительность судебного разбирательства, сложности с блокировкой зеркал экстремистских сайтов, недостатки системы мониторинга и контроля за исполнением судебных решений, издержки взаимодействия прокуратуры и Роскомнадзора.

Преодоление указанных негативных факторов и повышение эффективности борьбы с интернет-экстремизмом требуют оптимизации судебных процедур: введения упрощенного порядка, наделения прокурора правом требовать внесудебной блокировки сайтов-зеркал, налаживания действенной системы мониторинга и контроля исполнения судебных решений о признании материалов экстремистскими, расширения полномочий нижестоящих прокуроров по взаимодействию с территориальными подразделениями Роскомнадзора, создания единой межведомственной информационной системы учета противоправных ресурсов.

Реализация данных мер, адаптирующих действующий механизм противодействия к современным условиям, позволит качественно улучшить состояние законности в информационном пространстве и минимизировать риски использования Интернета в экстремистских целях. При этом крайне важно обеспечить соблюдение гарантий прав и свобод граждан, не допустить необоснованного ограничения доступа к информации и произвольного расширения понятия

Литература

1. Назарова И.С., Кулешова А.А., Сидак И.И. Экстремизм и терроризм как угроза национальной безопасности // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5 (233). – С. 81–85.
2. Антонов И.А., Кульпин А.А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 2 (27). – С. 38–47.
3. Никишин В.Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75. – № 11 (192). – С. 131–148.
4. Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Экспертно-криминалистический подход к анализу противоправного интернет-контента, подлежащего внесудебной блокировке // Эксперт-криминалист. – 2024. – № 1. – С. 9–12.
5. Медведева А.С. Правовой, объяснительный и экспертный потенциалы понятий, использованных законодателем при установлении запрета пропаганды ЛГБТ // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21. – № 2. – С. 251–262.
6. Мишакова Н.В. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 3 (91). – С. 71–80.
7. Исаенко В.Н. Криминалистический алгоритм – реальность или заблуждение? // Криминалист. – 2023. – № 1 (42). – С. 62–68.
8. Данилова Н.А., Честнов И.Л. Уголовное дело: проблематизация понятия // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 3 (101). – С. 56–64.
9. Галяшина Е.И., Чернышев К.А. Основы криминалистической тактики при назначении экспертизы по делам экстремистской направленности в производстве по делам об административных правонарушениях // Юрислингвистика. – 2023. – № 29. – С. 67–72.
10. Исаенко В.Н., Павлова Е.В. Допустимость заключения эксперта и показаний специалиста как предмет судебной оценки // Уголовное право. – 2021. – № 3 (127). – С. 56–62.
11. Данилова Н.А., Кульпин А.А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) // Криминалист. – 2023. – № 4 (45). – С. 38–45.
12. Коршунова О.Н. Противодействие экстремизму, терроризму и их финансированию как комплексное направление деятельности органов прокуратуры // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. № 11–1. – С. 122–139.
13. Хованов И.С. О некоторых проблемах противодействия прокуратурой Российской Федерации экстремизму в интернете // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 460–471.

References

1. Nazarova I.S., Kuleshova A.A., Sidak I.I. Ekstremizm i terorizm kak ugroza natsional'noi bezopasnosti // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2024. – № 5 (233). – S. 81–85.
2. Antonov I.A., Kul'pin A.A. Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoi informatsii ob ispol'zovanii Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii (st. 207.3 Ugolovno go kodeksa Rossiiskoi Federatsii): manipulyativnoe ispol'zovanie metafory i ee issledovanie pri provedenii ekspertiz po ugovolnym delam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii. – 2024. – № 2 (27). – S. 38–47.
3. Nikishin V.D. Vredonosnaya informatsiya v internet-media: «okno Overtona» i vzaimosvyaz' destruktivnykh setevykh techenii // Lex Russica (Russkii zakon). – 2022. – T. 75. – № 11 (192). – S. 131–148.
4. Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. Ekspertno-kriminalisticheskii podkhod k analizu protivopravnogo internet-kontenta, podlezhashchego vnesudebnoi blokirovke // Ekspert-kriminalist. – 2024. – № 1. – S. 9–12.
5. Medvedeva A.S. Pravovoi, ob'yasnitel'nyi i ekspertnyi potentsialy ponyatii, ispol'zovannykh zakonodatelem pri ustanovlenii zapreta propagandy LGBT // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2024. – T. 21. – № 2. – S. 251–262.
6. Mishakova N.V. Deyatel'nost' prokuratury Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korruptsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2022. – № 3 (91). – S. 71–80.
7. Isaenko V.N. Kriminalisticheskii algoritm – real'nost' ili zabluzhdenie? // Kriminalist. – 2023. – № 1 (42). – S. 62–68.
8. Danilova N.A., Chestnov I.L. Ugolovnoe delo: problematizatsiya ponyatiya // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2024. – № 3 (101). – S. 56–64.
9. Galyashina E.I., Chernyshev K.A. Osnovy kriminalisticheskoi taktiki pri naznachenii ekspertizy po delam ekstremistskoi napravlenosti v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Yurilingvistika. – 2023. – № 29. – S. 67–72.
10. Isaenko V.N., Pavlova E.V. Dopustimost' zaklyucheniya eksperta i pokazanii spetsialista kak predmet sudebnoi otsenki // Ugolovnoe pravo. – 2021. – № 3 (127). – S. 56–62.
11. Danilova N.A., Kul'pin A.A. Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu v khode rassledovaniya publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoi informatsii o deistviyakh Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii i inykh uchastnikov spetsial'noi voennoi operatsii na territorii Ukrainy (st. 207.3 UK RF) // Kriminalist. – 2023. – № 4 (45). – S. 38–45.
12. Korshunova O.N. Protivodeistvie ekstremizmu, terorizmu i ikh finansirovaniyu kak kompleksnoe napravlenie deyatel'nosti organov prokuratury // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2020. – T. 10. № 11–1. – S. 122–139.
13. Khovanov I.S. O nekotorykh problemakh protivodeistviya prokuraturoi Rossiiskoi Federatsii ekstremizmu v internete // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2023. – № 26. – S. 460–471.

(статья сдана в редакцию 28.10.2024)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

